

ДЖЕЙМС ФИНИЧИ

далеко не
ПРИНЦ

в сияющих доспехах

Я ВЕРНУСЬ ЗА ТОБОЙ

серия «Порочный, темный, опасный», #2

от автора из списка бестселлеров USA Today

Дж.Э. Хасс

Харпер говорит мне: «Тайны только подпитывают тьму». Но я вижу эту ситуацию по-другому. Тайны не дают мне умереть. Честность не всегда является лучшей политикой. И все, что известно, может причинить нестерпимую боль. Контракты, которые я исполняю, являются всего лишь соглашениями. А смерть лишь коммерческой сделкой. Тайны — валюта в моем мире. Я оплачиваю ими свои долги. Подпитываюсь ими. Они помогают мне не сдавать своих позиций в настоящем, а также обеспечивают безопасное будущее. Я жил жизнью, которая была наполнена тайнами, на протяжении долгого времени — я забыл, что такое... испытывать чувства. Но это все было до того момента, пока я не увидел Харпер. Пока я не увидел, какой красивой она стала. Какой идеальной, чистой и невинной в окружении всего омерзительного. И порочное обещание, которое я отверг в ту ночь, когда отец Харпер превратил меня в киллера двенадцать лет назад, внезапно оказалось вновь актуальным. Харпер может быть моей. Нет... Харпер будет моей. И все, что мне нужно для этого — всего лишь выполнить поставленное задание. Смерть — это просто коммерческая сделка. И я только что пожал отцу Харпер руку.

Название: «Я вернусь за тобой»

Серия: «Порочный, темный, опасный#1»

Автор: Дж. Э.Хасс

Переводчики: Ирина, Ольга(1-24 главу)

Редактор: Алена

Вычитка, сверка и оформление: Matreshka

Обложка: Mistress

Глава 1

Джеймс

Ребенок.

Я смотрю на разъяренную девочку, которая сидит на холме посреди степи и внимательно наблюдает за обстановкой.

Подросток.

Что еще хуже.

Я хватаю свой бинокль и разглядываю ее лицо. Она хмурится, в ее темно-русых волосах торчит всякий мусор в виде веток и листьев. Я разглядываю ее одежду. Она прямое воплощение того, как выглядят «лишние» люди, те, которые проживают на улицах. Она выглядит словно жила в этой глуши долгие недели, а не пару дней...

И это нехороший знак.

Я нажимаю кнопку, и окно с водительской стороны опускается. Я даю ей пару секунд,

чтобы сообщить, что сказать мне, закричать или же встать. Ну, сделать хоть что-нибудь. Но она просто продолжает сидеть, смотря на меня. Ее грязные русые волосы развеваются на ветру, а лицо покрыто грязью. С холма за ее спиной в небо поднимается небольшой дымок.

Я издаю пронзительный крик:

— Давай шевелись, поехали!

Ветер уносит мои слова вдаль, а она все продолжает спокойно сидеть, поэтому мне кажется, что она меня не слышит. Но затем — движение. Она поднимает руку так, словно собирается помахать. Я даже испытываю облегчение на долю секунды.

Но затем она ухмыляется и показывает мне средний палец, отряхивает пыль со своей задницы, разворачивается и скрывается из виду, заходя за холм.

— Гребаный мудак Мерк, — выплевываю я ругательство, когда глушу мотор, затем открываю дверь, чтобы пойти и догнать ее. Он отправил мне координаты на прошлой неделе и сказал забрать «посылку» для него. Я задержался на пару дней из-за Харпер, но этот чертов мудак сказал «посылка», не было речи о том, что это будет ребенок.

Сейчас раннее утро, солнце только-только восходит на востоке, иней, который собрался на низких терновых кустах, начинает таять, оставляя на моих ботинках разводы от воды, поскольку мне приходится тащиться, чтобы забрать девчонку.

Я не должен Мерку ничего. Я отдал ему свой долг еще месяц назад. Но я не могу отказать Мерку. Мне нужно разобраться с дерьмом, что творится с Харпер, а затем решить все с Адмиралом. Я нахожусь в тупиковой ситуации, потому что пришло время переступить черту, после чего возврата назад уже не будет, а так как все мои друзья по Организации мертвы, Мерк единственный, на чью помощь я могу рассчитывать.

Поэтому я иду по степи Колорадо, направляясь за маленьким дерьмом, которое думает, что может послать меня, показав средний палец. Моя злость разгорается с новой силой, когда я поднимаюсь на холм, на котором она сидела ранее.

Я смотрю на ее временный лагерь. Там больше никого нет, она покинула его.

Неподалеку на земле лежит темная кучка пепла и сгоревших веток, скорее всего, на том месте был костер; недалеко расположена самодельная подстилка из травы, которую она, возможно, использовала, как кровать. Но кроме этого больше ничего нет.

Пистолет в моей руке оказался еще задолго до того, как я перешел холм и начал осматривать окружающую местность. Она выбрала отличное место, я должен отдать ей должное. Этот покатый холм просто великолепное место для обзора; все, что необходимо сделать, так это лечь на землю и тебя не будет видно.

— Мерк послал меня, — кричу я. — Я должен тебя забрать.

Я отступаю немного назад и присаживаюсь к земле. Я не уверен, кто именно эта девочка, могу лишь гадать и предполагать...

Саша.

Она осиротела на прошлое Рождество и была отправлена к своим бабушке и дедушке, и находится под полной ответственностью Мерка, потому что он был именно тем, кто убил ее отца. До меня дошли новости, что прошлой весной ранчо ее бабушки и дедушки сгорело, и умерли все, кто находился на его территории. Возгорание произошло вследствие взрыва пропана. Но я был слишком занят дерьмом, которое творилось в моей жизни, чтобы думать о том, что одна из детей Организации умерла.

Но она определенно не умерла тогда.

— Саша! — кричу я. — Гребаный Мерк послал меня. А теперь подняла свою задницу

и... — Стрела пролетает рядом с моей головой, и я мгновенно падаю на землю, как можно сильнее вжимаясь в нее. — Что за хер...

— Ты счастливчик! — кричит она откуда-то справа от меня. — Я не очень отличный стрелок. Но у меня еще есть пистолет, и тут я могу тебе обещать, что не промахнусь.

Мать Божья. Младенец Иисус, а ведь сейчас бы я мог находиться в кровати с Харпер, трахая ее сладкую киску и прижимая ее податливое тело к себе, вместо того, чтобы ползать по степи за долбанутой девчонкой. Что вообще случилось с девочками? С какого времени они стали подражать убийцам?

— Саша, бл*дь, мать твою, успокойся. Я здесь, потому что меня послал Мерк! Чтобы я придержал тебя у себя на неко....

— Придержал меня у себя? — теперь ее голос раздается слева от меня, и в данный момент она придвинулась ближе. — Я не гребаная собственность.

Я переползаю через холм справа от меня, затем замечаю ее макушку с грязными волосами, потому что она начинает передвигаться назад в то место, где была до этого. Она неплохой преследователь. И она, несомненно, бесстрашна. Но если она думает, что я дам ей уйти только потому, что она ребенок, то очень заблуждается, скорее всего, она может погибнуть, если будет себя вести в том же духе. Джеймс хороший парень, но Тет не даст вам шанса.

— Я оставлю тебя, если тебе так хочется, маленькое сумасшедшее дерьмо, но вначале нам придется сделать телефонный звонок, чтобы я мог отклонить его просьбу, потому что я не просто так наматывал сюда тысячу километров.

Как только прекращаю говорить, я добираюсь до другого холма с левой стороны, поднимаю голову вверх и не вижу ничего, затем делаю один неистовый рывок, чтобы перебраться еще через один холм.

На этот раз я расплываюсь в улыбке, потому что она прямо передо мной.

— Я не хочу разговаривать с этим мудаком....

Я нападаю на нее сзади, перед тем как она успевает закончить предложение. Она издает стон, поскольку я прижимаю ее, оборачивая ногу вокруг ее талии, чтобы накрепко припечатать ее к земле, затем хватаю ее руку за бицепс и прижимаю его к локтю.

— Лежи спокойно, — рычу я ей на ухо. — Или я, нахрен, сломаю этот локоть.

Она борется в течение некоторого времени, но я увеличиваю силу захвата, и она издает болезненный плач.

— Я не собираюсь заниматься херней. Я не знаю, может, Мерк спустил бы тебе на тормозах этот поступок и смирился со всем дерьмом, но, запомни, я — Тет. И если ты попытаешься мне угрожать еще раз, я, нахрен, сверну твою шею и не посмотрю, что ты ребенок.

Она прекращает бороться после моих слов, и я прижимаюсь к ней сильнее, только для того, чтобы она не вздумала задурить мне мозги и перехитрить меня. Она настолько же опасна, как и Харпер. Кто вообще надоумил ее отца обучать девчонку? Насколько я знаю, ее отец был торговец оружием. Его кодовое имя Ковбой. Что не оставляет за девочкой никого статуса, она даже больше, чем просто никто. Она просто еще одна девочка, которая брошена, как кость, на милость утоления голода Организации.

— Саша? — спрашиваю я ее, когда ее дыхание успокаивается, и она спокойно лежит в течение еще нескольких минут. — Ты Саша?

Она мне не отвечает.

— Меня зовут Тет. Мы можем решить эту ситуацию одним из двух способов: ты пойдешь со мной, и я передам тебя с рук на руки Мерку, или же я сейчас убью тебя, а затем тебя съедят волки.

— Но здесь нет волков, — фыркает она.

— О, конечно же, есть, девочка, еще как есть, и один из них, как раз сейчас тебя удерживает. — Я чувствую, как она дрожит подо мной, и улыбаюсь. — А теперь ты готова отвечать? Или мне просто покончить с этим раз и навсегда? Потому что мне необходимо возвращаться туда, откуда я приехал, меня ждет более важное дело. Без тебя или с тобой, я уезжаю через пять минут.

— Отлично, — она издает рык в ответ.

— Где твой настоящий лагерь? — спрашиваю я ее, когда поднимаюсь и вздергиваю ее вверх с земли за куртку. Она весит не больше кролика. И я нахожу это забавным. После того, как в течение девяти лет Организация предпринимала попытки воспитать идеальных женщин-убийц, они, в конце концов, получили двух разъяренных тигриц, которые совершенно вышли из-под контроля.

— Там, — она указывает в северном направлении. Я подталкиваю ее, чтобы она двигалась вперед, она понимает намек и начинает спускаться с холма. Я прижимаю свой пистолет Five-seven^{N1} к ее спине, чтобы показать, что моя угроза в силе. Когда мы подходим к нужному месту, я понимаю, что она очень хорошо укомплектована.

Я вижу небольшую кучку перьев в углу ее лагеря, мне кажется, они принадлежали фазану. Значит она не испытывала недостатка в питании. Ее спальный мешок скручен и прикреплен к туристическому рюкзаку, который тоже забит до отказа. Разнообразные личные принадлежности свисают с него, пристегнутые карабинами. Она подхватывает камуфляжную кепку с земли и надевает ее на свои волосы, в которых торчит мусор, затем закидывает тяжелый туристический рюкзак себе на плечи.

Саша поворачивается ко мне спиной, смотря в северном направлении, пока мы стоим в полной тишине. Я знаю, что она не из Колорадо, потому что все дерьмо в прошлом декабре случилось в Вайоминге. А ранчо ее бабушки и дедушки, где она жила с момента смерти отца, рядом с Монтаной.

Я даю ей пару минут, чтобы она могла попрощаться со всем, затем хватаю ее за рюкзак и разворачиваю лицом к себе.

Сейчас ее грязные щеки стали чистыми от пролитых слез, и я немного смягчаюсь. Она не больше, чем тринадцатилетняя напуганная девчонка, у которой Организация отняла все. Жизнь. Родителей. И шанс жить нормальной жизнью. Ничего из случившегося не является ее виной, и уж, тем более, то, что она сейчас находится в руках убийцы. Я убираю свое оружие в кобуру и слегка встряхиваю девчонку, чтобы она, наконец, начала двигаться. Она покорно идет, ее голова опущена. Это всего лишь маленькая запуганная девчонка, которая жила сама по себе, и сейчас у нее отняли даже ее свободу. У нее больше нет людей, которых можно назвать семьей, и места, которое можно назвать домом.

— Эй, — обращаюсь я к ней, когда укладываю ее вещи в багажник автомобиля и сам забираюсь в машину. — Я точно не знаю, что Мерк придумал, но думаю, у него есть кое-какие идеи на твой счет. — Я завожу двигатель, и мыдвигаемся вперед по пыльной дороге, затем я поворачиваюсь к ней и смотрю на нее пару секунд. Волна сочувствия омывает меня с ног до головы. На ее лице выражение поражения. Ее губы искривляет невеселая усмешка, грудь часто приподнимается, дыхание прерывистое, и она пытается удержать хоть какое-то

подобие достоинства. Ее глаза потемнели, хотя я прекрасно знаю, что они светло-голубого оттенка неба. — Но пока ты со мной, я не дам ничему плохому случиться с тобой.

Она сглатывает, как будто пытается подавить все те эмоции, что сдерживает внутри, пытается не дать выхода этим чувствам.

— Я прекрасно знаю, с чем я столкнулась, поэтому тебе не нужно приукрашивать и пытаться представить для меня все в более радужном цвете. Я привыкла жить во лжи. А теперь я привыкла жить и со смертью.

Она отворачивается от меня и прижимает лоб к стеклу, смотря на пролетающие за окном пустынные пейзажи.

— Да, — говорю я ей и в этом простом ответе скрыто слишком много. Я выворачиваю на пустое шоссе, которое ведет нас напрямик в аэропорт Берлингтона, чтобы мы могли вернуться обратно в Калифорнию. — Но ты знаешь, что они говорят про взрослых людей, которым нечего больше терять?

Она поворачивает ко мне свое печальное лицо и выдыхает еле слышно:

— Что?

— Им нечего бояться. Когда ты находишься на дне, единственный возможный вариант — двигаться вверх.

Она сохраняет молчание на протяжении пары секунд, скорее всего, размышляя над моими словами.

— Но я не взрослая. — Она поворачивается ко мне, встречаясь своими голубыми глазами с моими зелеными, и опять сглатывает слезы.

— Нет, ты — ребенок. — Я говорю немного мягче, смотря на ее юное лицо. Это не ее вина, что ее угораздило родиться в этом долбанутом мире убийц. — И меня также почти нечего терять, так что мы в одной команде, понятно? Мы будем действовать вместе, пока я тебе не скажу по-другому. Тебе нужно доверять мне и делать так, как я тебе говорю.

— Я не хочу возвращаться к Мерку. Он полный псих. Я хочу к Форду.

— Форд, — я издаю рык, заставляя ее повернуть ко мне голову. — Пошел он в задницу. Ты думаешь этот мудака лучше нас, потому что он напрямую связан с делами Организации? — Мои глаза сверкают от ярости, я знаю это, потому что она напугано смотрит на меня. — Я задал тебе гребаный вопрос, Саша.

— Нет, — бормочет она, затем отворачивает голову и прижимает ее к стеклу.

— Это, бл*дь, самое последнее имя, которое я бы хотел слышать. Пошел в задницу Форд. Он тоже убийца. Ты не знаешь его так, как знаю я. — Я с силой хватаю ее плечо и разворачиваю к себе. — Ты поняла?

Несколько одиноких слезинок катятся по ее щеке, когда она кивает своим притворным согласием. Но мне абсолютно похеру, напугана ли она, врет ли она или же желает мне смерти.

Между мной и Фордом нет никакой разницы.

Абсолютно никакой. Чем раньше эта девчонка поймет правду, тем лучше.

Глава 2

Джеймс

Я подкуриваю сигарету на одной из парковок в Берлингтоне, затягиваюсь и с

удовольствием выдыхаю сизый дым, пока жду, когда Саша переоденется и примет ванную. Для маленького городка в богом забытом месте, тут имеется все, что может понадобиться туристам. И это отлично, потому что Смurfетта (прим. пер. — персонаж из мультфильма «Смurfики»; Джеймс дал это прозвище Саше из-за юного возраста) выглядела, как наркоманка, и в таком виде было невозможно арендовать частный самолет.

Я надеваю очки, чтобы немного уменьшить яркий солнечный свет, который бьет в глаза, когда она выходит из магазина в немного более опрятном виде. Ее волосы собраны в хвостик — большая часть листвы и веток исчезла, но парочку все-таки осталось. Когда она проходит мимо, я вытаскиваю их из ее волос и выбрасываю, она незамедлительно поворачивается и ударяет меня по руке.

Я смеюсь и отталкиваю ее.

— Остынь, Смurf. Я только пытаюсь помочь тебе, чтобы ты выглядела более презентабельно. — Я затягиваюсь еще пару раз и выбрасываю сигарету в мусорный бак. Она забирается в машину и пристегивает ремень безопасности. Я смотрю на нее, понимая, что сейчас она выглядит намного лучше в своих новых шортах и футболке, но она все равно полнейшее недоразумение. Она принесет еще больше хаоса в мою жизнь. Я никогда не желал иметь дело с детьми, но тут у меня нет выхода. Ради Харпер мне придется делать все, что меня просят, потому что когда придет время, мне будет необходим союзник — я не справлюсь один. Я поворачиваю ключ в замке зажигания, и двигатель отвечает привычным ревом. — Ну, мы должны были привести тебя в надлежащий вид, — вздыхаю я. — Ты выглядела, словно жила там долгие месяцы, а не пару дней. Ты вообще с ума сошла жить в таких условиях? — Она быстро поворачивает голову и смотрит на меня убийственным взглядом. — Что? — пытаюсь защититься я. — Ладно, ладно, — говорю я, начиная движение, затем сворачиваю на дорогу, которая ведет напрямиком к аэропорту. — Я признаю, что был немного занят в Калифорнии с одной девушкой, которая является моим ключиком ко всему. Поэтому прости, малышка, она — ключ, а ты — посылка, а работа прежде всего.

— Посылка? — говорит она зло.

— Ребенок, успокойся, я только повторяю то, что сказал мне Мерк, когда попросил забрать тебя. Сам бы я назвал тебя не так. К примеру, ты могла бы быть паразитом. А, может быть, я назвал бы тебя хреновым стрелком, а, возможно, и занозой в заднице. Можешь выбирать, как тебе больше нравится. Но если бы я знал, что он говорил о ребенке, я бы поторопился. — Я пересекаю перекресток и направляюсь на юг. Аэропорт там достаточно небольшой — пятиместные самолеты, но они могут доставить нас туда, куда нам нужно. К слову, я уже летал на этих самолетах достаточно количество раз, поэтому точно знаю, что это легально. Мой пилот — местный парень. Он держит свой рот на замке в обмен на щедрую наличку в своем кармане.

Я паркую машину на маленькой стоянке и открываю дверь. Саша не предпринимает никакой попытки выбраться из автомобиля, поэтому я качаю головой и вздыхаю:

— Смотри, ни в одной из твоих проблем я не виноват. Я, скорее, твой рыцарь в сияющих доспехах. Поэтому поднимай свою маленькую задницу и выбирайся из машины.

И опять этот взгляд. На губах просто улыбка, но она заставляет меня волноваться. У нее есть информация, но она скрывает ее. Я позволяю ей хранить молчание, пока не замечаю, как Харрисон выходит из невысокого здания и указывает мне на небольшой самолет. Я направляюсь к нему, и мы встречаемся на середине пути. Мы разговариваем, пока Саша наблюдает за нами со стороны. Самолет небольшой, но хороший. Он использует его, чтобы

доставлять людей из Денвера на какие-то знаменитые площадки для игры в гольф.

Мы поднимаемся по небольшому трапу, и затем он закрывает все и включает предполетные огни. Саша устраивается в одноместном сидении напротив меня и опять смотрит в окно. Пару минут спустя мы взлетаем, и я поднимаюсь, чтобы достать из маленького холодильника напитки. Вручаю ей апельсиновый сок, и она берет его, взбалтывает, скручивает крышку и жадно пьет, будто она голодна.

— Голодна? — спрашиваю я ее.

— А ты как думаешь? — презрительно ухмыляется она.

Я пожимаю плечами и пью свой апельсиновый сок в течение некоторого времени.

— Я видел небольшую горстку перьев на земле. Поэтому подумал, что ты хорошо питалась. — Она качает головой и раздраженно выдыхает воздух через нос. — Что? — у меня складывается ощущение, будто я что-то упускаю. — Что вызвало твое отвращение?

Она стреляет в меня убийственным взглядом, и я приподнимаю брови в предупреждении, которое она либо пропускает, либо ей на него плевать.

— Так тебе звонил Мерк?

Я бросаю на нее беглый взгляд:

— Да.

— Ты уверен в этом?

— Да, на все сто.

— Хорошо, — говорит она, поворачивая голову в сторону.

— Что такое? — Она что-то знает. Я уверен в этом.

— Как он говорил? — Она смотрит на меня. — Ну, я про Мерка.

Да-а, она пытается поймать меня в ловушку.

— Это было смс-сообщение.

— Так как ты тогда понял, что это он?

— Потому что у нас есть определенная система, девочка. Вот как.

— И ты уверен в этой системе?

Я улыбаюсь и киваю.

— Поучи меня еще, малышня.

— Забавно, — говорит она. Но теперь она та, кто улыбается и меня это немного тревожит и раздражает. — Твои забавные прозвища для меня создают впечатление, будто тебе и правда есть до меня дело.

— Не пытайся примерять на себя роль взрослого и не лезь туда, куда тебя не просят. Я лишь тот человек, который доставит тебя в нужные руки.

— Ну, что-то мне с трудом в это верится, особенно после того, как ты даже не представляешь, кто отправил тебе сообщение забрать меня.

— Это был Мерк, говорю тебе еще раз, — раздраженно отвечаю я сквозь стиснутые зубы.

— Конечно, если ты так говоришь. Но в последний раз, когда я говорила с Мерком, а это было еще в марте. Он мое контактное лицо при чрезвычайных ситуациях, ты знаешь. Ты не один такой. Поэтому я набрала его, чтобы сказать, что мои бабушка с дедушкой умерли, и потому что Форд назначил его быть ответственным за меня. И хочешь знать, что он мне ответил? — Ее глаза были наполнены слезами, поэтому я не хотел давать ей ответ. Но она не стала ждать моих слов. — Он сказал: «Смирись с этим, плакса. Я очень занят. Если ты не можешь разобраться с этим сама, тогда есть школа для детей Организации, которые

лишились родителей. Она находится в Монтане. Я дам им знать, что ты скоро приедешь».

Она смотрит на меня жестким взглядом. В моем животе зарождается отвратительное чувство.

— Кто меня послал?

— Тебе бы не хотелось этого знать.

Мы быстро отстегиваем ремни, но она встает раньше меня и становится в проходе. Она быстрая маленькая идиотка. Я медленно поднимаюсь и подхожу к ней. Это преследование, я сужаю глаза, словно она моя жертва, и я собираюсь решить этот вопрос. Я определенно собираюсь решить этот вопрос. Нет ничего такого, с чем бы Тет не смог справиться.

Она стоит, не двигаясь.

— Ты действительно хочешь знать, сколько я находилась в той пустынной степи, номер Шесть? Или и дальше хочешь притворяться, что ты хороший парень, и выдавать все зло, что ты творишь, за нормальные поступки?

Я останавливаюсь в паре шагов от нее и стискиваю челюсть. Прямо сейчас я ненавижу эту маленькую девчонку и, мне кажется, что я не говорил ей свое кодовое имя, но она точно знает, кто я.

— Что бы с тобой ни произошло, я к этому не имею никакого отношения.

— Нет? — Она сглатывает от подступающего чувства страха, потому что я чувствую, она меня боится. Я отлично чувствую, когда человек испытывает страх. Все в ее теле, начиная от выражения лица, напряженных мышц и ее позы, говорит, что она испытывает неподдельный страх. — И вот ты тут. Со мной. В самолете. Везешь меня не туда, куда нужно. Работаешь на не того человека. Тебя обвели вокруг пальца. И всем смешно, кроме тебя. Ты подделка номер Шесть, тот, кем пользуются, но ты не можешь принять этого.

Я молниеносно хватаю ее за горло, опрокидывая на пол и прижимая к нему.

— Эй! — кричит Харрисон из кабины пилота. — Не здесь, Тет. Ни один ребенок не пострадает в моем самолете.

Я отпускаю ее, возвращаюсь на свое место и беру свой апельсиновый сок.

— Как долго?

Она точно ответит на этот вопрос. Потому что она хочет, чтобы я спросил. Теперь я понимаю. Поэтому она такая дикая и разъяренная. Она на протяжении долгого времени хотела, чтобы у нее спросили, как долго она жила в таких диких условиях.

Саша поднимается с пола и садится напротив меня.

— Три месяца.

Я не двигаюсь. Не издаю ни звука. Я не собираюсь удостаивать ее вниманием по этому поводу. Она хочет, чтобы ее удостоили похвалы за выживание. А я не намерен раздавать ее за пару месяцев пребывания на природе.

Она пристально смотрит мне в глаза, но затем отводит взгляд. И мне неистово хочется знать: Харпер такая же дикая и отчаянная? Но я найду способ контролировать Харпер, потому что она моя. Я использую секс, чтобы усмирить ее и подчинить себе.

А эта девчонка не моя. К тому же она слишком маленькая. Она не думает, что я могу ее ударить. Убить, может быть. Но ударить — нет. Дети, которые приходят из любящих семей все такие же немного туповатые, как она. Она не боится моих кулаков, потому что не думает, что я могу поднять на нее руку, так как отец ее очень любил и никогда не бил. Поэтому я не собираюсь менять устои. Поэтому я не стану применять силу. Но теперь я не могу ее ликвидировать. Потому что ясно одно — не Мерк послал это сообщение. Она не врет

насчет этого. Саша знает, кто послал меня, и не признается мне в этом даже под страхом смерти.

— Я тоже получила сообщение, Джеймс.

Я что, сказал ей свое имя? Бл*дь, долбаные девчонки и их гребаные загадки, разве нельзя сказать все как есть?

— Что там говорилось?

В течение нескольких секунд Саша внимательно смотрит на меня. Я смотрю в ответ, не отводя взгляда.

— Координаты.

— Ну и? — я подаю ей знак рукой говорить дальше.

— Когда я прибыла в то место, там меня ждал рюкзак со всем необходимым и одноразовый телефон с сообщением.

Она опять смотрит на меня, ожидая моей реакции. И клянусь Господом Богом, если бы эта девчонка была мужиком, я бы уже разбил ей лицо. Я бы ломал по пальцу за каждую минуту ожидания. Я глубоко вдыхаю:

— И что говорилось в сообщении?

— Там говорилось: «Я вскоре пошлю его к тебе».

Она мне врет. Она, бл*дь, даже не представляет, какую игру затевает. Но я киваю. Потому что сейчас она не расскажет мне ничего стоящего. Саша ненавидит меня.

— Тогда как ты узнала, что именно меня пошлют?

— Потому что вчера вечером я получила еще одно сообщение. И там говорилось: «Скажи номеру Шесть, что она уехала».

Кровь мощной волной приливает к лицу. Каждая мышца напрягается в моем теле. Мне хочется пнуть долбаное кресло и все разбить. Я раздраженно расстегиваю ремень, вскакиваю и бегу в кабину.

— Харрисон, я воспользуюсь твоим телефоном.

— У меня здесь есть спутниковый, — говорит он, указывая на сумку с одеждой, которая лежит на сидении рядом с ним.

— Прости, — бросаю я в ответ, когда возвращаюсь в кабину. — Мне нужна скрытая линия связи.

Трясущимися пальцами я набираю номер Харпер.

Гудки идут и идут. И идут. Ответа все нет.

— Да?

Все мое тело в один миг наполняется чувством спасительного облегчения.

— Харп, детка, — прерывистый вздох. — Где ты? — Молчание. — Харпер? Ты слышишь меня?

Внезапно в трубке возникают гудки. Связь разъединилась, бл*дь. Я набираю еще раз, когда в телефоне воцаряется молчание, я практически кричу:

— Харпер, ответь мне, где ты?!

— Зачем тебе это? — сердито говорит она.

Гребаные девчонки. Я быстро меняю тактику, потому что ясно, что она по какой-то причине не рада моему звонку.

— Я на пути обратно к тебе. Просто хотел убедиться, что с тобой все в порядке. Что ты в безопасности.

Тишина.

— Харпер, бл*дь, просто ответь, что ты дома.

— Я нахожусь рядом с чьим-то домом. Не у себя.

Проклятье. Я искоса смотрю на Сашу, и та довольно ухмыляется. Наслаждается шоу.

— Просто ответь мне, где ты, детка? Я скоро буду там и заберу тебя, не молчи.

Харпер в течение минуты сомневается, и в воздухе повисает тишина, которая, к слову, меня просто ужасно бесит. Но затем она сдается.

— Я в пустыне. Нахожусь перед зеленым домом. Он твой? Адрес, который пришел на твой телефон в ту последнюю ночь, когда ты покинул меня. Я приехала по этому адресу.

— Успокойся, маленький воин. — Теперь я улыбаюсь, смотря на Сашу. Соплячка. — Слава Богу, теперь чувствую себя лучше, когда знаю, что все хорошо. Мне не нравится, что ты сделала: так и не осталась дожидаться меня. Но я рад, что ты там, потому что хотя бы находишься в безопасности,

— Я не в безопасности, и я не в доме, — огрызается она в ответ. — Я лежу под большим кустарником, который находится напротив дома, наблюдая за людьми. Я чувствую себя ужасно, такое ощущение, что у меня сердце выскочит из груди. — Она делает глубокий вдох, и я понимаю, что она напугана. — А когда я решила принять таблетки, знаешь, что обнаружила?

Ох, бл*дь.

— Жевательные белые конфеты! — кричит она. — Ты подменил мои таблетки на конфеты. Задница! Придурок!

Я убираю телефон от уха на пару секунд, пока Харпер ругается, и смотрю на Сашу. Она опять насмехается надо мной.

— Харпер, — говорю я спокойно. — Никто не придет в тот дом, хорошо? Это безопасное место, и я хочу, чтобы ты прошла в дом. Поэтому поднимись с земли. — Я жду, но не слышу движения. — Ты поднялась?

Слышится шелест, затем она выдыхает:

— Я поднялась на ноги.

— Хорошо, теперь перейди улицу, открой ворота и пройди в гараж.

Я даю ей пару минут, чтобы пересечь длинную подъездную дорожку. Я слышу, как ворота закрываются, затем боковая дверь гаража издает скрип, когда она отрывает ее.

— Хорошо.

— Детка, слушай меня, мой голос. В выхлопной трубе автомобиля лежит ключ. Маленький серебристый ключик. Используй его, чтобы открыть дом, и жди меня там. Если ты будешь все также испытывать страх или что-то произойдет, в «Хаммере» есть оружие, в задней части автомобиля. Оружие заряжено, поэтому будь внимательна.

Тишина.

— Харпер?

— Достала ключ, — говорит она дрожащим голосом. Я слышу, что у нее практически приступ паники, но я не мог оставить ей те таблетки. В прошлый раз рядом был я, в этот раз я далеко, и просто не мог позволить, чтобы с той, кого я люблю на протяжении всей жизни, случилось что-то непоправимое. — Как скоро ты будешь тут?

Она напугана.

— Детка, я скоро буду. Я всего в паре часов от тебя. Очень скоро. Ты будешь в порядке, пока меня не будет, ответь мне, Харп?

Она легко выдыхает ответ.

— Д-да. Думаю, да.

— Я так скучаю по тебе, — говорю я, отворачиваясь от Сашиного презрительного хмыканья. — Я не могу дождаться, когда увижу тебя снова. И я рад, что ты не вернулась на пляж, когда меня нет рядом, это уже может быть не безопасно. Не волнуйся, успокойся, там, где ты сейчас... там будет безопасно, никто не войдет и не придет. Это мое место. — Тишина на том конце трубки практически начинает убивать меня. — Ты уверена, что в порядке? — я стараюсь сделать так, чтобы она ответила мне. Это странно думать о том, что она может быть такой уязвимой. Организация только и делала, что твердила нам о том, какая она опасная. И да, я не могу отрицать, что она может позаботиться о себе, она отлично противостояла мне. Но я вижу, что она не хочет сражаться и давать отпор. Я смотрю на Сашу и ухмыляюсь. В отличие от этой дикарки. — Просто глубоко дыши. За тобой не было слезки?

— Я ничего не заметила. Здесь вообще нет никого, и я пришла из города. Но... я так боюсь, что они могут обнаружить меня. Здесь открытая местность.

— Ты вошла? Тебе нужно немного отдохнуть.

И затем связь опять пропадает. Долбаные самолеты.

Я возвращаюсь в кабину пилота.

— Мы сядем в Вегасе, — выкрикивает Харрисон, затем я возвращаюсь к Саше и сажусь на свое место.

— Теперь ты мой должник, Джеймс.

— Я никому и никогда ничего не должен.

Она смотрит на меня с победной улыбкой и скрещивает руки на груди.

— Я могла бы не сказать тебе ничего и дать вернуться в Калифорнию, чтобы ты обнаружил ее отсутствие. Но я этого не сделала. Я помогла тебе. А это значит, когда мне понадобится помощь, ты поможешь мне. Судя по всему, эта девушка значит для тебя многое, ммм? Ты бы видел свое перекошенное лицо, когда я сказала, что она уехала.

Я зло смотрю на нее.

— Кто послал меня?

— Я дам тебе одну подсказку.

Но мне не нужны подсказки, потому что я уже и так догадался. А это значит, ОН наблюдал за мной все это время. Но она ошибается лишь в одном. Меня не обманули. Я заключил сделку и предвидел это, я хочу верить в то, что предвидел это.

— Я уверена, что тебя тоже подставили, как и меня, — Саша говорит так, будто мы вместе. — Я не игрок, а лишь их пешка.

— Так ты сама толком не знаешь, кто меня послал сюда?

— Мне и не нужно знать этого, номер Шесть. Единственное, что имеет значение «зачем».

— Тогда зачем?

— Причина — ты, — просто отвечает она. — Меня послали сюда для тебя. А откуда ты только что приехал?

Я ждал этого.

— Насколько вероятно, что ты прибыл бы в Хантингтон-Бич и нашел ее ожидающей тебя? — говорит она с усмешкой.

Боже, эта девчонка знает о моей личной жизни и работе больше, чем я.

— Но ты, как я посмотрю, очень даже в неплохом настроении, несмотря на то, что,

может быть, нас все же попытались подставить.

— Я отношусь к этому нормально, так же, как, впрочем, и ты.

— Тогда какой твой план? — спрашиваю я ее, потому что после последнего задания я немного застигнут врасплох всем происходящим. Возможно, после последней неудачи я немного потерял самого себя... Тем более, когда выясняется, что оказывается, за мной следили все это время, пока я был с Харпер. Я не боюсь смерти, своей смерти, но я боюсь потерять ее. Потому что не все, что я ей сказал, было правдой.

— Подождать и посмотреть, что произойдет. Такой же, как и у тебя. — Она улыбается. Сейчас Саша выглядит совершенно невинно. Особенно, когда на ней новая одежда, и она немного привела свои волосы в порядок.

— Я прекрасно знаю, кто тебя послал, — говорю я и улыбаюсь уголком рта. — Поэтому давай не будем притворяться.

Боже, мне кажется, я начинаю серьезно ненавидеть эту девочку.

— Ты знаешь только то, что они тебе сказали.

— А ты знаешь, как я посмотрю, больше?

— Да. Потому что я ребенок. И знаешь что? Все вы парни игнорировали меня на протяжении долгого времени, как будто меня совершенно не существовало. Я даже могу поклясться, что ты не помнишь о нашей встрече? В тот день ты только и делал, что выбирал, какие пушки моего отца купить.

Я пытаюсь припомнить.

— Я никогда не был в Шайенне (прим. пер. — столица штата Вайоминг). Прости, Смурф.

— Нет, не был. Но ты был в Бойсе в тот год, когда мне исполнилось девять. Ты купил у моего отца свой любимый пистолет Five-seven и две тысячи патронов к нему. И ты заплатил нам хорошие деньги. Мы купили на них себе домик. Ну, тот самый, в котором убили моего отца.

Я смотрю на нее, не сводя глаз.

— Джеймс, я помню всех убийц, которые приходили к моему отцу. Всех. И ты можешь вешать мне лапшу на уши, что Форд такой же, как и ты, но это не так.

Все мое тело буквально начинает бурлить от чувства ненависти. Гребаный ребенок.

— Он использовал долг, который был у Мерка перед ним. Ради тебя, Саша. Все, что произошло в этом году, все это дерьмо, почему я оказался в неприглядном свете в глазах Организации, по твоей гребаной вине.

Она напугано смотрит на меня и сглатывает. Сейчас я не Джеймс, его место занял бессердечный и холодный ублюдок Тет. Номер Шесть.

— Так что, малышка, если бы я был на твоём месте, я бы закрыл свой ротик и притворился гребаной невидимкой. Потому что поверь мне на слово, ты не захочешь моего внимания.

Глава 3

Харпер

Я провожу пальцем по большой машине. Она не похожа на машины, которые я привыкла видеть. Она без открытого верха, как у тех джипов, которые все водят на пляже.

Я прикасаюсь пальцами к знаку сбоку пыльного корпуса, наклоняюсь и пристально вчитаюсь в название — «Хаммер».

Я слышала о такой машине.

Наверное, я не смогла бы водить эту огромную машину, тем более я никогда не водила ничего больше гольф-кара, но, по крайней мере, я знаю, как устроен багажник. Я обхожу машину и открываю его. И, мне кажется, что внутри меньше места, чем кажется снаружи, но затем я присматриваюсь и замечаю, что пространство немного усовершенствовано в нечто напоминающее камеру для хранения вещей. Два продолговатых контейнера скрыты под съемным полом в задней части машины. Я открываю один. Он наполнен разнообразными вещами: аптечкой первой медицинской помощи, основными средствами гигиены и другими незнакомыми мне предметами. Это выглядит похожим на сумку с вещами первой необходимости, когда ты собираешься бежать. У Ника есть такая. Черт — я смеюсь — даже у меня есть нечто похожее. Ну, именно этот в багажнике «Хаммера» кажется вполне... законным. Мой, например, заполнен коротенькими шортами и майками, плюс парой запасных шлепок и резинок для волос

Я вытаскиваю второй и открываю его.

Внутри лежат два пистолета, дюжина охотничьих патронов, запасные магазины для пушек. Джеймс сказал взять тот, который заряжен. У нас на корабле было оружие. Много оружия. Но у меня никогда не было столько, сколько у Джеймса. Я больше боец, ориентированный на рукопашный бой. Да, меня запросто можно обезвредить пулей. Но я всегда полагала, что тот, кто попробует убить дочь Адмирала, умрет быстрее, чем даже успеет подумать об этом. Поэтому я никогда сильно не волновалась насчет того, что не очень разбираюсь в оружии.

Но сейчас я не думаю, что мои семейные отношения, могут быть как-то полезны мне.

Я беру один из пистолетов и засовываю его под резинку шорт, на манер того, как это делали охранники на корабле. Я не хочу стрелять из этого оружия, я даже не хочу брать его в руки. Но глупо сейчас не взять его с собой, пока Джеймса еще нет рядом. Когда он придет, все изменится, все будет хорошо. Потому что одна мысль о том, что он скоро будет рядом, успокаивает мою паническую атаку.

Я задвигаю обратно продолговатый контейнер, но останавливаюсь, потому что замечаю что-то необычное. Я снова вытаскиваю его.

Небольшой блокнот лежит в дальней части контейнера. Я всматриваюсь в темное пространство и понимаю: то, что я вижу, знакомо мне.

Hello Kitty.

Розовый блокнот Hello Kitty. Мое сердце начинает биться быстрее.

Он потертый и измятый. Как будто этот блокнот, что только не пережил. Как будто повидал многое.

Мои руки трясутся, когда я его достаю и кладу около боковой двери, откуда я пришла. Солнце освещает блокнот яркими лучами, и знакомая картинка на обложке буквально сбивает меня с ног, я чуть ли не падаю.

Это мой дневник.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоить колотящееся сердце, открываю потертую обложку и пытаюсь примириться с тем, что вижу.

Рисунок, который нарисован розовым карандашом. Я поворачиваю дневник боком, чтобы лучше рассмотреть рисунок и мое сердце бьется в быстром темпе.

Арфа (прим. пер. — игра слов: harp в пер. с англ. — арфа, имя героини — Харпер).

Я переворачиваю страничку и там что-то написано печатными буквами тем же карандашом, но надпись уже нечеткая и выцветшая, мне требуется минута, чтобы рассмотреть ее при тусклом свете гаража.

Он... Джеймс... Он... Он знаком мне.

Я быстро убираю обратно контейнер в багажник, закрываю заднюю дверь и покидаю гараж, стремительно направляясь к заднему крыльцу дома. Я неслышно наступаю на ступеньки, затем вставляю ключ в замочную скважину и открываю дверь.

Кондиционер работает на полную мощность и в тот момент, когда я открываю дверь, холодный поток воздуха ударяет мне в лицо, заставляя на секунду затаить дыхание. Я вижу, что на столе лежит сотовый телефон, экран мигает, оповещая о пришедшем смс-сообщении.

Здесь кто-то есть?

Я неслышно прикрываю дверь позади себя. Насколько тяжело будет стрелять из пистолета Джеймса? Ведь ничего сложного, так? Просто нажать на курок? Я набираю полные легкие воздуха и кричу:

— Я застрелю тебя, кем бы ты ни был!

Я быстро передвигаюсь на кухню, она оснащена по последнему слову техники. Затем проскальзываю в зону столовой и гостиную, в которой только пара предметов мебели, поэтому я точно вижу, что тут никого нет, кроме меня.

Я заглядываю в каждую спальню, проверяя все, каждый шкаф. Осматриваю ванные комнаты, кухонные шкафы для продуктов, больше напоминающие небольшие кладовки, крыльцо перед домом и маленький шкаф для одежды.

Никого. Я одна.

С чувством облегчения я возвращаюсь обратно к телефону, который лежит на столе, нажимаю кнопку разблокировки экрана, и он загорается светом. Кто-то был здесь.

Мигающий значок показывает о наличии нового входящего сообщения.

Я нажимаю на значок, и сообщение открывается:

МЫ СКОРО ПОГОВОРИМ. НЕ ЗАБУДЬ, РАДИ ЧЕГО ЭТО ВСЕ ЗАТЕВАЛОСЬ.

В конце сообщения стоит маленький значок похожий на гриб. И это все.

Я беру телефон и прижимаю его к своей груди. Это мой брат? Это же написал Ник? Кто-то оставил тут этот телефон. О, как же я рада. Я бегу к передней двери и открываю ее. Я хочу закричать его имя. Знаю, что он не вернется ко мне сейчас, потому что в противном случае он бы не оставлял сообщение, но я все равно хочу кричать, как сильно я его люблю и скучаю по нему.

Но я вовремя останавливаю себя и просто стою молча. Мне нужно собраться. Потому что все скоро закончится — самый ужасный год в моей жизни закончится. Мне просто нужно продержаться чуть дольше. Поэтому я поднимаю руку и притворяюсь, что машу своему воображаемому брату, который как будто уходит по подъездной дорожке.

Затем я захожу обратно, закрываю дверь, опускаюсь на холодный плиточный пол и позволяю слезам катиться по моим щекам.

После почти года отсутствия, он вновь здесь.

Я читаю сообщение снова и снова. Перечитываю его раз тридцать не меньше. Боже, я улыбаюсь широкой улыбкой, настолько это сообщение делает меня счастливой. И хотя я

хочу сохранить его, чтобы перечитывать снова и снова, я удаляю его и начинаю просматривать телефон. В нем нет ни номеров, ни входящих звонков. Но в альбоме есть одна картинка. И это заставляет мое сердце забиться быстрее, но не от радости.

На первый взгляд это простая фотография нас с Ником, где мы играем на пляже. Я узнаю этот пляж, не помню точно его название, но я знаю, где это находится. Карибские острова. Это означает, что фото было снято на наш день рождения, потому что именно там мы каждый год праздновали их до шестнадцати лет.

Но на этой фотографии мы еще очень маленькие. Нам тут по шесть. Потому что на заднем плане воздушные шары привязаны к тростниковой крыше коттеджа и на них на всех написана цифра «шесть».

Шесть.

Что очень даже забавно, почти. Если бы, конечно, не молодой Джеймс, который сидит со мной на песке, держа блокнот Hello Kitty в своей руке, пока я закапываю его ноги в песок.

Я поднимаюсь и бегу на кухню, туда, где оставила дневник. Пару минут не могу отвести от него глаз, потому что воспоминания заполняют мою память.

Как ради всего святого я не смогла его узнать?

— Тебе нравится твой подарок?

Он держит в руках розовый дневник для девочек, чтобы песок не попал на него.

Я просто улыбаюсь и киваю, пока продолжаю засыпать песком его ноги.

— Как твое имя? — спрашивает парень.

Я смотрю на него и смеюсь.

— Тебе придется угадать. Это правило не может быть нарушено.

— Джейн, — говорит он.

Я смеюсь.

— Пит?

На тот раз я смеюсь от неловкости:

— Пит? Это имя для мальчика, а не для девочки!

— Просто скажи мне, никто не узнает.

Я качаю головой. Я знаю, какие правила можно нарушать, а какие — нет, потому что том, чтобы сказать ему мое имя, нет и речи.

— Адмирал сказал, что мы можем быть друзьями.

Мой папа и правда сказал так. Я это слышала. Но этого недостаточно, чтобы нарушить правила. Никаких имен. Это первое правило в числе многочисленных. Только кодовые имена. Но кодовые имена еще более секретны, чем обычные имена. Меня отшлепают, если узнают, что я сказала свое кодовое имя кому бы то ни было. Но если никто не может знать мое кодовое имя, зачем они тогда вообще нужны?

— Это мой праздник, — говорю я парню и тем самым меняю тему разговора. Он внимательно смотрит на меня, и его глаза такие зеленые. Мы оба ведем себя немного невоспитанно, но я не могу ничего поделать. Словно я вижу красивую рыбу, когда плаваю под водой с дыхательной трубкой. Красивая рыба может вас ужалить — как говорит мне Ник. Мне непозволительно трогать ничего красивого под водой. Но я не могу ничего поделать, эти рыбы-львы такие прекрасные, я не могу не прикасаться к ним.

— Меня жалили прежде, — говорю я парню.

Он хмурится.

— Кто?

— В основном медузы. По ногам. Я иногда наступаю на них. А, — я указываю ему на кончик пальца, и он искоса смотрит на него, — рыба-лев ужалила меня сюда. — Я улыбаюсь, но он не улыбается в ответ. — Я трогаю их. — Его глаза такие же красивые, как и те рыбы.

— Зачем ты вообще их тро..

— Мне сегодня исполняется шесть, — говорю я ему, чтобы он больше не думал про этих рыб. Мне просто нравится прикасаться к ним. Я хочу чувствовать их. И их жала не всегда ранят меня. Они жалили меня примерно четыре раза, но я трогала много таких рыб. Они не всегда меня жалили, и сейчас я знаю за какие места их можно трогать.

— Я знаю, — отвечает он грубым голосом. Его тело немного расслабляется. — Сегодня мне тоже Шесть (прим. ред. — Джеймс имеет в виду, что в этот день его посвящают в киллеры, он становится номером Шесть), ты понимаешь, о чем я?

— Да, — я склоняю голову к плечу и смотрю в его зеленые глаза, в то время как продолжаю посыпать песком его ноги. Большинство взрослых не хотят играть со мной, и я никогда не достаивалась, чтобы на меня смотрел киллер. Но он пока неполноценный киллер, сегодня, можно так сказать, его день рождения, день посвящения. Именно после этого дня он станет убийцей.

Я поднимаюсь и бегу, чтобы взять палку, которая лежит рядом с моим полотенцем, а после опускаюсь на влажный песок. Морская волна отступает и это лучшее время, чтобы начать рисовать. Когда приходит волна, она смывает мои рисунки. Но когда волна отступает, они остаются на влажном песке до того момента, пока солнце не иссушит их и ветер не разнесет сухие песчинки, оставив после себя лишь легкий намек на рисунок.

Я подползаю к самому краю воды, поворачиваю голову и смотрю на него. Он смотрит на меня через плечо. Внимательно наблюдает за мной.

— Я нарисую тебе картинку! — кричу я ему.

Он кивает и улыбается, когда мой отец подходит к нему и садится рядом. Я знаю, что они говорят обо мне, но мне все равно. Я просто рисую картинку. Сначала рисую ноты. Я учусь играть на пианино, поэтому могу нарисовать разные ноты. Я рисую ноты, которые записала на прошлой неделе. Они простые, но мелодия сложилась очень милая, я напевала ее неделями, перед тем как решила записать ее в нотах.

Затем я рисую пианино и себя, в тот момент, когда играю на нем. Еще рисую виолончель и гитару. Папа подходит посмотреть, что я делаю и, не нарушаю ли никаких правил, затем разворачивается и уходит. Я оглядываюсь и вижу, как мой отец уходит вместе с зеленоглазым убийцей. Я вижу, как папа кладет руку ему на плечо, и они говорят о серьезных вещах. Я вижу это по выражению их лиц.

Затем они оба смотрят на меня, и киллер качает головой. Я не могу понять его выражение лица.

Мой отец поднимает руку и показывает жестом, что не принимает возражения, показывая на меня, потом хлопает парня по спине и уходит.

На мгновение мне кажется, что киллер вместе с ним, но он направляется обратно и подходит ко мне.

Я начинаю рисовать последний инструмент, когда он останавливается возле меня.

— Красивая картинка.

Я смотрю вверх, и он прикрывает ладонью глаза от солнца, пока изучает меня.

— Это тебе. Подарок.

— Как твое имя? — спрашивает он, на этот раз внимательно смотря мне в глаза.

— Рыба-лев, — отвечаю я, смеясь. — Это имя, которым меня называют друзья отца.

Он смеется вместе со мной и цокает языком.

— Оно подходит тебе.

— А твои глаза напоминают мне морскую траву, поэтому я так буду тебя называть.

— Морскую траву? О, это скучно.

— Но... — я не могу прекратить улыбаться. Мои щеки краснеют. Он искоса смотрит на меня, а затем начинает разглядывать рисунок. Мое сердце бьется все быстрее. Мне интересно, сможет ли он увидеть мой секрет? Я хочу, чтобы он увидел, чтобы он догадался. Поэтому я продолжаю говорить. — Но твои глаза, как ярко-зеленая трава. Я видела вчера ламантина, который ел такую траву, и твои глаза напомнили мне ее цвет.

Он опускает руку, которой прикрывался от солнца, и я не могу отвести от него свой взгляд.

— А твои глаза янтарные, ты словно рыба-лев.

Янтарный... Я никогда не слышала о таком цвете ранее. Мне нужно будет на него взглянуть.

— Сестренка! — зовет меня Ник. Я отклоняюсь немного в сторону, так я могу видеть своего брата. Он не рад, что этот парень рядом со мной.

— Что? — кричу я в ответ. Почему мой брат так зол?

— Пришло время для торта, — кричит Ник, подбегает ко мне и, хватая меня за руку, поднимает на ноги. Он зло смотрит на моего нового друга и уводит меня от него. Сделав пару шагов, я оборачиваюсь и смотрю на него. Он в свою очередь тоже наблюдает за нами.

— Не забудь свой подарок! — кричу я ему. На его лице воцаряется озадаченное выражение, затем он опускает глаза на рисунок и улыбается.

Я надеюсь, этот парень не забудет свой подарок.

Потому что я так хочу, чтобы он помнил обо мне.

Глава 4

Харпер

Я нарисовала ему арфу посреди других инструментов.

Это заставило меня улыбнуться, несмотря на многочисленное дерьмо, которое происходит у меня в жизни прямо сейчас. Узнать, что Джеймс именно тот парень с пляжа, про которого я много раз думала. Что я чувствую по этому поводу? У меня много вопросов, но сейчас я улыбаюсь.

Когда я, наконец, сказала ему свое имя там под пирсом, я видела, что это был очень важный момент для него. Момент, который он ждал почти тринадцать лет. И для меня это тоже чувствуется чем-то особенным.

Он улыбнулся и сказал, что ему нравится.

Возвращаясь к тому дню, когда мы праздновали свои шесть лет, Джеймс оставался весь день на моем празднике, он хлопал, когда мы с Ником задували свечи. Он сидел напротив меня и пристально наблюдал за мной. Затем он подарил мне еще один подарок, когда мы остались с ним наедине. Набор цветных карандашей.

В тот вечер я нарисовала ему картинку и пожелала зеленоглазому парню счастливого праздника. Я так надеялась, что он будет моим другом, я так и написала ему под своим рисунком.

На следующее утро он уехал, и мой дневник исчез вместе с ним.

Я плакала на протяжении многих дней о своей потере. Если на тот момент шестилетняя девочка не могла понять почему, то теперь, восемнадцатилетняя, я все прекрасно понимала.

Тогда на пляже я влюбилась в него, может, это было чем-то похожим на детское увлечение, но это казалось настоящим чувством.

Мой разум возвратился к тому моменту в период празднования. Отец оставил Джеймса со мной и с Ником на весь день. Никакой няни, только Джеймс. И позже когда мы вернулись на корабль, когда празднование подходило к концу, Ник был доставлен в свою комнату, после того как заснул на палубе корабля. Но Джеймс оставался со мной. Может, еще пару минут, это все что у нас было. Но мы провели весь тот день вместе, он был всегда рядом. Нам исполнилось по шесть вместе.

Я держала дневник, молясь, чтобы там было что-то кроме моего поздравления и рисунка для Джеймса.

Я вижу запись, в которой говорится...

Дорогая Рыба-лев,

Я надеюсь, тебе понравился твой шестой день рождения. И да, я украл твой подарок, ты, наверное, будешь очень плакать, когда обнаружишь его исчезновение, и мне правда очень жаль. Но мне так нужны твои невинные наивные слова, чтобы напоминать мне, кто я такой и что делаю. И почему я ответил твоему отцу «нет»? Почему я отверг тебя? Надеюсь, когда-нибудь ты поймешь.

Под записью нет имени, но в конце страницы говорится:

P.S. Кстати, я думал над тем, что ты сказала и все равно считаю, что морская трава — довольно скучное прозвище.

Это был Джеймс. Как же я могла забыть его? Я же чувствовала, что он ощущался таким знакомым и родным, но также я прекрасно понимала, что проведенный вместе один день просто-напросто стерся из воспоминаний последующих двенадцати лет. Но все те вещи, которые сделали его особенным для меня тогда, сделали его особенным для меня и под пирсом. Столько мыслей пришло в голову после этой небольшой записи, над которыми нужно подумать. Но затем я переворачиваю страницу и вижу еще.

И еще, и еще, и еще. Каждая страница исписана. Каждая страница исписана откровениями Джеймса.

Я переворачиваю страницу, на которой написана вторая запись и смотрю на число. Мой день рождения. Год спустя. Тут же вставлена между страниц моя фотография, которая сделана с приличного расстояния, поэтому смотрится немного размытой, но этого достаточно, чтобы заставить меня улыбнуться. На моей голове надета широкополая оранжевая шляпа. Я так хорошо помню тот день. Она была из джинсовой ткани, и мне казалось, что это самая крутая вещь, что у меня была. Добавьте к этому очки в белой оправе и зеленый купальник.

Дорогая Рыба-лев,

Я думаю, мне придется наблюдать за тобой со стороны с того момента, как я отклонил предложение Адмирала в прошлом году. Но это ничего. Я привык. Все, что бы я ни делал в своей жизни, я делаю издали. И так как мне всего семнадцать, впереди еще долгая жизнь. Я рад, что ты даже наполовину не представляешь, что происходит в этом мире, потому что внутри меня умерла бы какая-то часть, если бы ты узнала об этом. Моя маленькая сестренка пропала. У моей матери случился нервный срыв, и поэтому отец ее игнорирует. Мое восьмое убийство политического лидера вошло в мировую историю. Меня дважды ранили, я попал в плен и меня пытали, оставили умирать, а затем спасли. Мне дали надежду.

Мне кажется, самое значительное событие в этом году — мое спасение, потому что когда я был в заключении, то думал о тебе, о том, как хочу увидеть тебя еще раз.

Я ценю то, что меня спасли. Они сказали нам не привязываться друг к другу. Убийцы не могут быть друзьями. Никогда еще в жизни я не видел более дружелюбного лица, чем у номера Один, когда он пришел спасти меня. А теперь я перед ним в таком долгу, что сомневаюсь, что когда-нибудь смогу его оплатить.

Твой друг,

Номер Шесть.

Я переворачиваю страницу и вижу еще одну запись, которая датирована годом позже.

Дорогая Рыба-лев,

Мне, скорее всего, нужно уничтожить эти записи, чтобы ты никогда не смогла прочитать их. Я не приходил бы сюда, чтобы наблюдать за тобой со стороны. Нет, я бы не стал делать этого, это все так неправильно. Но мне было приказано твоим отцом приходить сюда, я не могу противиться его воле. Кажется, что ему необходимо больше времени, чтобы принять мой отказ в качестве ответа. Поэтому моя работа сидеть в ресторане и наблюдать за тем, как ты играешь на пляже. Сейчас я чувствую себя отлично, я прилично набрался, и поэтому прошу извинения за мой неаккуратный почерк. Но принять чью-то дочь в качестве взятки, как оплату за мою работу... это больше, чем моя душа убийцы может принять.

Я не хочу тебя.

И я никогда не захочу тебя.

Номер Шесть.

Господи, я никак не ожидала такой неприязни по отношению ко мне. Я закрываю дневник, и счастливые мысли, которые роились в моей голове минуту назад, быстро улечиваются. Он не хочет меня. Мое сердце начинает стучать быстрее, и я делаю глубокие вдохи, чтобы успокоиться. «Харпер, будь разумной», — вещает внутренний голос. Это все было много лет назад. Он же был таким молодым тогда, все могло перемениться.

Всего восемнадцать.

Ему было всего восемнадцать в тот год. Больше не ребенок. Но уже также и не неопытный убийца.

Я кладу дневник на диван и усаживаюсь поудобнее на восхитительных светло-зеленых

диванных подушках. У него слабость к зеленому цвету. Дом снаружи тоже выкрашен в зеленый цвет. Я открываю дневник на четвертой записи. Мой день рождения три года спустя.

Дорогая Рыба-лев,

В который раз твой ненормальный отец заставляет меня наблюдать за детской возней. И опять ты играешь на пляже. А я сижу и размышляю, сколько людей умерло от моей руки в этом году. Десять. Еще десять человек добавилось к моему списку. А ты все такая же милая и забавная девочка со светлыми волосами. Сколько тебе сейчас? Девять? Мне сейчас девятнадцать. Я уже гребанный мужчина. Хочешь узнать, что я делал на свой прошлый день рождения? Попробуй догадаться.

В этом году я был приглашен на частный остров, который находится прямо напротив твоего. Твой отец оставил мне бинокль и настоял на том, чтобы я наблюдал за тобой целый день. Наши острова находились не так далеко друг от друга, и я слышал твой смех, когда они вынесли тебе торт.

И теперь я все также не могу отвести своего взгляда от тебя.

Но я не хочу тебя.

Никакое бесконечное количество твоих милых наивных улыбок не заставит меня полюбить тебя. Потому что ты не имеешь ничего общего с этой извращенной, неправильной жизнью, которой я живу.

Номер Шесть.

Мне приходится подавить желчь, которая исходит из моего желудка, когда заканчиваю читать.

Он же не мог этого чувствовать на протяжении всех этих лет. Ведь нет же?

Дорогая, Рыба-лев...

Прошло семь лет и каждая запись, слова в записи становились лишь все более наполненными ядом и презрением. Но последняя запись адресована не мне, она сделана не в мой день рождения. Она написана всего пару месяцев назад.

Дорогая Эмбер,

Позволь каждой частичке жизни, которой я наполняю твое имя, когда произношу его, быть доказательством моей любви к тебе.

Джеймс.

Я не знаю почему, но то, что он подписался под ее письмом своим именем Джеймс вместо Номер Шесть, ранит меня в самое сердце, даже больше, чем слова «люблю»,

обращенные к ней. Потому что эта Эмбер что-то значит для него. Больше чем я — это точно.

Он мне отвратителен. Особенно то, как он презрительно относится к моему возрасту, он упоминал это от письма к письму. Вероятно, он не мог и предположить, что когда-нибудь эти записи попадут в мои руки. Когда он мне говорил в Хантингтоне, что его совершенно не тревожит мой возраст, я знала, чувствовала, что он лгал. Ему никогда не нужна была я — невеста, которая была обузой. Но это все? Его даже не просто тревожил факт моего возраста.

Это почти... отвращение.

Я всего лишь Рыба-лев...

Что он и говорил мне в Хантингтоне. Просто привлекательная девочка с ядовитыми шипами, которые способны больно ранить. Ничего более.

Вот, как он видит меня. По-настоящему. И теперь я знаю, что он здесь по одной из двух причин: либо, чтобы отправить меня обратно к отцу, либо, чтобы оставить меня около себя, как простую игрушку для секса. И я не уверена, что мне нравятся обе эти идеи. Потому что у него ко мне нет искренних чувств, которые, к сожалению, есть у меня к нему.

Скорее всего, я его способ отомстить.

Я мысленно возвращаюсь к сообщению от Ника. Там было сказано, что мы скоро поговорим. Ник единственный, кому я доверяю. Не Джеймс. И к тому же Ник знает, где я нахожусь, поэтому мне ничего не угрожает. Ник бы не позволил мне остаться там, где мне могут причинить вред. Он всегда предоставляет мне инструкции, которым необходимо следовать. Поэтому, если он не дал мне инструкции, как мне следует убраться отсюда, значит, я должна остаться тут.

Я убираю маленький блокнот в свой карман. Я не хочу разговаривать об этом с Джеймсом. Вообще не хочу разговаривать с ним. Не желаю слушать его жалкие оправдания. Я не желаю слушать лживые обещания, которыми он готов напичкать меня, мне следует перестать быть такой покладистой. Я не желаю смотреть в его лицо, когда он будет мне лгать.

А он будет лгать. Наверное, я всегда знала в глубине души, что он лгал мне. Я всегда чувствовала это.

А когда он будет лгать в этот раз.....

Я тянусь и достаю пистолет из-за пояса шорт.

Я буду готова.

Глава 5

Джеймс

Я ненавижу этого ребенка.

Большую часть времени я нормально схожусь с детьми. Мне они даже нравятся. Если бы я не был киллером, и мои дети в будущем не могли достаться Организации, как я в свое время, у меня бы обязательно они были.

Но к этой девочке... у меня не было никаких чувств. И это ощущалось довольно странно, потому что еще пару часов назад я ощущал к ней жалость. Я купил ей одежду. Убрал листву из ее волос. Как будто мне было до нее дело или как будто меня трогала ее судьба, если судить по шкале, чуть больше нуля. Но уже нет. Все прошло.

Потому что она лжет.

Она лжет, и хотя я могу догадаться, в чем заключается ее ложь, я не люблю строить догадки. Мне нравится, когда все идет по плану. Поэтому меня очень разозлило ее вранье — и, к тому же, она выстрелила в меня стрелой. И по этому поводу я тоже зол.

— Гребаный ребенок.

— Вонючий убийца, — огрызается она в ответ.

— Ты ведешь себя словно тебе десять лет. Никаких матов.

— Четырнадцать.

— Ладно, двенадцать.

— Тринадцать.

Теперь она провоцировала меня специально, сидя в кресле напротив меня. Это всего пятиместный самолет, и она находится не так далеко от меня. Всего в паре шагов. Но пропасть ненависти и презрения между нами выглядит непреодолимой. Ее глаза распахнуты и заполнены беспокойством, ее тело напряжено и готово к нападению. И я совершенно не виню ее за это, потому что если бы мы были не на самолете, я бы душил ее до тех пор, пока бы она не рассказала мне каждый свой секрет. Но мне нужен Харрисон. У меня нет времени искать такого же опытного пилота, как он. Особенно с того момента, как Мерк занят.

— Почти на месте, народ! — кричит Харрисон из кабины.

«Просто сохраняй спокойствие, Тет. Просто будь спокоен, пока вы не останетесь один на один». Затем можно не думать о прошлых обещаниях. Я, возможно, еще не убивал маленьких девочек до этого, но все когда-нибудь происходит в первый раз. Я щелкаю костяшками.

— Я буду сопротивляться, — говорит она достаточно громко, чтобы было слышно мне, но не Харрисону. — Я не позволю тебе достать меня.

Я киваю, но мой взгляд прикован к стеклу иллюминатора, чтобы не встречаться с ней взглядом.

— Я уже дрожу. Так боюсь, что прямо не могу.

— Тебе следовало бы.

Я смеюсь над ее самонадеянностью.

— Они всегда сначала смеются.

Я бросаю на нее взгляд, когда она произносит тот комментарий и победно улыбается.

— Ты думаешь, что сможешь одолеть меня? Полагаешь, что полупрофессиональное обучение твоего отца хоть наполовину равно моему? Девочка, тогда ты совершенно ничего не понимаешь. — Ее лицо искажается, когда я упоминаю ее отца. — Саша, ты — ничто. Не больше, чем просто еще одна девочка, которую хочет выгодно обменять или продать Организация. Ты чья-то будущая собственность. Твой отец убил себя в тот день, потому что его поймали за то, что он делал...

Она бросается ко мне через проход и пытается схватить меня за горло.

— Заткнись! — кричит она. — Заткнись, заткнись, заткнись!

Я пытаюсь оттолкнуть ее от себя, когда внезапно Харрисон оттягивает ее от меня и толкает на ее место.

— Ты, — говорит он зло, направляя на нее дуло пистолета, — сиди ровно на своей маленькой заднице, пока я не посажу самолет, или я тебя свяжу.

— Гребаный ребенок, — бормочу я.

— А ты, — Харрисон указывает на меня, и я приподнимаю бровь. Он не двигается. — Я прекрасно знаю, кто ты. Но ты просто подохнешь без моей помощи, если я не посажу

самолет. Поэтому держи свое дерьмо при себе, пока я его не посадил.

Он прав. Если мы с Сашей хотим убить друга, нам, прежде всего, нужно сначала выбраться отсюда и ступить на землю.

Я бросаю на нее взгляд, она в свою очередь смотрит в иллюминатор и беззвучно рыдает. Я могу это сказать по тому, как слышится ее дыхание и как вздымается ее грудь.

Я тоже поворачиваюсь и смотрю в иллюминатор, и то, что я вижу там, заставляет мое сердце трепетать от радости. Пустыня. Это именно то, куда мы направляемся. Я знаю, что у Мерка есть пару домов в пустыне. Там очень жарко. Вообще, люди не любят пустыню, черт, я и сам от нее не в восторге. Я больше, как и Харпер, люблю воду и пляж. Но пустыня освежает после множества убийств, у многих киллеров Организации имеются тут дома. Своим жаром она помогает уничтожать кровь, которая еще пульсирует жаждой убийства.

Мы приземляемся в аэропорту Джин, не в Лас-Вегасе. Это примерно тридцать миль к югу. Мы постоянно останавливаемся тут. Здесь можно дешево заправиться, также отсюда можно попасть в Сан-Диего и в Лос-Анджелес, затем опять сделать остановку, перед тем как попасть в Колорадо. Я бы хотел сказать, что этим маршрутом я пользуюсь не так часто, но за последний год он стал мне практически родным и знакомым.

Мне не нравится думать о том, что произошло в этом году. Этот год запомнится мне надолго бесконечной чередой убийств от моих рук. Одно сменяло другое, одно сменяло другое.

И все эти люди были знакомы мне.

— Пристегните ремни, — кричит нам Харрисон из кабины. — Мы приземлимся через три минуты.

Я пристегиваю ремень, и раздавшийся щелчок говорит о том, что Саша делает то же самое. Она сейчас хорошо держит себя в руках. Ее грусть или злость, или же растерянность — что бы это ни было — немного утихомирились.

И я тоже поддался ее грусти.

Моя злость также схлынула. Ее место заполнило чувство вины. Не из-за нее.

А из-за меня. Сколько требуется трупов, чтобы проснулась совесть у убийцы?

Наше приземление проходит медленно и гладко, что заставляет меня изо всех сил постараться удержать себя на месте.

Самолет плавно катится по земле, когда я расстегиваю свой ремень безопасности и подхожу к Харрисону.

— Эй, — говорю я ему, когда хлопаю его по плечу. Он резко дергается. И это меня убивает. Он что думает, будто я подошел, чтобы причинить ему вред? Может, мы с Харрисоном и не друзья, но мне хотелось бы, чтобы он доверял мне немного больше. — Извини за доставленные проблемы, хорошо? У нас же все нормально? Все в силе?

— Да, конечно, — говорит он. Но я знаю такие ответы. Все совсем не хорошо.

— Просто, я имею в виду, что мне может понадобится еще один перелет. Ну, ты понял меня. Мне нужно, чтобы между нами ничего не изменилось, и все было в силе.

Он поворачивается ко мне, затем переводит взгляд на Сашу. Я тоже смотрю на нее, но отсюда ее не очень видно. Но она все еще смотрит в окно.

— Джеймс, она еще маленькая девочка. Обращайся с ней соответственно.

Я качаю головой и стискиваю его плечо.

— Она не та, кем кажется, Харрисон. Она очень опасная. — Он начинает поворачиваться ко мне спиной, но я останавливаю его своими словами. — Но я приложу

усилия, чтобы запомнить, что она именно такая.

Он кивает, но опять не смотрит в мою сторону.

— Я собираюсь зарегистрироваться в «Голд Страйк», что, у тебя есть мой номер. —

Затем он поднимается и направляется, чтобы открыть нам дверь.

— Пойдем, — говорю я Саше, и она начинает расстегивать ремень. Я делаю ей знак рукой, чтобы шла впереди меня, но она отрицательно качает головой.

Не доверяет.

Когда мы спускаемся на взлетно-посадочную полосу, я жму руку Харрисону. Саша, к моему удивлению, делает то же самое. Она говорит: «Спасибо». Очень вежливо, что заставляет меня немного оторопеть.

Затем она подходит ко мне и смотрит мне в лицо.

— Что теперь?

Я прикрываю ладонью глаза от яркого солнца и от обжигающего воздуха пустыни. Я не хочу думать о том, что будет дальше, мне просто необходимо добраться домой к Харпер и забыть этот день.

— Что тебе нужно, Саша?

— Не поняла?

Я поворачиваюсь и направляюсь в сторону казино. Она идет за мной.

— Ты голодна?

Она практически фыркает:

— Голодна ли я? — Она начинает смеяться. — Я тут гадаю, сколько мне осталось жить, а ты спрашиваешь, голодна ли я?! Последнее, что у меня сейчас в голове, так это как бы перекусить в «Голд Страйк».

— Хорошо, — отвечаю я, спокойно. — Значит, мы направляемся домой.

Она начинает громко смеяться над моими словами. И тут я понимаю всю неуместность и глупость сказанного. Это не мой дом, тем более не ее дом. Это просто место в пустыне, где я могу немного отдохнуть после убийств. Место, где солнце может заставить мою кожу загореть и успокоить своим сухим жаром пустыни всю мерзкую кровь, что кипит желанием убивать.

— У меня нет дома, Джеймс Финичи. У меня нет ничего. Я здесь, потому что другие контролируют мою судьбу. У меня нет своих желаний или мечты, или же мнения. Я существую только для приказов. Сейчас для твоих приказов. Разве это не то, что ты хочешь? Послушания? Подчинения?

— Ты хочешь уйти? — я останавливаюсь и смотрю на нее, поднимая очки, чтобы она могла видеть мои глаза. — Саша, вот гребаная дверь. Ты не пропустишь! — Я поднимаю руку и зло показываю ей на пустынную дорогу. — Я просто тот парень, что тебя доставляет. Я курьер, Саша.

— Это звучит для меня, как заявление о твоей невинности. Или хотя бы непричастности к происходящему. Но мы прекрасно знаем, что это далеко от правды. Ты был бы не причем, если бы не участвовал в этом, Джеймс.

— Мне все равно, — говорю я, давая ей одержать победу. — Давай просто найдем на чем нам доехать.

Мое сердце больше не желает бороться.

Мое сердце устало от борьбы.

Я разворачиваюсь и продолжаю идти по направлению к казино «Голд Страйк», и я

больше не оборачиваюсь. Но когда двери со свистом открываются, маленькая Смурфетта идет за мной.

Не успеваю я пройти и десяти шагов, как меня останавливает охранник.

— Что? — спрашиваю я крайне раздраженно.

Парень огромный, лысый, и весь его вид говорит сам за себя, что он профессиональный вышибала. Он кивает, указывая на что-то позади меня, поэтому я поворачиваюсь. Саша маячит возле другого парня, который выглядит так же, как и первый.

— Я не могу войти! — говорит она сбивчиво.

Так она все еще ребенок. Соплячка не настолько холодный и решительный киллер, каким так хочет казаться, на деле она просто маленькая напуганная девчонка.

— Извиняюсь, я не привык, что она таскается рядом со мной. Просто забыл о ней. Мы направляемся перекусить.

Я возвращаюсь, хватаю ее за футболку и тащу вправо в сторону ресторана. Мы не ждем, когда нас посадят, потому что в памятке написано «Садитесь сами», и я выбираю место, которое расположено напротив казино.

Саша усаживается на свой удобный диван, я беру два меню, которые лежат около солонок с солью и перцем, и присаживаюсь на такой же диванчик, который расположен напротив нее.

— Я не голодна.

— Ты не умеешь лгать, Саша. Твое поведение в самолете дало мне понять, что ты голодала на протяжении долгих месяцев. Поэтому, будь добра, прекрати свои мучения и выбери себе еды.

Официантка подходит пару минут спустя, и я заказываю себе кофе, а Саше апельсиновый сок и возвращаюсь обратно к изучению меню.

— Что ты будешь? — Я смотрю на нее, ожидая ответа, затем опускаю меню на стол. Ее брови настолько нахмурены, что мне хочется рассмеяться. — Просто выбери себе какой-нибудь завтрак.

— Я думала, мы спешим домой. — Ее упор на слово «домой» подразумевает то, что она насмеяется надо мною. Но тут даже не нужно уметь читать чужие мысли, чтобы понять, что в ней говорит тоска, а не неуважение.

— Нам нужно на чем-то доехать. Я не могу просто позвонить и вызвать такси, они запомнят нас. Я не могу украсть машину, мы сейчас должны залечь на дно. Кроме того мы не можем дойти сами, это очень далеко. Поэтому нам придется ждать подходящую возможность. А она, скорее всего, не подвернется ближайšie пару часов. — К столику подходит официантка с нашими напитками, и Саша выпивает свой залпом, пока я заказываю остальное. — Поэтому неплохо было бы подкрепиться, прежде чем мы отправимся.

— Какой возможности мы ждем? — спрашивает она, когда отставляет свой пустой стакан и вытирает рот.

Я улыбаюсь ей.

— Терпение, Смурфетта. Смотри и учись, как это делают профессионалы. Пойдем.

Мы поднимаемся и направляемся к стойке, чтобы забрать заказ. Можете говорить все, что угодно о Лас-Вегасе, но эти люди знают, как сделать так, чтобы вы съели все.

Саша съела все, что было на тарелке. Я никогда еще не видел, чтобы ребенок ел столько. На самом деле эта девчонка даст фору любому взрослому мужику. Она стоит четверых. Проходит время, и вот, наконец, две компании старых и шумных леди проходят в

помещение. Готовые перекусить после трудного дня игры в лотерею и игровые автоматы.

Саша замечает, что я смотрю на них, и пинает меня под столом.

— Не пялься на них.

Я выпиваю свою четверную чашку кофе и кладу на стол двадцатку.

— Пойдем, это и есть наша команда.

— Наша команда?

Она сидит на месте, но я, не дожидаясь ее, поднимаюсь и ухожу. Если она хочет быть рядом, ей придется учиться всему. Она была слишком долго сама по себе и это нехорошо. Она груба. Она совершенно не похожа на Харпер. И это ужаснее всего, поскольку, если она не предпримет попытки навредить мне своими тайнами и планами, значит, она может быть мне полезна, и я могу оставить ее рядом с собой. Но если только она научится выполнять указания. Потому что последнее, что мне нужно, — это солдат, который вышел из-под контроля, когда он необходим мне больше всего. Я почти подхожу к выходу, когда слышу позади себя шаркающий звук шлепанцев.

Одно очко в ее пользу.

— Поторапливайся, — бросаю я ей через плечо, пока моя тень неумолимо ускользает вперед. Жара снаружи будто усилилась раза в три и, когда я выхожу на улицу, мое лицо обдаёт пламенем, словно мы стоим за воротами преисподней. Никакой влажности, как на пляже. Никакого пронизывающего холодного ветра, как утром в Колорадо. Только пекло, от которого захватывает дыхание. — Нам нужно обойти вокруг. Они чаще всего держат его там.

— Держат что? — интересуется она, когда немного ускоряет шаг, чтобы не отставать от меня.

— Просто продолжай идти. — У меня все под контролем. Мы обходим здание вокруг, и я пробегаю глазами по длинной очереди автобусов, смотря на таблички с надписями, что расположены над ветровым стеклом. Я вздыхаю с облегчением, когда вижу то, что я искал. Культурный центр Санди-Валли.

Я выбрал себе дом в Санди-Валли по двум причинам: это дешево и тут целая куча старых леди, которые любят играть в казино. Почти каждый день они набиваются в автобусы и выезжают ранним утром. Затем они устают от долгой изнуряющей поездки и игры, перекусывают и забираются обратно в автобус, чтобы успеть добраться домой на послеобеденный сон.

Я стучу в дверь автобуса, и водитель открывает ее.

— Чем могу вам помочь?

Я выуживаю из карманов джинсов бумажник и показываю ему транспортную карту культурного центра Санди-Валли. Затем показываю на Сашу.

— Дочь сестры едет со мной.

Он смотрит на мою карту, немного отводя взгляд в сторону. Все законно. На карте значится — городской менеджер по организации культурного и общественного отдыха работник данной компании. Ну, точнее, бывший работник. Она мертва сейчас. И, возможно, я единственный парень на планете, который обладает такой картой, так как чаще всего это удел взрослых дам или старых леди, но водитель не может мне отказать.

Поэтому он только пожимает плечами и отдает ее обратно.

— Добро пожаловать. Занимайте любое место.

Мы с Сашей поднимаемся по ступенькам, и на краткий момент в моей душе зарождается чувство гордости за нее, когда она не занимает место в конце автобуса, а

садится на то, что ближе к проходу. Когда вы садитесь назад, каждый может видеть ваше лицо. Но если вы сидите ближе к проходу, то им виден лишь ваш профиль.

Ее отец был хорошим учителем, и мне ненавистна мысль, что мне придется убить ее. Но я именно это и сделаю, если так будет нужно, но чем больше она слушается меня, тем больше ее шансы выжить.

Чуть позже в автобус возвращаются старые леди. Они довольно резвые для своего возраста и не нуждаются в помощи. Но так как мы заняли два места, а автобус практически переполнен, я поднимаюсь и освобождаю свое.

Тридцатиминутная поездка обратно в Санди-Валли, а оттуда еще три мили пешком до моего дома в пустыне. Мы направляемся на юг, и Саша всю дорогу ноет. К полудню солнце печет просто ужасно. Я останавливаюсь и прикрываю глаза от палящего солнца.

— Саша, мы можем срезать еще полторы мили, если двинемся по пустыне, а не по дороге. Пойдем, и мы минут через двадцать будем дома.

Я резко сворачиваю с дороги, направляясь напрямиком в пустыню, мои ботинки пинают песок и грязь, но когда я оборачиваюсь назад, она все еще стоит на обочине дороги.

— Что? — кричу я ей. В данный момент меня занимает лишь одна мысль — быстрее добраться до Харпер. Саша вела себя очень хорошо, после того, как мы позавтракали, и мне сейчас просто необходимо, чтобы она так и продолжала себя вести. Я сейчас не в настроении разбираться с дерьмом этой надоедливой девчонки. — Бл*дь, пойдем быстрее, меня дома ждут важные дела!

Она поднимает ногу и показывает ее то с одной, то с другой стороны.

— Шлепки, Джеймс. Ты, наверное, лишился своего гребаного рассудка, если считаешь, что я пойду по пустыне в шлепках.

Я возвращаюсь и хватаю ее за плечо.

— Следи за своим гребаным языком, девочка. Пойдем.

— Нет, и не подумаю, — говорит она и вырывается. — Тут водятся гремучие змеи. Если меня укусит гремучая змея, тебе придется оставлять меня умирать тут или же быстро доставить в городскую больницу для того, чтобы мне вкололи противоядие. А что-то мне кажется, что ты совершенно не горишь желанием рискнуть и открыть наше местонахождение ради спасения моей жизни. Потому что подросток, пропавший практически месяц назад, которого принесут в пункт скорой помощи с укусом гремучей змеи за тысячу миль от ее дома, вызовет переполох, это прогремит эхом во всех новостях. Поэтому, прости, что не доверяю твоему сумасшедшему плану и наезжаю на тебя. Я не пойду... — она скрещивает руки на груди, — по пустыне в шлепках.

Я стою и смотрю на нее. Просто смотрю на протяжении пары минут. Она кладет руку на бедро, кривит губы и опять качает головой. Это ее предел на сегодня. Не из-за страха укуса гремучей змеи, а то, что из-за самого укуса нас могут раскрыть. Но это и мой предел терпения. Кричать на нее нет смысла, потому что я просто устал и ужасно хочу к себе в постель, где меня будет ждать Харпер.

И эту причину я могу понять.

— Хорошо, — говорю я с улыбкой, за которой скрывается тень гордости за то, как она мыслит. — Ты победила, но нам все равно придется пересечь...

— Нет.

— ... пустыню. Но я могу понести тебя на спине. Как тебе такой вариант?

Она смотрит на меня и начинает смеяться. Я поворачиваюсь, и она запрыгивает мне на

спину. Когда она делает это, ее шлепки падают на землю, поэтому я наклоняюсь и поднимаю их.

И мы идем. На протяжении некоторого времени Саша что-то бубнит мне на ухо. Про Багза Банни и то, как он постоянно видел мираж в пустыне, затем ее вопрос переходит на меня, а видел я ли я такой? Она говорит об ужасной жаре, и что температура, скорее всего, немного опустится, когда солнце зайдет за горизонт. И я также думаю над этим. Потому что мы будем дома, скорее всего, до заката. И я счастлив от этой мысли, потому что у нас с Харпер будет немного времени, чтобы побыть наедине. Именно об этом я думал на протяжении всей поездки домой.

Боже, как же сильно я скучаю по этой девушке, зная, что она так близко, и меня от нее отделяет всего ничего.

После десяти минут непрерывного бормотания, Саша засыпает. Ее голова опускается на мое плечо, тело становится вялым, руки ослабляют свою хватку вокруг моей шеи. Я чертовски промок от пота, и она тоже. Но она хотя бы спит.

Я немного вздыхаю. Потому что понимаю, что она попала в паутину лжи, ловушку, которая расставлена Организацией. Так же, как и Мерк. Так же, как и Харпер. И Ник. Мы все попали в паутину лжи. И чем больше мы боремся и сопротивляемся, тем сильнее запутываемся.

Я продолжаю идти вперед и замечаю на расстоянии захудалый зеленый домик. Ничего особенного. Но сейчас — это дом. По соседству никого нет. Такое ощущение, что здесь когда-то были дома и еще что-то, но это, скорее всего, было давно, возможно, в шестидесятых. Напротив моего дома что-то похожее на детскую площадку. Единственная вещь, которая уцелела — металлическая детская горка и качели, которые немного изогнуты. Но само место дает понять, что когда-то там было все снесено для постройки. Как будто кто-то решил сделать что-то новое, поэтому снес все до основания, но по прошествии времени забыл о своих грандиозных планах.

Место кажется просто огромным, также к дому подходит длинная подъездная дорога. Поэтому даже если люди живут где-то тут, у нас в любом случае будет некоторое личное пространство. Не очень много, конечно, потому что здесь нет деревьев, просто пустынная местность. Но все же достаточно.

Я опускаю Сашу на землю, она ведет себя тихо. Десятиминутного сна было достаточно, чтобы немного успокоить ее темперамент, но недостаточно для того, чтобы принять с энтузиазмом идею, что мы прибыли в место, которое не является ее домом.

Но я рад. Я очень, бл*дь, рад. Я улыбаюсь про себя, когда мы идем по пыльной и грязной подъездной дорожке. Солнце еще не опустилось за горизонт, но осталось всего пару часов до того, как это произойдет. Достаточно времени для того, чтобы схватить Харпер со всей страстью и унести в спальню.

Я одобрительно усмехаюсь, когда эта мысль приходит мне в голову. Мы с Сашей достигаем веранды, поднимаемся по бетонным ступенькам, и я тянусь к проволочной сетке двери, когда та распаивается от пинка, и дуло пистолета прижимается к моему виску.

— Не. Смей. Двигаться.

Глава 6

Харпер

Я прижимаю дуло пистолета к его коже, пока в голове продумываю следующее движение.

— Харпер, — говорит Джеймс, — это я, детка.

— Пффф. Я знаю, что это ты, придурок. Поэтому и приставила пушку к твоей голове. — Я смотрю искоса на девочку, которая стоит рядом с ним. — Кто она?

— Харпер, опусти пистолет.

— Нет. Я не довер...

Следующее, что понимаю, — я прижата к передней двери.

— Ты будешь хорошей девочкой? — спрашивает меня Джеймс, его лицо находится в непосредственной близости от моего, поэтому у меня нет выхода, кроме как смотреть в его глаза. — Я только что тащился через всю пустыню с гребаным ребенком на своей спине, я чертовски вспотел, и меня не встретили дома, как я того ожидал. — Он прижимается к моей шее и обдает ее горячим дыханием, и знакомое покалывание вновь охватывает мое тело. Все те чувства, которые завладевали мной на пляже, снова обосновываются в моем теле: жар, трепет, желание. — Отвечай мне, Рыба-лев!

Все это дерьмо отбрасывает меня назад. Я локтем ударяю его по ребрам, оборачиваю свою ногу вокруг его лодыжки, хватаю запястье и затем резко подаюсь вперед. Он падает назад на веранду. Я в свою очередь освобождаюсь от его захвата и собираюсь схватить свое оружие, когда понимаю, что маленькая девочка держит нас двоих на мушке.

— Прекрати, — говорит она мне.

— Или что? Ты меня застрелишь?

— Ну, ты собираешься пристрелить его! — смеется она.

Джеймс поднимается на ноги и подходит к ней. Она позволяет ему забрать из ее рук пистолет, а затем мы стоим и смотрим друг на друга покрытые потом, немного тяжело дыша, с подозрением, что глубоко скрывается в наших глазах. — Какого хрена, Харпер? Боже. Вы гребаные девчонки. Я сыт по горло вашим эмоциональным дерьмом. — Он смотрит на девочку, затем слегка встряхивает ее и указывает на дверь. — Быстро в дом.

— А я что сделала? — хнычет она. — Отдай мне мою пушку обратно.

— Просто иди!

Она обиженно уходит, как ребенок, каким она и является. Джеймс смотрит на меня серьезным взглядом.

Но я не поддамся. Я права в этой ситуации. И этому придурку придется мне объяснить очень многое. Он точно не на моей стороне. Я для него лишь работа. Грязное обещание. Возможно темная одержимость. Он убирает пушку за пояс джинсов и делает два шага мне навстречу, сохраняя между нами некоторое расстояние.

— Не подходи ко мне ближе, Джеймс. Я тебя предупреждаю.

— О чем ты там меня предупреждаешь, Харпер? — спрашивает он меня хриплым шепотом. — О том, что ты потеряешь контроль над собой, упадешь к моим ногам и возьмешь мой член в свой рот?

Мой рот открывается, потому что я не могу скрыть шока от его слов. Грязные разговорчики могут быть для меня губительными, если я и дальше не прекращу так реагировать. Я делаю глубокий вдох и внутренне собираюсь. — Это не сработает на этот раз, Джеймс. Я знаю, кто ты.

Он улыбается, смотря на мою реакцию. Улыбается!

— Ты — убийца, ты — лгун, ты... ты...

В следующую секунду он уже около меня, и мои мысли опять в хаотичном состоянии. Его тело горячее и потное, это должно казаться мне отвратительным. Но мне так не кажется. Это красиво.

— Что еще? — говорит он мягко. Подушечки его пальцев скользят по моему обнаженному плечу и нежно касаются затылка. — Скажи мне, кто я еще, Харпер?

Я сглатываю, когда он притягивает меня к своей груди.

— Если ты знаешь, кто я еще, тогда скажи.

— Мое обещание. Ты обещан мне.

Он нежно прижимает меня к себе и опускает свой подбородок на мою макушку.

— Я... Я думал, что ты знала. Все эти годы, я думал, твой отец хотя бы даст тебе мою фотографию. Или же хоть раз позволит наблюдать тебе за мной издалека.

Джеймс произносит слова с такой тоской, что очень удивляет меня, даже поражает. Он опять одерживает победу. Все, что я могу слышать, так это его нежность.

— Как делал ты?

— Да, — смеется он. — Так же, как и я. Я наблюдал за тем, как ты росла. Каждый год твой отец посылал за мной на твой день рождения. И я хочу, чтобы ты знала, что каждый раз, Харпер, я отвергал его предложения. Я никогда не хотел тебя...

— Я прекрасно знаю, что ты никогда не хотел меня, придурок. — Стервозная Харпер вернулась. Я вытаскиваю маленький розовый блокнот из своего кармана и затем отталкиваю Джеймса от себя. — Потому что я нашла это, и тут все написано вполне понятно.

Не отводя взгляда, он пару секунд смотрит на дневник, и я могу видеть, как его мысли начинают кружиться со скоростью света. Потому что он просто не может отрицать очевидное.

— Это правда. — Он кивает, подтверждая мои слова. — Все, что написано в этой маленькой книжечке — правда. Это шло от моего сердца.

— От твоего сердца?! Да ты ненавидел меня!

— Нет, — говорит он, качая головой. — Нет, я не испытывал к тебе ненависти, Харпер. Ты была просто маленькой девочкой, которая попала в это дерьмо. Как я мог тебя ненавидеть?

Я отступаю от Джеймса назад. Мне необходимо расстояние между нами. Потому что то, что он говорит сейчас и то, что он чувствовал тогда, совершенно разные вещи. Как я могу примириться с этим?

— Джеймс, тут все написано твоим почерком, твои мысли, все тут, Джеймс!

Я трясущимся блокнотом перед его лицом, и он молниеносно выхватывает его из моей руки и небрежно выбрасывает через ограждение веранды в сад.

Но меня уже так легко не остановить. Или я дам ему знать, что я не глина в его руках, из которой он может лепить все, что ему заблагорассудится посредством грязных разговоров и испепеляющих взглядов, или я, как и раньше, сдамся его власти.

— Умение врать — твоя вторая натура. Тебя даже не смущает тот факт, что у меня в руках находятся доказательства. Я прочитала каждое твое слово, Джеймс. Ты не тот, за кого себя выдавал. Теперь ты хочешь сгладить ситуацию при помощи члена? Как ты сме...

Его рот обрушивается на мой. Пальцы проскальзывают в мои волосы, когда его властный поцелуй практически завладевает моими мыслями.

— Нет! — кричу я, отталкивая его от себя, но он готов к такой моей реакции.

— Прекрати, Харпер! Забудь про этот дневник, записи ничего не значат. Это лишь беспорядочные мысли, которые остались от другого парня. Я уже не он!

— Да, могу поклясться, что ты хотел, чтобы так все и было! Просто забыть обо всех отвратительных вещах, что ты там написал про меня. Конечно. А мне лишь нужно забыть те отвратительные и оскорбительные вещи, которые ты написал про меня и там же излил свои чувства к Эмбер, так?

— Что ты только что сказала? — он встряхивает меня за плечи, когда пристально смотрит мне в глаза. Он сейчас очень зол. — Отвечай мне.

— Ты написал ей милое любовное письмо в конце моего дневника, Джеймс. Как жаль, что член и поцелуй не помогут вычеркнуть его из памяти, потому что все, что ты делал только ради нее!

Он открывает рот, затем разворачивается и заходит в дом. Я быстро следую за ним, но он уже в конце коридора, полностью скрылся из поля зрения, пару секунд спустя я слышу, как с силой хлопает дверь. Я смотрю на девочку, которая стоит в другом конце комнаты, она пожимает плечами.

— Он был в плохом настроении весь день. Это не ты виновата.

Я оборачиваюсь и смотрю в коридор. Это я. Или же его так вывело упоминание имени Эмбер.

— Ну, по крайней мере, он не угрожал, что убьет тебя. Он угрожал мне весь день. Но я простила его. И тебе советую так сделать.

Я опять смотрю на нее.

— Почему?

Она ложится на диван и прикрывает веки, складывая ладони вместе и засовывая их между ног, как будто кондиционер заставляет ее мерзнуть.

— Потому что, — говорит она, сладко зевая, — он все, что у нас есть.

Глава 7

Джеймс

Я захлопываю дверь в ванную позади себя и разворачиваюсь.

— Гребаный ад. — Я прижимаюсь лицом к зеркалу. Впервые за месяц я смотрю на себя в зеркало. И теперь мне жаль, что я выбрал этот момент, чтобы посмотреть на себя, потому что каждый сантиметр моего тела кричит о том, что я истинный убийца.

Глаза выглядят дикими, темные волосы намного длиннее, чем обычно, и смотрятся неряшливыми. Так, будто я оказывал сопротивление ветру, пыли и расстоянию в тысячи миль, которые, и правда, мне пришлось преодолеть.

И мой рот — тот самый рот, который прикидал к губам Харпер в нежном и ласковом поцелуе, кажется таким чужим для меня — выглядит жестко. На лбу пролегла хмурая и напряженная складка и кожу вокруг глаз испещряют крошечные морщинки.

Я ударяю зеркало, и оно разбивается посередине. Кровь стекает по моим рукам.

И за последние двенадцать лет не было еще момента, когда бы мои руки не были испачканы кровью. И никакое количество обжигающего воздуха пустыни не сможет высушить их, избавить от вьевшейся крови.

Именно таким меня видела Саша целый день? Сумасшедшим? Именно потому они и

отправили меня на пляж: «Развейся, Джеймс. Отдохни», — сказал по-отечески Адмирал. И затем на пляже появилась его гребаная дочка. И это... это не входило в мой план.

По крайней мере, мне не кажется, что это было частью плана. Меня это очень тревожит, потому что я помню сам приказ пойти на пляж, но затем... больше ничего, провал в памяти, пока я не увидел Харпер. Я уверен, провал в памяти исчисляется часами, не днями. Но у меня нет доказательств. Моя жизнь стала жалким подобием после смерти Тони...

«Смирись, — шепчет мне Тет, — смирись, Джеймс».

Какого хрена я написал это письмо Эмбер?

Какого долбаного хрена я написал его?!

Зачем я вообще писал все то дерьмо?

— Бл*дь! — я ударяю по зеркалу еще раз, и на этот раз осколки осыпаются и падают вниз в раковину.

Я смотрю на свое отражение в осколках.

Парень, которому уже скоро будет за тридцать, тащившийся по Дикому Западу с маленькой девчонкой, пытавшийся вернуть обратно свою маленькую невесту — даже несмотря на то, что она подросла сейчас. Это извращение. И теперь Харпер не только понимает, что была отдана в свой шестой день рождения, но она понимает и то, что я отказался принимать этот дар. Даже если бы мне удалось убедить ее, что мой отказ был продиктован всеми возможными бескорыстными причинами — она была ребенком, которого предлагали, как взятку — больше ничего из этого не имеет смысла. Потому что я написал то гребаное письмо в дневнике, что было адресовано Эмбер. И Харпер прочла его.

Раздается легкий стук в дверь.

— Джеймс?

Это Саша, к моему разочарованию. Я ждал Харпер.

— Что? — издаю рык я.

— Все в порядке?

— Уходи, — рычу я.

После того, как она уходит, я скидываю одежду, принимаю душ и пытаюсь смыть с себя весь этот дерьмовый день.

Эмбер.

Я не хочу идти туда и все объяснять. Я больше никогда не хочу мысленно возвращаться в тот момент. В то воспоминание. Растерянность. Тони.

Гребаный Тони.

И Форд. Каким образом этому мудаку удастся все еще вмешиваться в мою жизнь? Как я могу говорить об Эмбер, не вспоминая о Тони? И, естественно, я не смогу говорить об этом всем, не вспоминая гребаного Форда.

Я заканчиваю принимать душ и к этому времени набираюсь смелости. Двум девчонкам удалось запереть меня в ванной, точнее сделать все возможное, чтобы я тут укрылся. Но как бы жалко это не смотрелось со стороны, определенно, это заставляет меня улыбнуться и немного остужает мой пыл. Дает мне весьма необходимую перспективу. «Черт, Джеймс, — говорит Тет в моей голове, просто будь увереннее, ты — слабак. Не бойся ничего, пора действовать, если еще хочешь вернуть Харпер». Я могу рассказать Харпер все, что она хочет знать — это, как отчитаться о выполнении задания. Это то, что я лучше всего умею, что делал на протяжении всей жизни.

Я рассказал все в деталях после смерти Тони и Эмбер, и именно тогда это помогло мне

немного собраться.

«Нет, придурок, — отрицает мои размышления Тет, тебе ничего из этого не помогло собраться, ты превратился в гребаного психа, и у тебя случился провал в памяти от чрезмерного напряжения». А, может, это было спровоцировано, возможно, мне промыли мозги так, что я не понял этого.

Когда я рассказывал о Тони и Эмбер, я просто отключил свои эмоции. Ну, как чаще всего и бывает. Я вспомнил каждую гребаную деталь. Я рассказал во всех подробностях, как это все произошло.

Я не смогу пройти через это еще раз.

Я оборачиваю полотенце вокруг бедер, беру свою пушку и направляюсь через коридор в свою спальню. Во всех моих домах имеются все необходимые вещи. Основная одежда. Определенный запас одежды, чтобы мне хватило хотя бы на пару дней. Мой внедорожник заполнен необходимым оружием и всякими нужными вещами. Поэтому я натягиваю джинсы, засовываю пушку за пояс и провожу рукой по волосам.

Я смогу сделать это. Смогу просто откровенно все рассказать. У меня нет костюма, за которым я могу спрятаться, — я снова надеваю на глаза очки — все должно получиться.

Никакого визуального контакта, Джеймс.

Правильно. Никаких лишних деталей. Просто расскажи эту историю.

Я выхожу из спальни, но девушек нет в доме. Я осматриваю крыльцо, но там их тоже нет. Прохожу через кухню и проверяю другой вход, и вижу их там. Дверь гаража открыта, и они сидят на капоте. Харпер держит розовый дневник, будто он принадлежит ей.

А он и принадлежит ей, не так ли? Я подарил ей его, когда нам исполнилось по шесть. И затем я его украл.

Она хочет знать, почему ты забрал его обратно, Джеймс.

Правильно. Мне нужно столкнуться с этим, если я намереваюсь выйти туда. Двенадцать лет ожидания, наконец, подошли к концу... Сейчас именно тот самый момент.

Я подхожу к холодильнику, открываю его и беру себе бутылку пива. Если вы собираетесь посетить свою конспиративную квартиру, то наличие пива там — это главный пункт. Я откручиваю крышку и смотрю в окно на то, что там происходит. Я могу видеть их отсюда. Харпер время от времени бросает взгляды на дом, будто ожидает моего прихода.

Тет продолжает твердить в моей голове: «Ты сможешь справиться с этим». Именно этот голос сопровождает меня всегда, когда я делаю свою грязную работу. Он помогает мне сохранять спокойствие. Помогает сосредоточиться. Быть начеку.

Я ставлю пиво на стол, открываю дверь — и немного сомневаюсь.

Но Тет всегда со мной в трудный момент. Он говорит: «У меня все под контролем, Джеймс». Затем я выхожу, открывая дверь с проволочной сеткой, которая ведет на заднее крыльцо, и сажусь на нижнюю ступеньку. Они обе смотрят на меня. Я чувствую, что гнев горячими волнами исходит от Харпер, не заметить его просто невозможно.

Она напряженно сглатывает и отворачивается, смотря на вечернее солнце, которое ласкает ее тело, придавая ему золотистый оттенок загара, и слегка отбрасывает золотистые отблески на ее светлые волосы и красивые глаза.

Рыба-лев. Убийца. Охотница. Как и я.

Киллер.

Тет решает начать именно с того, что нас объединяет. Убийства. Я прочищаю горло, и Саша смотрит на меня, ее брови приподнимаются в любопытстве, и она ожидает, что же я

буду делать дальше.

Я вытягиваю свои ноги перед собой и откидываюсь лениво на локти.

— Я знаю, о чем ты думаешь. — Саша продолжает изучать меня. Харпер только качает головой в ответ на мои слова, но не поворачивает головы, продолжая смотреть вдаль. — Ты думаешь, что он ненормальный псих. Он лжец. Ему нельзя доверять. Он убьет меня, если того потребуют обстоятельства.

Харпер смотрит на меня после моего комментария. Я улыбаюсь ей, но она лишь кривится в ответ.

Саша искоса смотрит на меня. Она знает гораздо больше Харпер о том, что происходит на самом деле, в этом я чертовски уверен. Никогда ребенок не будет пребывать в таком спокойствии и уверенности, если, конечно, ей не известно что-то очень важное.

Поэтому я начинаю именно с нее. Я поднимаюсь и направляюсь к ним, останавливаясь ровно посередине, загораживая солнце, которое светит на нее. Затем я указываю на Сашу пальцем:

— Но ты и я, Смурфетта, мы похожи. — Я улыбаюсь, потому что ее холодное выражение лица немного смягчается. Но этого уже достаточно, чтобы дать понять, что я двигаюсь в верном направлении. — Я — убийца, и, да, я убиваю людей. Это моя работа. Но перед тем как мы поговорим о том, почему я все еще не убил тебя, давай все проясним, хорошо?

Мне даже не нужно смотреть на Харпер, чтобы сказать, что она сосредотачивает свое внимание на мне и моих словах.

— Давайте поговорим о списке. Может это заставит почувствовать себя лучше? Вы хотите знать мой список, девочки? — Они обе смотрят на меня. Я жду, когда они покачают головой, что будет означать: «Нет, Тет». Но они не делают этого. Каждая хочет знать об этом. Я поднимаю руку и делаю вид, что считаю. Но на моих руках и ногах, и у всех присутствующих будет недостаточно пальцев, чтобы посчитать всех тех, кого я убил.

Я никогда не считал убийства. Я считал годы.

— Давайте посмотрим, в первый год было восемь. Во второй — семнадцать. В третий они отправили меня на зачистку наркокартеля на границе между США и Мексикой в пустыню Аризоны, чтобы пресечь деятельность Хуареса. Шестьдесят четыре государственных служащих получили от меня пулю в тот год. — Я продолжаю говорить, не останавливаясь. — На четвертый год у меня был отпуск. Расслаблялся на пляже, как они это называют сейчас. На пятый год, когда мне исполнилось двадцать, у меня была только одна миссия, но она закончилась тем, что дестабилизировала разом шесть африканских стран. Как раз достаточно для того, чтобы правящая верхушка Организации проникла туда и захватила некоторые наиболее важные отрасли промышленности.

— Алмазы? — спрашивает Саша.

Она знает много всего для того, кому бы ни следовало этого знать. Ее отец не делал для нее исключений.

— Нет, не алмазы, — лгу я.

— А на шестой год? — говорит она, делая вид, будто ее это совершенно не интересует.

Но я знаю ее лучше, я даже не добрался до основных деталей рассказа. Я отвожу взгляд в сторону и продолжаю.

— На шестой год я еще не вошел в колею, и поэтому выполнял работу с парнем, с которым познакомился за пару месяцев до того.

— С Мерком? — Саша, в который раз прерывает мой рассказ.

Я улыбаюсь ее словам.

— Да. С долбаным Мерком. — Она немного хмурится от звука его имени. Между Мерком и Смурфом нет особой любви. — Он не кажется таким плохим, когда ты его хорошо знаешь.

— Мне пофиг, — рычит Саша. — Я ненавижу его.

— Седьмой год, — продолжает Харпер.

И тут до меня доходит, что она пытается нарыть информацию. Возможно, что-то о Нике.

— Тот год я провел со своим братом — Тони. Ему было двадцать, а мне двадцать один. Мы были в этом дерьме почти одинаковое количество времени, но только они занялись им раньше, чем мной. Он выполнял работу в Южной Калифорнии, пока учился в старших классах, затем в восемнадцать его отправили на службу в армию США. В свои двадцать он только закончил двухлетнюю службу в морской пехоте. К тому времени он был влюблен в девушку. — Я пристально посмотрел на них. — Не в девушку, которая принадлежала Организации. И поэтому он хотел отойти от всего этого дерьма, поэтому подал заявление на службу в спецназе ВМС, думая, что он может просто продолжать держаться за статус военнослужащего армии США, и, возможно, в этом случае Организация оставит его в покое.

— Это сработало? — спрашивает Харпер.

— Я снес ему башку выстрелом в голову, как, бл*дь, ты думаешь?

— Почему ты убил его? — интересуется Саша.

— Это была работа, — отвечает холодно и отстраненно Тет, что становится для меня сюрпризом, потому что, вначале, когда я шел сюда, я даже не представлял, как смогу говорить о произошедшем. — Восьмой и девятый годы я провел, руководя теневым правительством в Сан-Педро-Сула в Гондурасе.

— Так, получается, — прерывает мой рассказ Саша, — ты не только убивал людей. Ты еще и помогал, так?

Мне так хочется солгать. Харпер смотрит в мои глаза с толикой надежды, но я не могу лгать, потому что они должны знать, какой я на самом деле, в кого превратили меня годы работы на Организацию.

— Нет, — отвечаю, делая осознанный выбор в сторону правды. — Я не был в Сан-Педро-Сула, чтобы что-то исправлять или помогать, Саш. Правительство в Гондурасе такое же коррумпированное и продажное, как и картели.

— А на десятый год, когда мне исполнилось шестнадцать, что ты делал в тот год? — Харпер перенаправляет вопрос к фактам, которые случились в недавнем времени. Годы, которые изменили все. И только эти годы имеют для меня какое-то значение сейчас.

Я всматриваюсь в ее лицо и вспоминаю тот день. Это повергло меня в настоящий беспорядок. И даже на сегодняшний день, я испытываю смешанные чувства по этому поводу, но я пытаюсь быть честным, поэтому я говорю ей правду.

— Я искал тебя, Рыба-лев... — Она вздыхает от звука своего прозвища. Оно было немного испорчено мною из-за слов в блокноте, поэтому я смягчаю боль, которую она испытывает от прочтенного, тем, что открываю еще немного правды. — В тот год я был рядом с тобой. Для меня не было послано никакого билета, но я все равно появился. Вы остановились вблизи Ангильи, потому я точно знал, где искать тебя.

— Да, в тот год на Таити мы отправились, и последующие два провели там же.

Я пожимаю плечами.

— Сейчас я знаю это, но я старался сделать все зависящее от меня, поэтому искал.

— А в тот год ты меня хотел? — спрашивает она, и толика надежды срывается с ее языка.

Опять я хочу соврать. Господи, как я хочу. Но я не могу позволить себе оправдания и ложь. К тому же, рано или поздно она все равно докопается до правды, я не смогу скрывать и врать ей обо всем вечно, поэтому необходимо быть честным хоть в каких-то вещах.

— Недостаточно, чтобы признать это.

— Но сейчас ты хочешь, да? — заключает Саша. — Да, ты хочешь ее сейчас, даже я могу это заметить.

Я смотрю на Харпер, но она лишь качает головой и делает знак рукой, отмахиваясь от правды. Она может хотеть или не хотеть знать об этом больше, но сейчас она не может никуда от этого скрыться, потому что она получит всю информацию сполна.

— А годы между тогда и сейчас? Ты говорил мне ранее, что был в маленькой европейской стране в прошлом году. Но, как я успела понять, из твоего рассказа, это не совсем та территория, на которой ты в основном работаешь, не так ли?

— Я и не работаю там. Но у меня было специальное задание.

— Мммм, — говорит Харпер, немного выходя из себя. — Так, какой твой список, Джеймс? Какая конечная цифра?

— Слишком много, чтобы считать.

Она рассержено кидает в меня розовый дневник и спрыгивает с капота «Хаммера», но я быстрее ее и успеваю перехватить за запястье, перед тем как она успеет сбежать от меня. Я притягиваю ее к себе и обнимаю за плечи, затем наклоняюсь к ее уху и решаю нанести удар.

— Какой твой список, Харпер? Как много человек ты убила? Ты хотя бы знаешь это?

Саша издает протяжный вздох, как будто она не может поверить, что я затронул эту тему.

Харпер качает головой.

— Я не убийца. Не представляю, почему они сказали тебе такие вещи. Я не убийца и все тут.

— А я, да, — говорит Саша, чтобы немного разрядить обстановку. — В моем списке четыре человека, Джеймс. Когда они пришли убить моих бабушку и дедушку на наше ранчо, я убила четверых.

Мне приходится улыбнуться и одобрить ее слова.

— Я знаю это, Смурф. Я слышал это. Как много Харпер?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — предпринимает она попытку вновь, определенно точно нервничая о том, куда ведет нить разговора.

— Конечно, тебе может быть это и неизвестно. Ты, скорее всего, не знаешь, потому что покинула корабль. Ты оставила их всех умирать и никогда не оборачивалась. Поэтому ты и не знаешь. — Она поворачивается ко мне спиной, все еще качая головой. — Ты можешь меня судить, если тебе так хочется, но правда в том, Харпер, что мы тут все убийцы. Даже ты, детка. И твой список заставляет меня сгорать от стыда за то, что в свой первый год я убил намного меньше тебя. Потому что ты сходу убила тринадцать человек.

Джеймс

Тринадцать. Я почти могу слышать эхо, которое раздается в ее голове.

Она слегка склоняется вперед, чтобы подавить желчь, прежде чем та начнет подниматься.

Она знала. Она знала, что убила кого-то из них... но... не тринадцать человек. Да, это удивило всех.

— Что ты использовала? — спрашиваю я, когда кладу ладонь на ее плечо, словно поддерживая ее, и вместо того, чтобы скинуть мою руку, она позволяет ей лежать на плече. Ее тело горячее, и, когда я прикасаюсь к ней, словно дотрагиваюсь до обжигающего пламени. — Потому что это определенно сделало свою работу.

— «Визин», — говорит она спокойно. — Пару пузырьков «Визина» я подлила в графины для воды за ужином. В тот вечер было много гостей на корабле. Слишком много, чтобы обнаружить среди них моего будущего мужа. Поэтому я просто отравила их всех.

Умно.

— Ну, тогда ты должна знать, что ты и я очень похожи. Потому что я использую яд, как свою визитную карточку. — Я смотрю на Сашу. Мне кажется, она оценит такой небольшой, но важный факт. — Активное вещество, которое входит в состав «Визина» — это тетризолин. — Я перевожу взгляд на Харпер. — Я говорил тебе на прошлой неделе, что во мне есть что-то от осьминога. Активное ядовитое вещество у синекольчатого осьминога — это тетродотоксин (прим. пер. — сильный небелковый яд естественного происхождения, нейропаралитического действия).

— Тет, — Саша произносит с улыбкой. — Именно поэтому тебя называют Тет?

Я киваю, но мой взгляд все еще прикован к Харпер.

— Ты использовала мою визитную карточку, Харпер. Потому что, когда я желаю кого-нибудь убить по личным причинам и не попасть в беду, я всегда использую его. Яд, по которому можно определить меня, — это тетродотоксин, не «Визин», но у «Визина» есть тоже частичка «тет» в названии и они практически близки по свойствам.

Это все меняет. Все, что мне говорили за прошедший год, было искажено представлением о том, что члены Организации могли думать, что я убил всех тех людей ради Харпер. Как мне удалось еще сохранить свою жизнь в этом случае?

«Временно отстранись от этих мыслей, Джеймс, — шепчет в моей голове Тет. Они знают, что ты растерян. Они знают, что ты теряешь время».

И эта мысль заставляет меня рассмеяться.

— Что такого смешного? — огрызается Харпер. — Я убила тринадцать человек и тебе смешно? Мой отец хоть жив?

— Тебя это волнует?

— Конечно, волнует!

— Насколько мне известно, да. Я не разговаривал с ним очень давно. — А теперь я тот, кто уклоняется от ответа. Потому что это вызовет много подозрений на мой счет. И внезапно проблемы становятся на свои места, словно кусочки головоломки. Кто есть кто? Кто это все так искусно совместил? Кто отдавал приказы? Был ли я послан умышленно на пляж?

— А есть способ выяснить? — спрашивает Саша. — Умер ли Адмирал?

— Я уверен, что был бы объявлен мировой сигнал тревоги, если бы Адмирал был мертв. — Мне следует стукнуть Сашу за ее вопросы. Мне, правда, следует это сделать. Но

она вела себя хорошо, и даже была на моей стороне, поэтому сейчас не время ворошить все эти вещи.

— Так что теперь, Джеймс? — говорит Харпер, смотря на свои ноги. Она спокойно смотрит на заходящее солнце, яркий свет которого сейчас потускнел. Я хочу, чтобы мы были вместе сегодня, чтобы могли насладиться заходом солнца, чтобы все вернулось на свои места. Но слегка колеблющиеся оранжевые и желтые цвета Тихого океана были волшебными. Красивыми и наполненными обещанием завтрашнего дня.

А угасающий, рассеивающийся солнечный свет, который проникает сквозь горячие потоки воздуха пустыни, дает почувствовать лишь безнадежность.

Закат в пустыне дает ощущение, что у всего есть свое время, всему приходит конец.

— Тебе придется сделать выбор, Харпер. — Я беру ее за руку и разворачиваю к себе. — Ты доверишься мне и позволишь вести тебя. — Я замолкаю и смотрю на ее лицо в поиске сомнения. Она смотрит спокойно и решительно, в отличие от меня — мой взгляд мечется, ожидая от нее слов лжи, обвинений и скрытых мотивов. Но я не нахожу ничего из этого в Харпер. Я вижу лишь печаль. — Или же ты можешь идти своей собственной дорогой. Ты не являешься моей целью, Харпер. — Я проскальзываю ладонью к ее затылку. Ее кожа покрыта потом от жары. Ее плечи слегка розового цвета от палящего пустынного солнца и, когда она поднимает на меня свой взгляд, ее глаза немного красные. Для одного дня слишком много впечатлений. — Ты не моя невеста, но если ты останешься со мной, я обещаю, что позабочусь о тебе. Я обещаю, что ты будешь со мной в безопасности. Обещаю, что они смогут причинить тебе вред, если только убьют меня первым.

— Потому что я принадлежу тебе?

— Да. — Господи, это делает меня таким счастливым, и нет ни одного гребаного шанса, что я смогу скрыть улыбку. — Ты принадлежишь мне. Ты моя. Поэтому, если останешься, ты должна понять главное — ты моя.

— А теперь ты хочешь меня?

Я скольжу пальцами по ее руке и стискиваю ее, затем тяну Харпер в свою сторону, пока она не делает шаг ко мне.

— Я всегда тебя хотел.

Она пристально смотрит мне в глаза: настолько полна решимости найти там скрытые мотивы. Но она терпит неудачу. Потому что я говорю правду.

— Саша, — говорю я, пока веду Харпер к крыльцу. — Время спать.

— Время спать! — фыркает она. — У меня нет такого.

— Как знаешь. — Я поднимаюсь по ступенькам с Харпер и завожу ее обратно в дом. — Но мы идем в постель.

Глава 9

Харпер

Я позволяю Джеймсу увести себя. Мы возвращаемся в дом, где кондиционер ограждает нас от палящей жары пустыни и внушает ощущение комфорта. Что само по себе глупо, потому что Джеймс недавно признал себя повинным в смерти множества людей и крушении экономики некоторых стран.

Возможно, то, что делает Организация, в каком-то роде хорошо. На протяжении всей моей жизни мне говорили это. Они удерживали все под контролем. Перед киллерами

Организации стояли специфические цели, например: стабилизация мировых правительств, мировой экономики, сохранение будущей свободы.

Похожую хрень мы с Ником читали в книгах, когда останавливались в портах. Фигня про супергероев и их цели. Он был очарован всем этим, так же, кроме всего прочего, его обучали, как убивать людей. Он верил во все это. Он заставил и меня поверить.

Пока мы не выяснили, что меня собираются выгодно продать. И не кто иной, как наш собственный отец. Даже несмотря на то, что дневник подтверждал, что я была обещана Джеймсу, у меня заняло некоторое время свыкнуться с этой мыслью.

Почему Адмирал принял такое решение — отдать меня другому киллеру? Почему не захотел сохранить меня? Как вообще я могу быть в безопасности с Джеймсом? Безопасность и Джеймс — совершенно противоположные понятия. Я зачарованно смотрела на его мускулистую спину, когда он вел меня по коридору в свою комнату. У него восхитительное тело, но все дерьмо, что находится в его голове, затмевает его красоту. С этим нужно что-то делать, но что? Пока не приложу ума, но точно хотела бы понять его или разобраться с его мыслями.

Тет. Теперь это имя приобрело для меня совершенно иное значение. Как вообще так получилось, что я воспользовалась его визитной карточкой при убийстве людей. И что теперь это значит? Для него? Для нас? Как это все поняла Организация? И откуда ему известно обо всем этом? Он мне сказал, что его проинформировали об этом прошлым летом после того, как я сбежала. Интересно, они рассказали ему то, как я это сделала? Думали ли они, что он тоже замешан в этом?

Мы направляемся в комнату, которая расположена в конце коридора, войдя, он прикрывает за нами дверь. В комнате царит полумрак, он даже и не думает включать свет. Вместо этого подходит к окну и задергивает шторы, чтобы комната полностью погрузилась в темноту. Он пристально смотрит на окно, которое полностью закрыто шторами, и пару секунд спустя выдыхает.

— С чего бы ты хотела начать?

Мое тело замирает.

— Что ты имеешь в виду?

Он поворачивается и приподнимает подбородок, словно набирается смелости.

— Я не стал обсуждать это перед Смурфом, но если ты хочешь что-то узнать, то вот он твой шанс сделать это. Спрашивай меня. Спрашивай меня, о чем угодно.

На мгновение я ошеломлена тем, что он говорит мне такое. Я думаю, мне нужно немного больше времени, чтобы спланировать свои вопросы. Но неожиданно вопрос сам собой слетает с моего языка.

— Что произошло с Эмбер?

— Мой брат застрелил ее в грудь, когда я делал свою последнюю работу.

— За что?

Его челюсть сжалась.

— Потому что она перешла ему дорогу.

— Это все что вам требуется? Просто перейти вам дорогу? И этого достаточно, чтобы лишить жизни? Вот так взять и отнять?

Его глаза сужаются в ответ на мои слова, к счастью, потому что он обдумывает мои слова, а не оттого, что его злит постановка вопроса и сам вопрос.

— Иногда.

— Поэтому ты убил своего брата? Потому что он убил Эмбер?

— Точно нет. Тут были замешаны разные факторы. Он был моей целью к устранению. Твой отец хотел, чтобы я его устранил, но кроме всего этого, я был должен своему другу Мерку услугу. А Мерк был должен Форду. Форд захотел, чтобы Тони исчез из жизни его семьи. Поэтому так сложилось, что у меня был двойной контракт на убийство.

— И... Я даже не знаю, что тут можно сказать, Джеймс. А тебя не тревожил внутренний голос, который бы назойливо говорил тебе: «Эй, Джеймс, этот парень как-никак твой брат, человек с которым ты вырос. Ты не посмеешь его убить. Он семья. Ты найдешь гребаный способ, как выпутаться из этого всего и спасти своего брата». Потому что если бы мне пришел приказ убить моего брата, именно такие вопросы прозвучали бы в моем сознании.

— Я не думал об этом в таком ключе, Харпер. Понимаешь, там совершенно не было времени, чтобы искать третий выход и пытаться обмануть всех. Я думал, что смогу все как-то исправить, но все пошло не так. Появились посторонние люди, которые вклинились в эту историю. Те люди, которые не должны были находиться там. Появилась Эмбер, она не должна была быть там. И затем ее сестра, Эшли... она была девушкой, которую Тони любил со старшей школы. Он поставил на карту все, чтобы попытаться сохранить ее и скрыть от пристального ока Организации, также он сделал попытку и фальсифицировал свою смерть. Он оставил ее прежде, чем она родила их ребенка. И затем появился Форд. Он обнаружил Эшли. Он решил, что хочет, чтобы Тони убрался куда подальше и так и случилось.

— А Тони хотел ее вернуть.

— Но Тони никогда бы не захотел оставлять Эшли, особенно после того, что он сделал ради нее. Тони не заметил того, как я подобрался к нему.

— Они никогда не видят, как ты подбираешься к ним, не так ли?

— Я не тот парень, который любит, чтобы его замечали.

— А Саша? Каким образом она оказалась во всем этом?

Джеймс отводит взгляд в сторону, затем быстро приходит в себя. Замешательство в его взгляде длилось всего долю секунды, но я заметила это. У нас с Ником была в детстве игра: кто может солгать лучше и не попасться на этом. Кто может обнаружить ложь, и я всегда выигрывала в этом. Я вижу ложь, чувствую ее. И хотя он думает, что обманывает меня, он, прежде всего, обманывает себя. Я вижу, что Джеймс лжет мне, но я не могу сказать, в чем именно, но это лишь пока. Я уже знаю, что играю какую-то ведущую роль в его планах. Он прокололся очень легко — отвел взгляд. Запомните, когда отводят взгляд — это первый признак лжи.

— Саша... она... сопутствующая потеря. Она то, что осталось после выполнения заказа. Она осталось после работы, которую выполнил Мерк на прошлое Рождество. Мерк ответственен за нее, потому что он убил ее отца за то, что тот промышлял продажей оружия мимо общей кассы Организации. Но каким-то образом Форд заявил свои права на Смурфа и решил, что Мерк задолжал ему за то, что испортил жизнь Саши. А потому как они с Мерком знакомы уже хреново количество времени... — Джеймс поднимает руки и кладет их на затылок, переплетая пальцы. — Мерк воспринял этот долг серьезно и потребовал, чтобы я отдал ему долг.

— Так Мерк аннулировал свой долг перед Фордом за счет того, что ты убил Тони? Потому что ты должен Мерку, а долги — это важно?

Он кивает и это похоже на правду. Но я вижу, что это неполная история. Но я не заинтересована в Саше на данный момент. Больше заинтересована в нас.

Джеймс подходит ко мне и берет меня за руку.

— Харпер, послушай меня внимательно. — Я киваю, и он тянет меня присесть на кровать. — Сейчас ничего из этого не имеет значения. Это все просто безумие, я понимаю. Я убил своего брата. Но дело все в том, что он уже был ходячей целью, если не я, то кто-то другой. И ни тысячи новых документов, ни бесчисленное количество побегов не решили бы этой проблемы. И вот еще что — Эмбер не была моей девушкой. Я просто заботился о ней. Я оборвал все общение с ней уже давно. Очень давно, понимаешь? Я приставил к ней телохранителя, и, впоследствии, они полюбили друг друга. Она вышла за этого парня замуж. Понимаешь? Она не была кем-то значимым для меня, не была моей. Никогда. Да, я в какой-то степени любил ее, но не так, как ты думаешь. Мне нравилась идея держать ее подальше от своей грязной жизни. Я просто хотел для нее безопасности. И у меня это определенно получилось. Она начала новую жизнь. Но затем все расколосось на тысячи, миллионы осколков, и то письмо выражало мое сожаление по поводу моей неспособности сохранить ее в безопасности, только и всего.

Я не знаю. Немногое из того, что он говорит, имеет смысл.

— Но почему ты меня так ненавидел? Я же была просто ребенком.

Он толкает меня на кровать и мои внутренности в животе сжимаются. Но в то же время, я не хочу, чтобы посредством секса мы заминали тему, которая важна для нас двоих. Мне нужно больше информации, поэтому я отталкиваю его. Но он перехватывает мои запястья и прижимает к кровати над моей головой.

— Теперь слушай, Харпер. Лежи смирно и слушай.

Его глаза молчаливо умоляют меня, и я соглашаюсь, кивая в ответ. Он прижимает палец к моему лбу, легко надавливая подушечкой на кожу, затем ласково проводит им по переносице и останавливается на моих губах.

Мой рот сам приоткрывается, и я прикусываю нижнюю губу.

— Я никогда не испытывал к тебе ненависти, Рыба-лев. Я полюбил тебя с первого взгляда, когда тебе было еще шесть лет.

— Ты любил?

Он кивает.

— Я любил. Но ты же понимаешь, что любить шестилетнюю девочку совершенно неправильно. Ты же должна это понимать. Это очень грязно, неправильно, извращенно, не было и шанса, что я могу сладить с сильным влечением. И это началось еще перед тем, как ты была обещана мне. Адмирал вывел тебя на пляж, продемонстрировал мне какая у него дочь. В тот день ты была в крошечном купальнике с оборками, ты в нем напоминала мне маленькую балерину из «Лебединого озера». Ты была самой милой и потрясающей малышкой, которую я когда-либо видел. Идеальная. Невинная. Сладкая.

Я улыбаюсь тому, как он описал меня. Я даже уже и позабыла о забавном купальнике. Я устроила истерику накануне того дня, чтобы мне купили этот купальник в сувенирном магазинчике, который находился в холле отеля. И как обычно, истерика была единственным способом, чтобы привлечь внимание моего отца.

Он что, сделал это не просто так? Чтобы продемонстрировать меня? Мой желудок сжался от чувства отвращения.

— Я так сильно хотел, чтобы в тот день ты была одного возраста со мной. — Мы вдвоем рассмеялись. — Ты просто не можешь представить, как мне было трудно слушать твоего отца и ко всему прочему отказать ему. — Он останавливается, берет мое лицо в ладони и

оставляет целомудренный поцелуй на моих губах. — Ты никогда не сможешь понять, как мне было трудно говорить ему «нет». Но это неправильно, Харпер. Принимать девочку в качестве взятки и обещания за работу.

Я тихонько вздыхаю. Конечно, я понимаю это. И прежде чем узнать, что он мое обещание, я была просто-напросто разбита, когда узнала, что буду кому-то принадлежать. Я чувствовала себя проданной. Но с Джеймсом, все это... ощущается по-другому.

— Я так хочу тебя, Харпер, — говорит он, читая мои мысли. — Теперь ты есть у меня. И я знаю, что ты меня тоже хочешь. Но если я ошибаюсь, это твоя возможность сказать нет.

Я не могу двигаться. Его слова чувствуются, как предложение остаться навсегда. Как будто утвердительный или отрицательный ответ решит мою судьбу.

— Я воспринимаю твое молчание, как «да», — говорит Джеймс.

Затем его обнаженная грудь прижимается к моему телу, его рот завладевает тем, ради чего Джеймс все это устроил.

Мной.

Его язык исследует мой рот, когда он приподнимает мою футболку. Сначала его действия очень аккуратные и неспешные, но затем он теряет терпение, приподнимая меня над кроватью, и с силой сдергивает футболку через мою голову. И прежде чем я могу почувствовать прохладу, которая царит в комнате, его руки уже на пуговице моих шорт. Затем на застежке молнии.

— Сними их, — мягко просит он.

Я трясую ногами, чтобы шорты опустились вниз, затем откидываю в сторону носком ноги, в то время как мои глаза не покидают его.

Он усмехается и все, что я видела под пирсом в тот день, до того как я узнала абсолютно точно, что он убийца, все те мысли вновь всплывают в моей голове. Какой он красивый. Как он привлекает мое внимание своим взглядом. Как он заставляет мое тело пульсировать от желания и томления. Моя рука поднимается, и ладонь прижимается к выпуклости на его джинсах. Он такой возбужденный, пульсация между моих ног становится неконтролируемой болью, давая мне знать, что я могу кончить, даже не начиная ничего.

— Харпер, — говорит он, привлекая мое внимание от пульсирующей нужды обратно к нему.

— Да? — отвечаю я ему шепотом.

Он улыбается и ложится рядом со мной. Джеймс выдыхает, как будто с облегчением. Я чувствую, как он расслабляется и берет мою ладонь в свою, переплетая наши пальцы.

— Я бы хотел познакомиться заново.

— Что? — я легонько смеюсь. И смех меняет все. Я отодвигаю подальше список моих жертв и Адмирала, потери и печаль, которую я чувствовала с того момента, как мы с братом расстались прошлым летом. Чувственное настроение разрушается смехом. Но на его место приходит что-то еще. Что-то еще...

— Начать сначала, — говорит он опять. Кончики его пальцев находят мой пупок, и он легко обводит нежные круги вокруг него, затем он внезапно отпускает мою руку, приподнимаясь на локте, снова протягивая мне свою руку. — Я Джеймс Финичи, приятно с тобой наконец познакомиться.

Я прикусываю губу, чтобы немного остановить чувство трепета, которое зарождается в моем носу и горле, прежде чем оно превратится в слезы. Он делает глубокий вдох, как будто волнуясь, что его жест не будет оценен по достоинству.

Но ему не о чем волноваться. Я также протягиваю ему руку, и мы обмениваемся рукопожатием.

— Харпер Тейт, — произношу я шепотом.

Он откидывается на спину и протягивает ко мне руки, притягивая и прижимая мою щеку к своей груди, затем крепко стискивает меня в своих объятиях.

— Мисс Тейт, вы даже не представляете, как долго я хотел узнать ваше имя. Я думал о нем почти тринадцать лет. И мне хотелось бы стереть из памяти этот розовый дневник. Я очень хотел бы, чтобы ты забыла о том, что было там. Потому что там были слова мужчины, который хотел убедить самого себя, что не влюблен. — Он склоняется и нежно меня целует, его ладонь ложится на мою щеку, когда он захватывает зубами мою нижнюю губу, слегка потягивая, прежде чем отпустить. — Но я был влюблен. И был влюблен в крошку, которой на тот момент исполнилось всего шесть лет. Я хочу попросить у тебя прощения за это, но так все было на самом деле.

— Я тоже влюбилась в тебя в тот день, Джеймс.

— Но я не раскаиваюсь, что тогда ответил «нет» твоему отцу, Харпер. Я не сожалею, потому что это была проверка. Мужчины не отдают таких дочерей, как ты, просто так.

Я отвожу взгляд и качаю головой.

— Но он сделал это. Я не могу понять этого.

Джеймс заставляет меня повернуться обратно к нему, нежно прикасаясь к моей щеке.

— Мужчина, достойный своей дочери, ответил бы отказом, Харпер. Он бы никогда не отпустил тебя. И теперь, так как ты находишься рядом со мной, я должен спросить тебя.

Мое сердце ударяется о грудную клетку.

— Спросить что?

Он выскальзывает из-под меня, затем сажает меня, а сам опускается на колени на пол. Я прикрываю рот ладонью, чтобы скрыть улыбку.

— Харпер Тейт, ты будешь доверять мне?

Мое лицо краснеет, и по телу проходит дрожь, я отвожу взгляд, чтобы спрятать свою реакцию.

Джеймс берет меня за подбородок и заставляет вновь посмотреть на него.

— Не отводи от меня взгляд.

Я смотрю вниз, в то время как он смотрит на меня, поднимая глаза. И затем я замечаю, насколько чувствую себя обнаженной. Его обнаженная грудь прижимается к моим коленям, а горячее дыхание касается внутренней поверхности бедра. Мое сердце начинает биться быстрее, когда все эти чувства сталкиваются вместе, словно меня захватывает сильная волна. Внезапно я начинаю дрожать.

Он скользит рукой по моим бедрам и сжимает их ладонями, подтягивая меня к краю кровати. Джеймс располагается между моих ног, как раз на уровне моей киски, и затем поднимает на меня игривый взгляд, ожидая ответа.

— Я не знаю.

— Просто дай мне шанс, хорошо? Узнай меня получше, дай мне этот шанс. — Он склоняется и оставляет поцелуй на моем животе. — Ты должна научиться доверять мне. — Его глаза скользят по моему телу, и без сомнения он хочет оказаться во мне.

Я даже не могу понять, что происходит. Не могу понять, что он у меня спрашивает. Но я точно знаю, что доверие возможно, когда ты очень этого хочешь.

— Я не доверяю никому, Джеймс. Кроме Ника.

Он поднимается и садится на кровать.

— Так почему ты приехала сюда?

Я поднимаюсь на ноги, не стыдясь своей наготы, и пересекаю комнату. Она небольшая, поэтому я быстро подхожу к стене, затем я оборачиваюсь и смотрю на него.

— Не знаю. Я устала ждать того, что должно случиться, как мне кажется. Я даже не представляю, почему я здесь.

Он кивает головой, когда я произношу эти слова, потом поднимается на ноги и сокращается расстояние между нами.

— Продолжай, — говорит он. — Ответь мне, найди в себе эти чувства, слова... и затем признайся, почему ты тут. Скажи мне, почему ты тут, Харпер.

Я смотрю на него, не сводя своего взгляда. Аромат, исходящий от его тела, сейчас совершенно другой; сладковатый запах мыла задержался на его груди. Я так сильно хочу прикоснуться к нему. Я так сильно изнываю от желания провести кончиками пальцев по твердым мышцам его груди. Я так мечтаю о том, чтобы его ладони прикоснулись к моему лицу, и он поцеловал мой рот. Хочу своими ногами обнять его талию, опуститься на его член. Я хочу, хочу, хочу... Я так много хочу сказать ему, во многом признаться, но не смогу сказать, что люблю его, потому что боюсь. Я боюсь того, что кроется за его милой улыбкой, его нежностью, боюсь довериться ему и в итоге быть обманутой и разбитой...

— Я хочу тебя, — наконец произношу я. — Я так хотела, чтобы ты вернулся ко мне, но тебя не было. А я настолько устала ждать людей. Я устала быть второстепенной, хочу быть значимой, важной, стоять на первом месте. Поэтому, когда я думала о тебе, в моей голове всплыл этот адрес. Сообщение, которое пришло тебе в тот день, когда мы были вместе. Я вспомнила его и решила приехать сюда. Найти тебя. Я надеялась, что найду тебя.

— Но ведь это место могло быть где угодно, Харпер. Это очень рискованно.

— Мне нужно немного опасности в моей жизни, Джеймс. Я устала просто стоять на месте.

— Тогда... — он делает шаг навстречу, и расстояние между нами сокращается, — рискни, выбрав меня. Я на твоей стороне, Харпер.

— Нет, — отвечаю я, качая головой. — Ты не принимаешь ни одну сторону. Ты здесь только для того, чтобы твои интересы были учтены.

Он смотрит на меня в течение пары секунд и затем кивает головой.

— Ты права. Но, детка, единственное, в чем я заинтересован на данный момент, — это ты.

Мне нечего ответить на это. Разговор окончен. Карты открыты, правда больше не является тайной. И у меня больше нет карт в рукаве, чтобы продолжать эту игру. Я человек, который совершенно не умеет принимать решения, поэтому просто сдаюсь.

— Я хочу тебя, хочу быть с тобой, — говорю я, когда мои ладони прикасаются к его плечам, скользя по его рельефным мышцам. Джеймс подталкивает меня назад, пока я не упираюсь ногами в кровать и вынуждена сесть.

Его большие ладони ложатся на мои колени, когда он располагается передо мной.

Его рот опускается на мою кисть, целуя меня глубоко и чувственно, лаская меня языком.

Харпер

Это продолжается медленно — настолько мучительно медленно — то, как кружит его язык на моем клиторе. Он сосредотачивает внимание на вершинке моего клитора, легко ударяя по нему языком, затем начинает медленно ласкать языком то поднимаясь вверх, то опускаясь вниз до того момента, пока мои бедра не приподнимаются с кровати. Мои пальцы проскальзывают в его волосы, и я с силой их сжимаю, подтягивая его лицо ближе к своей киске. Он втягивает в рот мой клитор и сначала просто посасывает его. Но этого уже больше чем достаточно. Я начинаю подаваться навстречу его движениям, не в состоянии контролировать свое желание. Оргазм обрушивается на меня быстро, и скорее всего он чувствует это особенно сильно, так как его рот на моей киске. Я жду, когда он отодвинется от меня как в наш последний раз, но он этого не делает.

Он вновь ударяет языком по клитору, затем проскальзывает им в мое лоно, чередуя эту чувственную ласку с посасыванием и поддразниванием, пока я не начинаю извиваться и выкрикивать те единственные слова, что срываются с моих губ:

— Джеймс. Джеймс. Джеймс.

Моя спина изгибается, когда потрясающее ощущение возносит меня на вершину удовольствия, и я разбиваюсь вдребезги, затем это ощущение словно волна накатывает снова и снова, обдавая удовольствием, которое насыщает меня. Когда ощущения немного отступают, я могу снова дышать.

— Я так тебя ревную, — говорю я, наконец, когда мне удается успокоить свое заходящееся сердце. — Я так тебя ревную ко всем остальным женщинам, которым ты дарил такие ласки.

— Ну, — произносит он, растягивая слова, тем временем расстегивая свои джинсы и скидывая их, — тебе чертовски повезло, что когда я встретился с тобой, ты оказалась девственницей, потому что в противном случае, я бы занес всех, кто посмел прикоснуться к тебе в свой список на устранение. — Прежде чем я могу сказать ему, что это неуместная шутка, он забирается на кровать и присаживается на пятки, потом сжимает мое плечо. — Перевернись. Теперь мы сделаем так, как я этого хочу. — Прежде чем могу понять, что происходит, я оказываюсь прижатой к кровати, лицом вниз.

Я немного приподнимаю плечо и смотрю, что он делает. Джеймс посылает мне кривую усмешку, и я начинаю волноваться. Он сказал что-то о...

— Оу! — Мой поток мыслей стирается одним звонким ударом ладони по моей ягодице, оставляя обжигающую боль. Перед тем как я успеваю выразить свое недовольство, он усаживается на мои бедра и начинает массировать мою попку шероховатыми ладонями.

— Это был ласковый шлепок. Чтобы разогреть тебя.

Он становится на колени, кладет ладони мне на бедра и раздвигает мои ноги.

Его пальцы вновь находят складочки моей киски, но сейчас он между ягодиц, слегка надавливая на тугое колечко мышц. Так чертовски приятно.

— Тебе нравится, Харп?

Прежде чем я могу ответить, его палец захватывает влажное желание, которое осталось после последнего оргазма, затем он проводит влажную дорожку между складочками, размазывая влагу снизу вверх. Он кружит пальцем вокруг идеального колечка мышц. Я готовлюсь к боли, как тогда в моей квартире, когда он пытался сделать то же самое. Но в этот раз он совершает все неспешно и медленно. Нежно. Он повторяет еще пару раз свои

действия, распределяя влагу и поддразнивая идеальное колечко мышц.

— Ты собираешься...

— Нет. Не сегодня. Я просто хочу, чтобы ты почувствовала, как приятно это может ощущаться. Я не буду торопиться, я хочу, чтобы ты сама захотела этого, Харпер. Я так хочу, чтобы ты умоляла меня.

— А что если я хочу этого прямо сейчас? — Я прикусываю нижнюю губу, и стараюсь посмотреть на него через плечо, но он не дает мне этого сделать. Джеймс подается вперед, прижимается к моей обнаженной спине своей твердой грудью, заключая меня в ловушку своего тела. Он приподнимает бедра, а рукой сжимает свой возбужденный член. Он проводит им вверх-вниз по моей влажной и чувствительной плоти, размазывая влажное горячее желание от моей киски к моей попе, и каждые пару секунд останавливается, чтобы прижать палец к моему анусу, каждый раз увеличивая давление на тугое колечко... до тех пор, пока не проскальзывает вовнутрь.

— Ооооо, — издаю я грудной стон, наполненный томлением. Это не то чтобы стонот чувства удовольствия или же от боли, это что-то среднее между этими двумя ощущениями. Тело начинает пульсировать снова, и Джеймс словно читает мои мысли, потому что я немного растеряна от новых ощущений; он начинает медленно кружить по клитору кончиком пальца. Порхая легко, медленно, затем он проводит кончиком пальца от моего клитора до внутренних лепестков, совмещая все это с лаской, которую мне дарит его большой палец, когда проникает в меня.

— Харп, ты хочешь почувствовать мой член в своей попе? — спрашивает он хрипло, прижимая свои губы к моему уху, посылая пронзительный укол наслаждения по всему телу.

— Я готова умолять тебя об этом.

Он прижимает свой рот к моей шее и оставляет там страстный, дикий поцелуй. Главным образом его поцелуй остается на моих волосах, но он лишь смеется, поэтому я понимаю, что ему нравится это.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я очень люблю тебя, Харпер. Люблю больше своей жизни; даже когда ты еще не любила меня, я уже любил тебя за нас двоих. Но сейчас, я желаю не только секса и твоей любви, я стремлюсь к тому, чтобы узнать тебя. — Он приподнимает бедра снова, но в этот раз его член устремляется к моей киске. Он проскальзывает, и мы выдыхаем от чувственного наслаждения. Он подается вперед и назад, по-прежнему поддразнивая тугое колечко мышц моего ануса своим большим пальцем.

— Твоя задница потрясающе красива. То, как она будет стискивать мой член, когда я буду брать тебя...

О боже. Это единственная вещь, о которой я могу думать прямо сейчас. О боже, о боже, о боже!

И затем он опять меняет нашу позу, стягивая меня на пол, принуждая стать на колени. Мои колени опускаются на холодный плиточный пол, и на мгновение я чувствую саднящую боль, но затем Джеймс проталкивает свой член между моих приоткрытых губ, и я в тот же момент открываю для него рот, как можно шире, чтобы принять его внушительную эрекцию. В одно мгновение все полностью забыто, остается только нерушимая связь наших взглядов.

Сейчас. Сейчас я могу видеть в нем правду.

— Трахни меня, — шепчу я.

Он не заставляет меня ждать ни секунды, вновь проскальзывая в мой рот. Его член

неспешно толкается по моему языку. Я ни на секунду не отвожу от него взгляда, и хотя в его руках сосредоточена вся власть, хотя он один из самых опасных мужчин в мире, и я на коленях перед ним — все равно вся власть в моих руках.

Он отдает мне всего себя без остатка, когда откидывает голову назад и кончает мне в горло.

У меня есть власть.

Но это не то, что делает меня по-настоящему счастливой. Все меняет то, как эта власть мне достается.

Он сам отдает ее мне.

Глава 11

Джеймс

Я резко поднимаюсь с кровати, стремительно тянусь рукой за пистолетом туда, куда я его положил перед сексом. Я стараюсь быстро прийти в себя после глубокого сна.

Где, мать вашу, моя пушка?

Харпер стоит рядом со мной, натягивая свою футболку. Ее шорты наполовину застегнутые свисают на бедрах, и в каждом кармане лежит по телефону. Перед тем как попытаться разобраться, что я вижу, она шепчет:

— А что это за шум?

— Смурф? — говорю я, когда нахожу пистолет на полу, проверяя быстро обойму и подсчитывая патроны. В моем Five-seveN двадцать патронов.

Двадцать — более чем достаточно.

Внезапный крик заставляет нас начать двигаться, и мы одновременно подбегаем к двери. Я отталкиваю Харпер назад.

— Оставайся здесь, — сердито рычу я, — и я не шучу.

Не дожидаясь ответа, я тихо проскальзываю в коридор, прислоняюсь спиной к одной из стен и начинаю передвигаться в сторону гостиной. Где, черт побери, мы оставили Смурфа? Снаружи?

Нет, я вижу, что телевизор включен и тихо показывает мультики, на кофейном столике валяются обертки от еды, все выглядит будто она доставала для себя еду, когда на нее напали.

Я замечаю, что задняя дверь открыта и слышу рев двигателя мотоцикла.

— Черт, — восклицает Харпер рядом со мной, мы вместе выбегаем на крыльцо и бежим в гараж.

— Забирайся, — кричу я ей. Ключи от машины находятся слева от выхлопной трубы на магнитном держателе, я хватаю их и завожу машину. — Куда они направились? Ты видела куда? — Я быстро выезжаю из гаража.

— Вон туда. — Указывает рукой Харпер нам за спину, на пустыню, которая простирается сразу за домом, где стоит огромно облако пыли. — Ее кто-то забрал у нас?!

Я игнорирую ее вопрос. Этот ребенок никуда не денется, пока я не дам на то свое разрешение.

Я прибавляю скорость.

— Держись! — кричу я Харпер, мотор «Хаммера» ревет на полную мощь, машина

немного подпрыгивает, когда мы проезжаем по кустам юкки.

— О, боже мой! — вскрикивает Харпер, хватаясь за ручку, которая находится над стеклом с пассажирской стороны. Мы безжалостно проезжаем по кустам, байкер оборачивается и смотрит на нас через плечо. Он сжимает сильнее правую ручку газа на мотоцикле, и тот с ревом пытается справиться с песком пустыни. Солнце только начинает подниматься и на мгновение его яркий свет полностью ослепляет меня, но оно также ослепляет и его, поэтому он резко сворачивает на запад, чтобы избежать солнечных лучей.

Харпер выглядывает в окно и показывает на что-то мне рукой.

— Джеймс, там что-то есть вдалеке!

Вдалеке расположены мескитовые деревья, что говорит о том, что неподалеку находится полностью высохшее устье реки. Деревья с массивными стволами, они достаточно огромные, чтобы попытаться задержать «Хаммер», когда мы захотим проскочить мимо.

— Харпер, если он пересечет устье, то оторвется от нас. Поэтому, детка, возьми пистолет и, когда я приближусь к нему, ты выстрелишь, хорошо?

— Что? Я не стреляю из пистолета! Я подстрелю Сашу!

— Как так произошло, что ты не умеешь стрелять из пистолета? — Наш диалог прерывается, когда мы проезжаем по большой фукьерии. Внезапно нас подбрасывает, и мы вдвоем прикрываем глаза, инстинктивно защищая их. По мере нашего продвижения вперед ветви кустарника с силой бьют о ветровое стекло «Хаммера».

— Бл*дь! Фукьерии везде! — Как будто кто-то специально высадил высокий ветвистый кустарник, чтобы сдерживать прить людей, которые могли захотеть ездить тут на машинах. — Харпер! — я с силой хватаю ее за руку. — Ты поведешь, езжай по этим гребаным кустарникам. Я застрелю мудака!

— Джеймс! Я не умею водить!

— Что за фигня? Как это ты не умеешь водить?

Но в данный момент это не тема для разговора, потому что байкер пытается оторваться от меня. Я быстро меняю направление, надеясь перехватить его там, куда, мне кажется, он направляется.

— Я не вижу Сашу! А вдруг она находится в доме.

Он права. Бл*дь

— Там сзади находится прибор ночного и дневного видения. Харпер, переберись назад и посмотри. По-моему, она лежит на топливном баке.

Харп перебирается назад, быстро находит прибор на полу. Пару секунд спустя она кричит:

— Она лежит на баке, но, мне кажется, она мертва.

Я резко сворачиваю, байкер же едет, не уворачиваясь от ветвистого кустарника. Его скорость замедляется, потому что кустарник бьет по нему и практически душит своими длинными ветвями. Не сбрасывая скорости, я преследую его, но в отличие от него и Смурфа меня защищает от гребаного кустарника ветровое стекло.

Харпер открывает люк на крышу и высовывает свою голову туда.

— Стреляй в этого ублюдка, Харпер! — Она полностью игнорирует мои крики и высовывается на крышу. — Что, ради всего святого, мать твою, ты творишь? Спустись сюда и возьми пистолет!

Мотоцикл вырывается вперед, находясь от нас на расстоянии пятидесяти ярдов, но все внезапно меняется, когда его скорость начинает замедляться.

— У него проколото колесо шипами кустарников! — кричит Харпер. — Подъезжай к нему ближе, Джеймс, я прострелю его второе колесо. — Она спускается вниз, хватается за пистолет и быстро подтягивается обратно, но на этот раз она высовывается не только на половину, ее ноги исчезают из моего поля видимости. На мгновение я чувствую растерянность, но потом до меня доходит...

Сейчас она находится на гребаной крыше «Хаммера»!!! Она сошла с ума!

Глава 12

Харпер

— Подъезжай ближе, Джеймс! — кричу я ему с крыши. Возможно, я не умею стрелять и не умею водить машину, но в ближнем бою мне нет равных. Я не такая беспомощная, как думают многие люди.

Мы виляем в одну сторону затем другую, и мое тело следует за движением «Хаммера»: сначала устремляется в одну сторону, затем его резко кидает в другую. Мои пальцы крепко цепляются за люк на крыше, ногами я упираюсь в рейлинги (прим. пер. — расположенные на крыше рейки, предназначенные для перевозки крупногабаритных грузов, туристического снаряжения, спортивного инвентаря или крепления дополнительного багажника), я делаю это, не теряя ни одной драгоценной секунды, пока Джеймс пытается выровнять «Хаммер». Мотоцикл заметно замедляет скорость, но я вижу, что овраг уже совсем близко. И нужно действовать быстро. Если парень, который сидит за рулем мотоцикла, сможет проскочить между мескитовыми деревьями, тогда ему по силам и преодолеть овраг, а в случае, если он преодолеет овраг, он может запросто добраться даже до города при условии, что у него пробито лишь одно колесо. Если он это сделает, то мы потеряем Сашу. Возможно, я только познакомилась с ней, но она с нами. А значит, она важна.

— Стреляй сейчас, Харпер! — кричит Джеймс. Он подъезжает ближе, и нас разделяет всего пару метров. — СТРЕЛЯЙ!

Я бросаю пистолет обратно в машину, нет никакого гребаного шанса, что я смогу выстрелить и не попасть в маленькую девочку, которая лежит на баке. Я думаю, что ее тело и голова кровоточат от острых шипов. На голове у парня одет мотоциклетный шлем, поэтому он в полном порядке, ему не страшны острые и ранящие колючки. Но не бедной Саше.

— Что, бл*дь, ты творишь?! Харпер!

Когда Джеймс поворачивается и поднимает голову, он ненароком выкручивает руль и машина резко устремляется в сторону, я еле успеваю схватиться за рейлинги, чтобы не слететь с крыши. Джеймс хватается за оружие, он целится, но внезапно мы наезжаем на кочку, и он промахивается.

Мотоцикл и «Хаммер» замедляются одновременно, и нам становится понятно, что огромный овраг уже близко, всего в десяти метрах от нас. Если я хочу действовать, то мне нужно делать это прямо сейчас. Больше шанса не будет, если он преодолеет овраг, мы ее потеряем. Джеймс резко выворачивает руль, чтобы мы объехали пустынное растение. Этот маневр приближает нас к мотоциклу, мы находимся от него всего в полуметре.

Я возьму его на себя.

Я чуть сгибаю ноги, готовясь к прыжку, затем отталкиваюсь и устремляюсь вперед, как ракета. Мое тело ударяет байкера в спину и сбивает его с мотоцикла, он падает вперед на

Сашу. Мотоцикл падает на бок, и мы пролетаем несколько метров вперед по песку, сцепившись в крепкой хватке. Мои ноги ужасно саднит из-за миллионов песчинок, которые превратились при скользящем падении на песок в полотно бесконечной наждачной бумаги, сдирая верхний покров кожи, но, в конце концов, я ухитрюсь сделать так, чтобы его тело было между мной и землей.

Но моя хватка ослабевает, и я пролетаю немного вперед одна, а байкеру удастся освободиться от меня и встать на ноги. Моя оплошность дает ему дополнительное время, чтобы подняться на ноги и достать пушку из кобуры. Но я не так проста, он даже не имеет понятия, что в данный момент я не чувствую совершенно ничего. Никакой боли. Никаких ощущений. Только одна мысль пульсирует в моей голове: убить. Я не вижу ничего. Мой взгляд застывает красная пелена, все вокруг словно в замедленной съемке. Крик Джеймса. Звук выстрела байкера. Пуля проходит в паре миллиметров от моего плеча, и я чувствую, что удача все еще благосклонна ко мне.

И затем я ничего не вижу. Красный цвет полностью завлакивает мой взор, только одно слово пульсирует в моей голове: убей.

Я медленно сосредотачиваюсь на внутренних ощущениях, отключаясь от реальности. Я делаю один вдох, второй, третий, и в следующее мгновение я на нем. Он пытается освободиться, но у него не получается, затем я ощущаю резкий удар кулаком в щеку, но не чувствую боли. В бою я не чувствую ничего. Я словно идеальная машина. Я только вижу. И все, что я могу видеть сейчас, — мой шанс. Шанс на победу. В то время как он продолжает предпринимать попытки ударить меня, я изловчаюсь и заключаю его в смертельный захват, оборачивая руки вокруг его шлема.

Я крепко сжимаю и затем...

Резко сворачиваю ему шею.

Мгновение, за которое можно лишь сделать вдох, меняет все безвозвратно. Резким скручиванием я сворачиваю ему шею.

Его тело становится обмякшим. Его жизнь закончена. Так просто отобрать жизнь — необходимо всего лишь резкое движение рук. Его тело заваливается на бок, и голова утыкается мне в колени. Как только я лишаю его жизни, пульсация в голове прекращается, и красный туман рассеивается. Все возвращается на свои места.

Затем я слышу крик. Кричит Джеймс. Он кричит мне, чтобы я остановилась.

Я смотрю на свои руки, они крепко сжимают шлем.

— Прекрати! — кричит он. — Не смей снимать этот шлем!

Глава 13

Джеймс

— Остановись! — Бл*дь! Я хватаю руку Харпер и оттаскиваю ее от тела, прежде чем она успевает снять шлем. — Я здесь, Харпер! Я здесь! — Ее глаза совершенно дикие, наполненные стремлением к борьбе, и в этот момент я кое-что понимаю.

Эта девушка включает в себя все то, что про нее говорили. Она смертельно опасна. Она свернула байкеру шею, словно за обедом оторвала куриную ножку от куска жареного мяса. Ее дыхание затруднено, но оно не быстрое. Что значит, что действовала не на адреналине. Она действовала соответственно своему опыту. Только те люди, которые натренированы

сначала реагировать, затем думать, могут избежать выброса адреналина. Черт, мое сердце готово выпрыгнуть из груди в этот момент, хотя я ничего не делал.

Но я уверен, что видел нечто большее...

Я видел милую девушку, которая только что отняла чужую жизнь...

Я быстро провожу ладонью по лицу, чтобы спрятать свою реакцию на ее действия, чтобы не напугать ее.

— Саша? — произношу я, когда замечаю, что Харпер ползет в сторону Смурфетты, которая находится без сознания. Я быстро стряхиваю свой шок и бегу в ту сторону, чтобы помочь ей выбраться из-под тяжелого мотоцикла.

— Она все еще жива, Джеймс! — Харпер говорит с толикой надежды, когда прощупывает ее пульс. — Но он... совсем слабый.

Ее приподнятое настроение немного падает, я склоняюсь и поднимаю ребенка на руки.

— Саша? — Я несу ее по направлению к «Хаммеру», и Харпер следует за мной открывая дверь так, чтобы я мог посадить ребенка на заднее сиденье. — Саша? — спрашиваю я на этот раз немного громче. Я приподнимаю ее веко и смотрю на зрачок, который совершенно не реагирует на свет и уменьшился до размера острия булавки. — Ее накачали наркотиком, а, возможно, и чем-то другим. Но я склоняюсь к мнению, что ей ввели средство содержащее опиаты. — Я прижимаюсь ухом к ее груди на уровне сердца и слушаю пару секунд. — Сердце бьется медленно. Скорее всего, ей дали слишком много, определенно, превысили дозу.

— Что мы будем делать?

— Харп, детка, слушай меня, у меня есть аптечка в багажнике. Ты должна посмотреть за ней всего пару секунд, пока я достану ее, хорошо?

Вы начинаете понимать, что у вас неправильный выбор профессии, когда в вашей аптечке постоянно присутствует «Налоксон»². Я открываю аптечку и ищу шприц, в котором находится доза «Налоксона», которой хватит для взрослого человека, поэтому введение этой дозы ребенку — большой эксперимент. Но основываясь на том, что она может умереть от передозировки опиатами, мне просто приходится сделать это. Я снимаю колпачок с иголки и быстро делаю укол, вводя содержимое в предплечье, затем вытаскиваю шприц и выбрасываю.

Есть только два возможных объяснения суженных зрачков: передозировка опиатами или же повреждение варолиева моста³ — причудливое название для сильнейшей черепно-мозговой травмы. Если это наркотики, то «Налоксон» выведет их из организма, и она придет в себя после песчаной погони и ужасных глубоких царапин от шипов. Если это вторая причина, то... в этом случае, ее мозг умер.

Харпер забирает на заднее сиденье к Саше и располагает ее на плоской поверхности, которая разделяет одноместные сиденья. Харпер приподнимает ее голову, а я беру ее за ноги, и мы располагаем ее тело в удобной позе, чтобы она могла прийти в себя. Я вижу, как Харпер что-то нежно шепчет ребенку на ухо, и на долю секунды задумываюсь, какой она была бы матерью? Как бы это ощущалось иметь от нее ребенка? Меня вырывает из мыслей Сашино движение. Я направляюсь к байкеру, пытаюсь не замечать, что его шея вывернута под странным углом.

Почему меня это так тревожит? После всех тех убийств, что я совершил? Как может один труп вносить такую сумятицу в мои чувства? Возможно, потому что его убила девушка, которую я люблю и любил на протяжении всей своей сознательной жизни, которую я

рассматривал пару секунд назад в качестве матери нашего будущего ребенка?

Я не могу отвечать себе на такие вопросы, потому что начинаю чувствовать головокружение. Я просто-напросто не могу думать об этом сейчас. Просто хочу убраться отсюда как можно быстрее, пока Харпер не начала задавать гребаные вопросы. На которые, между прочим, у меня нет ответа, потому что я погряз в своей лжи. Я сказал ей правду насчет одного, но тут же соврал еще насчет тысячи вещей. Она даже не представляет, что мне придется сделать с ней дальше. Она. Даже. Не. Представляет. Я тянусь в карман кожаной куртки байкера и достаю пистолет и сотовый телефон.

— Джеймс, ей становится лучше! — воодушевленно кричит Харпер из «Хаммера».

— Это отлично, Харп, — отвечаю я ей на автомате. Но почти все мое внимание сосредоточено на телефоне, который сейчас в моей руке. Потому что он издает вибрирующий звук.

Я нажимаю кнопку разблокировки экрана, и на экране высвечивается оповещение о доставке сообщения.

Секунду спустя я слышу еще один звук вибрации. И не от телефона в моей руке. Я поднимаюсь и направляюсь к «Хаммеру», находя Харпер уставившуюся на телефон, но этот телефон не принадлежит ей, потому что я прекрасно знаю, как выглядит ее телефон.

— Пришло сообщение, — говорит она и смотрит на телефон. Я сглатываю тревогу и сверлю ее взглядом.

— Ну и что в нем говорится, детка? — Если мое сердце начнет стучать сильнее, то оно, скорее всего, взорвется в моей груди. — Скажи мне, что говорится в этом сообщении, Харпер.

— В нем говорится... — Затем она сомневается и, мне кажется, даже меняет свое мнение, потому что, судя по всему, не хочет делиться со мной информацией, она хочет что-то скрыть от меня. — Просто вчера, Джеймс, я получила сообщение... и мне показалось... что оно было от Ника.

— Бл*дь, скажи мне просто, что говорится в новом сообщении?

Она пристально смотрит на телефон в течение пары секунд и не говорит ничего. Я такой нетерпеливый, что просто готов вырвать его у нее из рук, но я не делаю этого. Затем она поднимает на меня свой растерянный и испуганный взгляд, и мое сердце будто пронзают ножом. Она бледная и напуганная.

— «Тук. Тук»... Что это значит, Джеймс?

— Я... я не знаю, — откровенно лгу ей. Я подозреваю, что это может значить... и это конец всему.

— Там гриб... — Она смотрит на сообщение и произносит сдавленным голосом.

— Что? — Мое сердце начинает биться быстрее, когда я оглядываюсь, пытаюсь понять, где она увидела гриб. — Что за гриб, детка? Где? — Но затем я внимательно смотрю на ее лицо и вижу, что она смотрит на сообщение на сотовом, что зажат в моей руке.

Телефон выглядит точно так же, как тот, что находится в ее руке.

Я быстро качаю головой.

— Чей это теле...

Но она срывается с места быстрее, чем успевает закончить предложение.

И затем смертельно опасная девушка мчится на меня. Нет не так. Она практически сносит меня, как ненужную преграду, что стоит у нее на пути. Она ударяет меня по грудной клетке и сбивает с ног, устремляясь вперед. Но я не могу отпустить ее к труп, поэтому резко

хватая ее за лодыжку, она падает, выставя вперед ладони, пинаясь и издавая дикие крики. Но я крепко ее держу.

Нет никакого шанса, что она снимет этот шлем.

Ни хрена подобного. Потому что если сообщение было от Ника, тогда мертвый парень на земле, вероятнее всего, ее брат!

Глава 14

Харпер

— Отпусти меня! Отцепись, — выкрикиваю я. Мое сердце сжимается в груди. О боже, как же мне больно. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, скажите мне, что я не убила своего брата! Ради всего святого! Пожалуйста, Господи! Я пинаю Джеймса ногами в грудь и это, наконец, дает результат; он отстраняется от силы моих ударов достаточно, чтобы я могла подняться на ноги и подбежать к бездыханному телу. — Ник, Ник, Ник, Ник... — Я продолжаю повторять его имя снова и снова, когда пытаюсь снять шлем с его головы.

Но Джеймс вновь на мне, оттаскивает меня от тела, оборачивая свои руки вокруг меня, пока наваливается на меня всем своим весом и как можно спокойнее говорит мне на ухо:

— Детка, мне нужно, чтобы ты успокоилась, — шепчет он. — Пожалуйста, Харпер, ты должна успокоиться, и тогда мы с тобой вместе посмотрим кто это, хорошо?

— Нет, нет, нет, — произношу я сбивчиво, захлебываясь рыданиями. — Нет! Мне больше ничего не нужно, просто отпусти меня.

— ХАРПЕР, — практически кричит Джеймс, когда опрокидывает меня на землю прижимая своим телом, затем садится на мои бедра и обездвиживает меня своими ногами. Теперь я не могу просто так скинуть его с себя. Он продолжает говорить со мной спокойным голосом. — Мне нужно, чтобы ты успокоилась, детка! — Он давит на мою грудь всем своим весом. Это тяжело, он тяжелый. Тяжелый достаточно, чтобы заставить меня прекратить говорить, потому что у меня просто больше нет воздуха в легких.

— Прекрати, — я умоляю его. — Я больше не могу! Джеймс! Я не могу дышать.

Он немного привстает, не настолько, чтобы позволить мне свободно дышать, но облегчает давление на мою грудь.

— А теперь слушай меня. Ты сейчас же успокоишься, мать твою, или же я тебя свяжу, пока ты не придешь в себя. — Он вновь вжимает мое тело в землю, затем прижимает свой лоб к моему, и говорит еще раз, в то время как я просто издаю всхлип в ответ. — Ты все поняла?

— Джеймс, — я выдыхаю ему в губы, — мне необходимо знать прямо сейчас. Мне необходимо знать.

— Харпер, проверю я, не ты. — Он приподнимается, чтобы оценить мои следующие действия, как мне кажется. И у меня в голове пульсирует мысль, какой смысл драться из-за того, чтобы пойти посмотреть, кто именно этот труп. Смысла нет. — Ты в порядке?

Я киваю. Потом он поднимается на ноги. Я сажусь и смотрю в никуда, через мгновение чувствую его губы на своих. Кажется, теперь я знаю, какой вкус у поцелуя с привкусом отчаяния. Солнце начинает подниматься, поэтому сейчас уже достаточно светло, чтобы разглядеть некоторые детали: цвет мотоцикла оранжевый. Я вижу волосы, которые выглядывают из-под шлема, я даже могу разглядеть их цвет. Они светлые. Когда это

понимаю, я закрываю ладонью рот и прекращаю плакать, потому что на меня обрушивается вся тяжесть произошедшего.

Джеймс хватается за шлем и снимает его. Но шея парня сломана, поэтому голова болтается взад и вперед, отчего я наклоняюсь вперед, и меня тошнит.

— Я не могу смотреть, Господи, я не могу смотреть.

— Не смотри, детка, — говорит Джеймс, пока я кашляю и сплевываю. И затем слышу. — Ох, бл*дь.

Я падаю вперед, прижимаю лицо к песку и начинаю истерически плакать.

— Это он, не так ли? Это он!

И в следующую минуту Джеймс оказывается рядом со мной, он успокаивающе поглаживает мою спину.

— Это не он, Харпер. Это не он.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть Джеймсу в лицо и присаживаюсь, чтобы посмотреть самой.

— Это не он.

Джеймс притягивает меня к своей груди и крепко сжимает в объятиях, оставляя ласковый поцелуй на голове.

— Это не он, детка, но я знаю этого парня.

— А кто он? — Слезы облегчения бегут по моему лицу, и мне приходится стирать их со своего лица.

— Кто-то, кто должен быть давно мертвым.

— Что? — переспрашиваю я, все еще пытаюсь осмыслить произошедшее. — Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду... — Джеймс сомневается, и мне понятно, что это не та тема для разговора, которая должна сейчас подниматься. — Я имею в виду...

— Он имеет в виду, — говорит Саша позади нас, — что он убил их всех. Или же он ошибочно полагал, что убил.

Мы вдвоем поворачиваемся и видим, что Саша сидит на заднем сидении и смотрит на то, как Джеймс ласково меня обнимает. Ее лицо все в крови, руки и ноги покрыты глубокими царапинами от поездки с похитителем на мотоцикле через колючие кустарники фукьерий.

— Джеймс, все было подстроено, ты же это понимаешь, — говорит она голосом, который совсем лишен эмоций, холодок пробегается по моей спине и мурашки покрывают заднюю часть шеи. — Я тебе точно говорю, что это была гребаная западня. — На этих словах ее голос срывается, и мое состояние ужаса постепенно улетучивается. Ее губы дрожат, и она начинает рыдать.

Джеймс прижимает меня к себе, не позволяя мне отстраниться, как будто боится, что я могу убежать и бросить его, и мы вместе подходим к девочке.

— Эй, успокойся, это все действие наркотиков. Ты сейчас отходишь от них. Тебе нужно постараться расслабиться.

— Нет, это не наркотики, и ты прекрасно это знаешь. Это... это... — Она замолкает и оглушающей тишине слышно только как она шмыгает носом.

Это очень, очень, очень хреновое начало дня.

— Что это Саша? — произносит Джеймс отстраненным голосом убийцы, все еще не выпуская меня из своей хватки. — Что это? Если тебе есть, что сказать, то сейчас, бл*дь,

самое время сделать это.

Она проводит рукой по лицу еще раз.

— Мне известно немного, но... — она указывает кивком на своего похитителя. — Я просто хочу, чтобы ты знал, что я не замешана в этом. Я не знаю, частью чего являюсь, но точно не этого. — Теперь она переводит взгляд на меня, но все также обращается к Джеймсу. — Я правда не причастна к этому.

— Ты знаешь, почему он похитил тебя? — интересуется Джеймс.

Она качает головой.

— Это совершенно неважно, на кого я работала вчера, потому что сегодня... — она опять смотрит на меня, — я работаю только на себя. Я больше не хочу быть чьей-то пешкой или убийцей, или же Смurfом. — Она недовольно выплевывает последнее слова и переводит гневный взгляд на Джеймса. — Я просто девочка, я — подросток, ребенок. Я устала. Хочу домой. Хочу к Форду.

Я смотрю на Джеймса, когда он переводит взгляд на меня, он не говорит мне ничего, просто кивает и подводит меня к двери «Хаммера».

— Забирайся, — строго говорит он. Теперь его голос даже не похож на голос безжалостного убийцы, он намного хуже. Потому что, несмотря на то, что его голос спокоен и говорит он весьма сладким тоном, в его словах отчетливо слышится «бл*дь-не-смей-сомной-шутить» предостережение.

Я подталкиваю Сашу, чтобы она отодвинулась, сажусь, затем Джеймс хлопает дверью. Следом за мной он усаживается на водительское кресло. Он заводит «Хаммер» и разворачивает его, и мы едем по той же дороге, что и приехали сюда.

— А что с телом? — спрашиваю я, когда оно оказывается вне зоны видимости.

— Кому какая разница? Тем более он уже умер. Как и сказал ребенок, я убил его в прошлом году.

Я совершенно не понимаю, что это все значит, но Саша фыркает и бормочет себе под нос:

— Ну, ты охренительно лажанулся, Джеймс. Теперь мы в полной заднице.

Джеймс не слышит ее слов или, возможно, просто делает вид, что не слышит. Он ничего не отвечает. Когда мы подъезжаем к дому, он останавливает машину на подъездной дорожке, мы сидим в полной тишине на протяжении пары секунд и ждем его приказов, что нам следует делать дальше. Потому что жизнь только что изменилась. Мы уже больше не бывшие члены Организации, которым вдруг захотелось поиграть в дом.

— Харпер, — произносит он холодным отстраненным голосом и даже не поворачивается, чтобы посмотреть, смотрю ли я на него в ответ, или слушаю ли я, что он мне говорит. Но я, конечно же, слушаю. — Харпер, мне нужно быть с тобой честным, хорошо? Я знаю, что ты взяла кое-что, когда прошлым летом сбежала с яхты. Все знают об этом. — Джеймс поворачивается и пристально смотрит на меня. — Мне это нужно, где оно?

Мой разум крутится со скоростью света, наполняясь подозрениями. Почему именно сейчас? После всех тех месяцев, когда я скрывалась? Почему они пришли за мной сейчас? Все, что он говорил мне, ложь?

— Тебе нужно доверять кому-то, кроме Ника, Харпер. Потому что Ника больше нет рядом с тобой. — Он рассматривает мое лицо, чтобы заметить колебание или сомнение.

Я ничего не отвечаю на его слова.

— Это находится в округе Ориндж? Просто дай мне понять, в каком направлении

двигаться, Харпер. Потому что умрет много людей. — Он выдыхает. — То, что у тебя есть очень важно.

— Важно для кого? Для моего отца? Ты ведь работаешь на него, не правда ли?

— Ты что думаешь, все закончено? Полагаешь, что умерший убийца изменит их планы? Вы играли в эту игру в течение многих лет, поэтому, давай, сегодня обойдемся без этого. Вы с Ником кое-что сделали. Вам удалось забрать что-то важное, значимое для Организации, поэтому тебя оставили в покое в прошлом году. Но сегодня они положили на стол первую карту — игра началась. Мы пробудем здесь еще минут, а потом двинем на запад. Шевелитесь.

Глава 15

Джеймс

— Харпер, в каждой комнате есть коробка. Проверь каждую, вытащи все, что нам может понадобиться, и положи это в багажник «Хаммера». — Она кивает и уходит, поэтому я перевожу свое внимание на Сашу. — Ты идешь со мной. — Я направляюсь вниз по коридору и указываю ей пройти в ванную комнату. — Сядь.

Саша садится на крышку унитаза, я, тем временем, беру футболку из своей комнаты, затем возвращаюсь в ванную и достаю аптечку первой медицинской помощи из-под раковины. Открыв аптечку, я вытаскиваю антибактериальный гель и бинты, включаю теплую воду и беру губку, которая лежит на полочке. Я начинаю с ее ног — аккуратно протираю все. Она плачет, но не издает ни одного жалобного звука. И это печально. Заканчивая с ногами, я перехожу к ее рукам. Потом принимаюсь за ее лицо. Мне приходится взять новую губку, так много крови и порезов.

— Некоторое время тебе будет очень больно, но со временем все пройдет. Поэтому попытайся просто не думать об этом. — Я смотрю ей в глаза, аккуратно вытирая пот с ее лба. — Ты сможешь сделать это?

Она тяжело сглатывает и кивает, ее взгляд не покидает мой.

— Я и так пытаюсь не думать ни о чем на протяжении месяца, Джеймс.

— Я знаю. И у тебя отлично получается. — Ее подбородок секунду дрожит, но затем она быстро сжимает челюсть перед тем, как полностью потерять контроль. — И я прекрасно знаю, что у тебя есть секрет. И также я прекрасно осознаю, что никакое огромное количество просьб или требований не заставят тебя рассказать его. Не раньше, чем ты захочешь сама мне его раскрыть. Поэтому пока я не буду поднимать эту тему. Но, ты же понимаешь, что мне нужно знать. Мы работаем на одного и того же парня? Потому что у тебя есть много информации обо мне, а у меня о тебе — совершенно никакой.

Она отворачивается от меня, пристально гипнотизируя синюю душевую шторку.

— Мне кажется, сейчас, в данный момент, мы на одной стороне. Этого достаточно?

Облегчение от того, что я не убил эту маленькую девочку, практически переполняет меня. Я хлопаю ее по коленке, она вскрикивает и дергается.

— Ты можешь хорошо помыться там, где мы остановимся в следующий раз. — Я накладываю антибактериальный гель толстым слоем на ее раны. — Но пока тебе придется походить так.

На ее бедре виднеется глубокая рана из-за падения с мотоцикла, которая нуждается в

перевязке, поэтому я ее перевязываю и мою руки.

— Джеймс? — спрашивает она тихо.

— Что? — говорю я, убирая все содержимое обратно в аптечку.

— Если мне придется находиться во всем этом дерьме до самого конца, тогда ты можешь...

— Тогда я могу что? — я открываю дверь, показывая ей жестом выходить из ванной. Когда хлопает дверь-ширма дома, я вижу, как Харпер загружает все в «Хаммер». — Если тебе есть что сказать, просто выкладывай.

Она смотрит на меня своими голубыми глазами и сейчас выглядит на восемь или десять лет, а не на свои тринадцать. Такая маленькая. Такая маленькая, чтобы заниматься всем этим дерьмом. Если у меня с Харпер когда-нибудь будут дети, нет ни единого долбаного шанса, что они достанутся Организации.

— Ты можешь убедиться, что, если я умру, это все-таки будет не напрасно!

Я разворачиваю ее и толкаю по направлению к кухне, чтобы она не могла увидеть мою реакцию. Потому что ничто... ничто не может подготовить меня к таким словам, которые вылетают изо рта этой маленькой девочки.

— Слушай меня сюда, — я тщательно играю роль подонка, — сейчас ты работаешь на меня. Твои страхи не стоят и ломаного гроша. Если хочешь, чтобы тебя убили, то, пожалуйста, сделай так, чтобы тебя убили в другой раз, не когда мы с тобой в одной команде. Ты поняла меня?

Она отвечает кивком на мой вопрос и продолжает идти впереди. Но я замечаю, как она украдкой вытирает слезы, когда достает пару кроссовок из рюкзака и надевает их. Я терпеливо ожидаю ее, пока она тщательно зашнуровывает их, и мы покидаем дом, закрывая двери позади нас. Харпер уже сидит на пассажирском сидении, терпеливо ожидая нас. Я открываю заднюю дверь для Саши, и она забирается туда, пристегивая ремень безопасности.

— Ты взяла все, что нам может пригодиться? — спрашиваю я Харпер, закрыв дверь. Я вижу ее кивок головой, когда подхожу к своей стороне, потом забираюсь в машину и завожу двигатель.

— Куда мы направляемся? — спрашивает Харпер.

— У Мерка есть одно местечко в Палм-Спрингс. Его там сейчас нет, поэтому мы нагрянем туда сегодня и решим, что, бл*дь, нам следует делать дальше. Кто-то сделал это с девчонкой, и этот кто-то меня сильно разозлил. Мне нужно немного проехать, чтобы развеяться и привести мысли в полный порядок. Также мне нужно сложить все кусочки головоломки вместе. Потому что все, что происходит сейчас... скажу просто... что-то определенно не так. Ничего из того дерьма, что произошло мы не учитывали. У нас был план и это... никак не входило в него.

Девочки молчат. Поэтому, недолго думая, я делаю резкий разворот на переднем дворе и направляюсь подальше от этого места, выезжая на дорогу местного значения, которая ведет в Калифорнию, затем доезжаю до автострады 15 и держу свой путь в национальный Заповедник Мохаве⁴.

— Выключите свои телефоны и передайте их мне. — Я жду, пока девочки достанут их и три телефона ложатся в мою ладонь. Я выбрасываю все их в окно, затем достаю из кармана свой и делаю то же самое. Девочки поворачиваются, чтобы посмотреть, как телефоны остаются позади, пока я поднимаю стекло.

Термометр на контрольном щитке показывает, что снаружи сорок пять градусов по

Цельсию, но внутри мы находимся в объятиях холода, и это не имеет ничего общего с системой кондиционирования.

Мы — киллеры. И разве не это про нас говорят? Хладнокровные.

Как те яркие ящерицы, что стремительно ползут через трассу покрытую песком.

Мы до мозга костей хладнокровные.

Глава 16

Джеймс

— Что ты имел в виду, когда мы находились там? — спрашивает Харпер, потому что за окном определенно не на что смотреть, кроме кустарников юкки или случайных змей, что выползают на дорогу. — Когда ты сказал: «Кто-то, кто должен быть давно мертвым».

Я смотрю через плечо на Смurfетту, чтобы узнать, не хочет ли она тоже поучаствовать в этом диалоге, но она расположилась на консоли, что находится посередине одноместных сидений, и крепко спит.

— Ты не проверишь для меня Сашин пульс, детка? Если действие «Налоксона» закончилось, а они дали ей дозу больше, чем следовало, она будет опять находиться под действием наркотического препарата.

Харпер наклоняется к заднему сидению с шумным вдохом, что выражает крайнее раздражение, берет Сашино запястье и начинает считать. Спустя минуту она говорит:

— Шестьдесят восемь.

— Ага, тогда она в полном порядке.

— Ну, может, она и да, но вот я, определенно, нет. Мне нужны ответы. Для тебя, как я посмотрю, ничего из этого не имеет значения, а вот мне хочется знать, что произошло.

— Я могу сказать то же самое и о тебе, Харпер.

Я искоса смотрю на нее, затем перевожу свой взгляд на жесткий ландшафт пустыни. На самом деле, мысленно прикидываю, как удовлетворить ее любопытство, чтобы не проколоться и не облажаться, а значит, тем самым, справиться с ее натиском.

— Давно, когда я был молодым пареньком, который думал, что статус убийцы сделает меня более усовершенствованной, сильной и быстрой версией Боба Фетта⁵ я тоже задавал много вопросов «почему?». Но до меня быстро дошло, что вопросы «почему?», на самом деле, очень опасные. Почему люди пришли за Сашей? Почему ты и я вместе? Почему с нами находится Саша? Я имею в виду, что, кроме того, что мы дети Организации, что у нас еще общего?

Она молчит. Возможно, размышляет, а, возможно, после моего ответа пытается избежать меня.

Я облегчаю ей задачу, отвечая на свой же вопрос.

— Убийства, Харпер. Именно они. Это и есть то, что связывает нас, кроме того, что мы дети Организации. А знаешь ли ты, кто были те люди, которые присутствовали на твоём дне рождения, на яхте?

Я бросаю на нее взгляд, и она отрицательно качает головой.

— Ты отравила всех, подлив в воду «Визин», — с нажимом произношу я. — Из тех тринадцати человек, что скончались, девять занимали ведущие посты в Организации. Все они были правящей верхушкой. А ты же понимаешь, что это значит, когда вся правящая

верхушка разом умирает? — По ее взгляду я могу сказать, что она определенно это знает. Но Харпер все равно позволяет мне посвятить ее. — Это значит, что будет полностью изменена структура управления. Это значит новые назначения, новые лидеры. А теперь задай себе вопрос, кому больше всего была выгодна смена власти? — Ее молчание начинает бесить, и меня раздражает нянчиться с ней. — Твоему отцу, Харпер. Он находится во главе всего этого, он принимает конечное решение касательно всего, у него также есть враги, которые, возможно, считают, что могут управлять Организацией лучшего него. Таким образом, благодаря твоим действиям он убил всех разом. Только он не замарал свои руки.

— Получается, что он использовал меня, чтобы убить? — она фыркает, задавая вопрос.

— Именно так, детка, понимаешь, тебе бы ничего не грозило, ты его дочь, ты его кровь. Ты для него самое ценное сокровище. Он никогда не причинил бы тебе зла, просто он использовал тебя в своих целях.

Молчание. Звонящее и напряженное. Я не выдерживаю первым.

— Это что, удивляет тебя? Я имею в виду, твой отец хотел отдать тебя мне, когда тебе было всего шесть...

— Джеймс, — фыркает она. — Это уж вряд ли.

— Ну, я конечно, согласен, что это, возможно, было не очень похоже на правду, но он же все-таки сделал мне это предложение. Разве этого недостаточно? Разве тебе недостаточно этого, чтобы поверить, что если он мог использовать шестилетнюю девочку для своих целей, то он может использовать тебя еще раз? Ты же слышала мой рассказ, как он мне тебя предлагал? — спрашиваю я у нее. — Или, может, тебе стоит повторить это слово в слово?

— Джеймс, стой. Притормози. Я совершенно не то имела в виду. Я говорила о том, что, может, он и сказал тебе это, но он не собирался делать этого на самом деле. Джеймс, почему ты не думаешь, что он просто использовал тебя? Я не думаю, что он мог меня отдать. Ты сам мне говорил, что это было своеобразной проверкой. Я просто чувствую это, ведь он мой отец, я знаю его, он бы никогда меня не отдал тебе, как бы нам в это не хотелось верить.

— И почему же? Потому что мы с тобой не равные, ты считаешь, что твой отец мог думать, что я недостойн его дочери?

— Я даже не собираюсь отвечать на твой вопрос, продиктованный ущемленной гордостью. Джеймс, ты уже сам мне говорил, что понял, что предложение было ненастоящим, так почему ты не можешь признать то, что уже знаешь?

— Суть в том, что он был способен на это, независимо от своих намерений.

— Он не имел никакого отношения к моим действиям на корабле, Джеймс! Это был...

Она запинается и именно этого момента, я и ждал.

— Это был кто, Харпер? Это были вы с Ником?

Она качает головой, смотря на меня.

— Откуда бы вообще мой отец узнал об этом?

— Откуда бы он узнал? Да ладно, Харпер... Кто натолкнул тебя на этот план? Кто тебе сказал использовать «Визин»?

— Просто он был на борту, никто ничего не советовал. — Пожимает она плечами. — «Визин» и путешествие по морю, всегда идут рука об руку, я имею в виду, что у нас на борту всегда был «Визин».

— Это был отличный план. — Я издаю ироничный смешок. — Я имею в виду, не пойми меня неправильно, это был просто фантастический план. Но тебе не кажется странным, что

кучка старых мафиози была отравлена ядом, который указывает на киллера номер Шесть?

— Я не знала ничего про то, как расшифровывается имя Тет, Джеймс.

— Нет. — Я смотрю на нее и сверлю взглядом. — Нет, ты не знала. Но Ник определенно знал это, тогда он уже был одним из нас. И если бы он хотел, чтобы умер твой отец, ну, тогда могу сказать точно, что твой отец был бы уже мертв. А так как тринадцать человек правящей верхушки были убиты, а твой отец нет, то он определенно был замешен в этом. Ради чего это было нужно ему? В чем была ваша выгода?

Я смотрю на нее, когда произношу эти слова, она же в свою очередь расправляет плечи, немного приподнимает свой подбородок, и затем отводит от меня взгляд и смотрит на дорогу.

— Свобода, Джеймс. Все, что я хочу, — это моя свобода.

— А для твоей свободы тебе разве обязательно нужен живым твой отец? Тот человек, который собирался отдать тебя в рабство незнакомому парню?

Харпер шумно, раздраженно выдыхает и качает головой.

— Мне кажется, Джеймс, ты задаешь много вопросов «почему?» для того, кто был обучен не говорить без причины и выполнять то, что ему велят. Теперь моя очередь спрашивать, почему оказался жив парень, который должен был быть давно мертв?

Я быстро смотрю на Харпер, затем обдумываю ее вопрос на протяжении пары секунд, когда резко поворачиваю в сторону, чтобы пропустить черепаху, которая пересекает шоссе. Длинная стройная ножка Харпер упирается в щиток управления, в то время как она прислоняется спиной к двери, таким образом, она может отлично наблюдать за моей реакцией.

— Это была моя недавняя работа.

— Так что он сделал? Что он сделал, чтобы заслужить быть убитым тобой?

— Не имею понятия, это был простой приказ.

— Но ты его провалил. Поэтому...

— Я думал, что он умер, — рычу я на нее. — И ни хрена я не провалил ничего. Произошло что-то другое.

— О, понятно, — выдыхает она. И затем бормочет «отлично», скорее всего, утомленная моими быстрыми и неполными ответами, и я благодарен ей за это, потому что я сейчас явно не в настроении обсуждать то, что я делал на протяжении двух последних лет.

— Так почему же ты не пришел, чтобы убить Мерка? — Саша, маленькая предательница, спрашивает меня с заднего сидения.

— Ну, а с чего бы мне убивать Мерка?

— Ты убил всех остальных. Так почему не убил Мерка?

Я хмуро смотрю на нее в зеркало заднего вида.

— Ты убил всех остальных кого? — напряжено спрашивает Харпер.

Ох, бл*дь.

— Убийц, — отвечает Саша. — Сейчас он должен был остаться один, не считая Мерка. Поэтому мне интересно, почему он не убил Мерка? Потому что он точно не милый и забавный парень. Кстати, он не работает на Организацию. Он мерзкий и злой, и с того самого момента, как ты устранил всех остальных киллеров, меня не перестает мучить вопрос: почему ты не убил его?

Я ничего не отвечаю. Просто перевариваю новый кусочек информации. Откуда этой маленькой девочке столько известно о моей работе, о моих делах? И кто подставляет меня?

Если я и Саша работаем на одного и того же человека — это одно дело. Но я, черт побери, не думаю, что это так. На самом деле, вся моя преданность на данный момент под вопросом. Кому мне теперь доверять? Чей это план?

— Ты знаешь, тут есть еще кое-что, — продолжает Саша, тем самым пробуждая меня из молчаливого состояния.

— Еще кое-что? — я смеюсь в попытке скрыть свою растерянность.

— Их намного больше. Убийц намного больше. Намного, намного больше.

Я совершенно не удивлен ее словами.

— Я не хочу говорить об этом, поняла? Нам осталось всего пару часов до Палм-Спрингс, а до этого просто закрой свой рот.

— Джеймс, — говорит Харпер спокойным голосом, — будет лучше, если мы будем знать, что происходит.

— Смурфетта тут единственная, кто знает что происходит, так почему бы нам ее не расспросить.

— Он же сумасшедший, Харпер, — говорит ей Саша, когда та поворачивается лицом к ней. — Они все такие. Ты же, должно быть, видела, в каких условиях они взрослеют. И ты не можешь отрицать, что нужно быть ненормальным, чтобы выполнять такую работу.

— Саша, я тебе еще раз повторяю, закрой свой гребаный рот, потому что я не посмотрю, что ты маленькая девочка. И я не сумасшедший. — Я быстро перевожу взгляд на Харпер, и вижу в ее глазах тот же взгляд, что был в Хантингтон-Бич, когда она пыталась вычислить является ли моей целью. И у нее нет никаких прав на это, у нее нет прав смотреть на меня таким взглядом. Я ждал ее столько лет. Я любил ее, даже когда не мог притронуться к ней, я просто продолжал оберегать и смотреть на нее только по ночам, когда она спала, а она смотрит на меня таким взглядом, будто я самый безумный тут. Я не выдерживаю и зло рываю: — Я не прыгал с крыши долбаного движущегося «Хаммера», чтобы сбить байкера с мотоцикла. И не я свернул парню шею, как ни в чем не бывало. И определенно не я жил хрен знает где на протяжении трех месяцев. Вы вдвоем, — я показываю кивком на Харпер и пальцем на заднее сидение, — две двинутые на голову девчонки.

— Хмм, — все, что говорит Харпер.

Саша держит свой рот на замке. В кои-то веки, наконец, она заткнулась.

И именно так они оставляют эту ситуацию, выставляя меня величайшим мудаком.

Я пытаюсь абстрагироваться от ситуации и просто вести машину. Я не хочу ссориться с Харпер. Она единственная причина, почему я ввязался во все это ненормальное дерьмо. Я хочу свое счастье, поэтому должен выполнить кучу грязной работы. А наши ссоры с ней только все усложняют. А на текущий момент я просто хочу убраться подальше от этого гребаного солнца, задернуть шторы, чтобы вокруг царил полумрак, и....

— А мне кажется, я знаю, почему он не убил Мерка.

— Почему? — быстро спрашивает Харпер, поворачиваясь, посмотреть на Сашу.

— Потому что Мерк убьет его сам.

— Все, бл*дь, это мой предел! — Я резко сворачиваю свой «Хаммер» в сторону почти разрушенной обочины и ударяю со своей силы по тормозам. — Закрой свой гребаный рот, девчонка, или, я клянусь, я просто...

— Просто, что? — спрашивает меня Харпер, ее брови взмывают вверх. — У нее правильные вопросы, Джеймс. И если быть честной, то я очень заинтересована в ответах. Кто был тот парень, что приехал за ней? И почему он отправлял мне сообщения?

— Харпер, пошевели своими гребаными мозгами. Почему ты думаешь, он слал тебе гребаные сообщения?

— Почему? Если он знал, где меня найти, почему он тогда просто не пришел, чтобы забрать меня? Почему он играет в эти игры? Я думала, мой отец объявит вознаграждение. Или сразу убьет меня.

— О, мы начинаем с самого начала? Ты думаешь, что я здесь, чтобы убить тебя? А ты что не знаешь, что Смурфетта тоже убийца? Или ты не можешь сложить два плюс два?

— Не нужно меня оскорблять, Тет. Я прекрасно поняла это сама.

— Так может ты ее цель, а не моя.

— Тогда почему она меня не убила?

— Но я тебя также не убил, а ты все равно, бросаешь мне в лицо, что это моя работа. И раз уж мы играем в «давайте признаемся, кто что не совершал» игры, я хочу спросить у тебя, Харпер, в чем заключается твоя работа? Что вы с братом планируете делать после?

— О, он вышел из себя! — кричит Саша.

— Заткнись! — кричим мы с Харпер одновременно.

— Она с нами играет, ты же понимаешь это? Я имею в виду, ты же видишь это, не так ли? Она провоцирует нас на ссоры.

— Я просто пытаюсь кое-что вам сказать, — визжит Саша. — Что-то, чего не знаете вы, но я знаю. А знаете что? Просто забудьте это. Вы не заслуживаете моей помощи, если обращаетесь со мной, как с предателем.

Саша толкает Харпер рукой в плечо, а она отбрасывает ее руку от себя, разворачиваясь, как будто собирается начать настоящую драку.

— Сядь на место, Харпер, — рычу я, дергая ее обратно и толкая к двери. Я выезжаю обратно на дорогу, пока девушки не повыскакивали из машины, потому что я определенно не в настроении, чтобы бегать за ними по жаре.

— Я больше не хочу ехать с тобой, — заявляет Харпер, скрепя руки на груди и поворачиваясь ко мне спиной. — Я сразу же уеду, когда мы вернемся в город.

— Я тоже уеду. Потому что я лучше умру, чем вернусь обратно к Мерку. Я сама найду Форда.

Только его тут еще не хватало.

Бл*дь. А еще тридцать минут назад я сюсюкался с этой негодяйкой и мечтал о губах Харпер вокруг моего члена. А теперь вот что.

Я веду машину в тишине, и гнев повисает в воздухе, как облако пыли. Я прокручиваю возможности в своей голове, проигрывая весь диалог и все слова, чтобы понять, что я сделал неправильно. И затем принимаю решение выложить им все.

— Хорошо, — говорю я.

— Хорошо, что? — спрашивает Харпер, не смотря на меня.

— Два года назад, — начинаю я, — два года назад я был приглашен на встречу, которая была созвана касательно моего брата. — Я смотрю на Харпер боковым зрением, затем перевожу взгляд на зеркало заднего вида. Обе девушки слушают, я знаю, что им очень хочется узнать правду. — Множество людей хотело, чтобы он умер, и я не мог пойти против них. Он был самым облажавшимся неудачником из всех. Я признаю, что и я такой, но Тони... Тони был худшим из нас. Он был слишком молодым, когда начал заниматься этой работой. Он был на три года младше меня, а мне на тот момент было только шестнадцать. Меня отослали, я учился своему ремеслу в удаленных местах, где жили люди, которые не

представляли для меня никакой ценности, которых я совершенно не знал. Для меня это было фильмом. Видеоигрой. Книгой. Это не я убивал, и они не были для меня реальными людьми. Но Тони работал в Сан-Диего на выходных, а в понедельник снова шел в школу, как будто ничего не было, как обычный ребенок. У него никогда не было шанса возвратиться в общество.

— Возвратиться в общество? — спрашивает Саша, подаваясь вперед, ближе к нам с Харпер. — Что... Что это значит, Джеймс?

— Они сказали мне, — продолжаю я, раздраженный ее поведением, — будучи психологами Организации, что отстранение от общества совершенно нормально. На самом деле, это ключ ко всему. Каждый из нас выходил из-под контроля, но так как мой брат еще никто.

— И ты убил их всех? — растерянно спрашивает Харпер.

— Да, я убил их всех.

— Но, — вмешивается Саша, — существует больше десяти убийц, Джеймс.

— Спасибо тебе, Саша. Я так рад, что ты тут, чтобы посвящать меня. Без тебя я бы не узнал этого. — Я вижу в зеркале заднего вида, как она закатывает глаза на мой выпад. — Я прекрасно знаю, что их больше десяти.

— Кто тебе сказал, что их нужно убить? — спрашивает Харпер.

Я не смотрю на нее, когда слова просто вырываются из моего рта. Я просто смотрю вперед на дорогу.

— Твой отец.

— Зачем?

— Не знаю. Я просто делаю то, что мне сказали.

— Ты мне врешь, — гнев практически волнами исходит от Харпер, настолько она разъярена сейчас, — ты мне врешь, точнее и дальше продолжаешь лгать. Я чертовски устала от этого, Джеймс. Просто скажи, что происходит перед тем, как они убьют нас всех.

— Харпер, поверь мне, если бы знал, я бы обязательно сказал тебе. Но я не знаю, что происходит.

— А что если объявятся еще убийцы? — интересуется Саша. — Что мы тогда будем делать?

— Вам ничего не нужно делать. Я сам с ними справлюсь

— Бам, — тихо говорит Саша, вытягивая указательный палец и приподнимая вверх большой, словно у нее в руке пистолет, она протягивает руку вперед и делает вид, что стреляет в ветровое стекло между мной и Харпер. — Они все умрут от коронного выстрела Тета в голову. — Она зло смеется и откидывается назад. — Харпер, он может убить и Ника, как убил своего брата, не так ли, Тет?

Я не поддаюсь на ее провокацию. Просто продолжаю вести машину, потому что если остановлюсь, я сверну ей шею и выброшу ее бездыханное тело в пустыне.

Глава 17

Харпер

Как убил своего брата... Я повторяю это предложение своей голове снова и снова. Она произнесла предложение с упором на слово «своего». Но почему она говорит так? Эта

маленькая девочка сбивает меня с толку. Одно мгновение она на нашей стороне — если, конечно, у нас есть сторона — и в другую минуту она не с нами. Она создает проблемы Джеймсу с определенной целью, словно тем самым пытается предостеречь меня, чтобы я не смела ему доверять. Но как я могу не доверять ему, ведь я люблю его?

И это меня бесит. Меня раздражает, что эта маленькая тринадцатилетняя девочка считает меня непроходимой идиоткой. Она не видела шоу, как я свернула парню шею, поэтому я считаю, что должна дать ей поблажку.

Но ничего связанного с нашей группой не имеет смысла. Ничего из того, что мы делаем, не имеет смысла. Если Джеймс пришел устранить Ника по приказу моего отца, как всех остальных киллеров, тогда почему он ходит вокруг да около? Почему заговаривает мне зубы своими признаниями в любви? Я даже не представляю, где сейчас находится Ник. Я абсолютно уверена, что он не ждет нас в доме этого парня, как там его... Мерка. Поэтому...

— Эй, что мы собираемся сделать?

— Отлить, Харпер. Я собираюсь отлить, — отвечает мне Джеймс, съезжая с дороги и паркуясь на стоянке, перед местом, которое похоже на центр помощи туристам. На стоянке помимо нашего находятся еще пара автомобилей. — Тут также есть место, где можно приобрести еду и перекусить. В следующий раз нам удастся поесть и сделать свои дела только через пару часов.

— Я хочу кушать! — говорит Саша, быстро открывая дверь и выбираясь из машины. Когда я выхожу на улицу, от палящего пекла снаружи практически перехватывает дыхание, и я не могу сделать ни вдоха. Мы втроем спешим быстрее зайти в тень под навес здания и, когда оказываемся там, вздыхаем с облегчением, потому что там на полную мощность работает кондиционер.

— Вот возьми, — говорит Джеймс Саше и вручает ей наличные. — Иди купи каждому что-нибудь вкусное.

Она берет деньги и быстро уносится в сторону, где можно приобрести еду. Я все еще продолжаю смотреть ей вслед, задаваясь вопросом о ее истории, когда Джеймс хватается за руку и тянет в противоположном направлении. Когда мы подходим к уборным, и я хочу отстраниться от него, чтобы направиться в женский туалет, он быстро перехватывает меня и стремительно затаскивает в мужской.

— О боже, что ты делаешь? — я отталкиваю его от себя, но уже слишком поздно. Он уже схватил мои запястья и пригвоздил меня к стене. — Серьезно? — я смеюсь. — Ты хочешь взять меня силой в административном здании?

Он сверлит меня взглядом своих колдовских зеленых глаз, которые выдают его действия с головой, говоря мне, что он настроен серьезно, как никогда. Я закрываю рот и просто смотрю на него. У нас что, опять ссора?

— Ты что до сих пор считаешь, что я насильник?

— У тебя есть привычка управлять домой, — огрызаюсь я в ответ. Я буквально теряю всякое терпение с этим мужчиной.

— Тогда почему ты со мной, Харпер? Потому что, возможно, ты считаешь, что я плохо знаю тебя, и да, может, в каком-то плане это и так, я был больше наблюдателем в наших отношениях. Если, конечно, можно считать за отношения год и три месяца наблюдения за тобой. Но вот, что я о тебе знаю на сто процентов, Харпер. Возможно, ты не можешь меня убить, но ты можешь дать мне хороший отпор, потому что в ближнем бою тебе нет равных. И если бы ты не хотела находиться со мной в уборной, то ты бы уже была где-нибудь в

другом месте, но точно не тут.

Я высвобождаю свои запястья из его хватки и упираюсь ладонями в его грудь. Он немного отшатывается назад, но этого достаточно, чтобы я смогла проскользнуть под его рукой, когда я это делаю, то разворачиваюсь и смотрю на него.

— Ты прав. Я так и сделаю, так что ты хочешь от меня?

— Твой брат не моя цель, детка. Поверь мне, может, в чем-то я и вру, но тут — нет.

— Естественно, он не твоя цель. Даже я смогла уже понять это.

— Даже ты? — Джеймс смеется. — Пожалуйста, избавь меня от своей роли блондинистой идиотки, не прикидывайся, со мной это не пройдет, может, с Сашей, но не со мной. Я знаю тебя лучше.

— Тебе было поручено убить всех киллеров, в том числе и моего брата, не так ли?

— Нет, — говорит он жестко, стискивая челюсть, это служит мне предупреждением, чтобы я на него не давила.

— Ты опять мне врешь.

— Так теперь я еще и лгун? Насильник и лгун.

— Да, именно. И не забывай еще и братоубийца. Или это тоже была твоя ложь? Или он все еще жив? — Боль в его глазах заставляет меня разозлиться на саму себя. Я его ранила. Но уже слишком поздно жалеть о чем-то, поэтому я решаю зайти еще дальше, чтобы посмотреть, что произойдет. Я люблю его, поэтому хочу знать все об этом мужчине, все о нем, даже, несмотря на то, что он не собирается этим делиться. — Если ты решился убить своего собственного брата, что тебя удерживает от того, чтобы убить моего?

Он отворачивается от меня, подходит к двери, тянется к ручке и поворачивает на ней маленький замочек, затем снова разворачивается ко мне.

— Преданность.

И к моему удивлению, только одно слово, произнесенное шепотом, оказывает на меня настолько сильное влияние, что практически заставляет замереть.

— Я честный и преданный работник. Но, запомни, я всегда работаю только на одного парня — самого себя. Мой брат нарушил данное мне слово. Он убил того, о ком я заботился, прямо передо мной. Он собирался похитить свою бывшую девушку и их ребенка из конспиративного дома и привести в мир, где им будет угрожать опасность, они лишись бы жизни по его глупой прихоти, самое большее, через пару недель. Поэтому, как бы я не жалел о содеянном, я убил брата ради его же блага, чтобы сохранить жизнь двоим людям. Я сделал мгновенный выбор и сохранил жизнь моей маленькой племянницы, чтобы она не была порабощена Организацией, поэтому я убил брата. Все вы должны понимать, на что была бы похожа ее жизнь, если бы ею завладела Организация. Потому что у меня была сестра, и больше у меня ее нет. Поэтому если бы мою маленькую племянницу забрали, она была бы обещана какому-нибудь старому мудаку, как только у следующего наемника был бы заказ на Тони. И поэтому мне абсолютно не жаль. Он мертв. Да, именно я это сделал и сделал бы еще раз, если бы было нужно. Я поступил правильно.

Я слушаю его, затаив дыхание, затем оно выходит рваным, когда он заканчивает. Его челюсти и кулаки сжимаются одновременно, он настолько напряжен и разъярен в данный момент, что ему приходится медленно вдыхать в попытке опять привести себя в состояние полного контроля. Потому что в ином случае он может просто взорваться.

— На кого ты работаешь? — наконец, спрашиваю я.

— На себя. Я работаю на себя. Что насчет тебя? На кого работаешь ты?

— Я ни на кого не работаю. Я не наемный киллер. — Я издаю рык, когда произношу эти слова, но это не оказывает никакого влияния на него.

— Ага, ты же у нас убиваешь просто так. Для себя. Ну что ж, после всего, мне кажется, у нас есть что-то общее.

Я несколько раз раздраженно выдыхаю и затем заключаю:

— Боже мой, да Саша права. Ты ненормальный, если думаешь, что возможность избежать жизни с каким-то старым мудаком...

— Я не настолько стар...

— Тет, стой, — перебиваю я его. — Ты просто ненормальный, если думаешь, что мой отец отдал бы меня тебе. Понятно? Без обид, потому что ты невероятно сексуальный, и если отмотать время назад, если бы я знала, что ты был тем парнем, которому я была обещана, я бы сделала все по-другому. Поэтому, да, я убила людей, чтобы у меня появился шанс вырваться оттуда. И мне совершенно не жаль. И я бы сделала это еще раз, если бы мне пришлось.

Я прикусываю губу, когда мои слова, брошенные в припадке истерики, отражаются от плиточных стен уборной, и затем внезапно повисает полная тишина.

Он делает три быстрых шага, пересекая оставшееся расстояние между нами, я интенсивно отступаю. И прежде чем я могу придумать новый план действий, он прижимается ко мне своим твердым телом, возвышаясь надо мной. Его взгляд пленит, потому что все в выражении его лица, язык его тела, его дыхание — все говорит о том, что данный момент очень важен для него. Его большие, чуть шероховатые ладони ложатся мне на плечи, и он улыбается кривой ухмылочкой.

— Харпер, — говорит он спокойно.

— Что? — огрызаюсь я вновь.

— Я хочу тебя. Я собираюсь прикоснуться к тебе. И больше не собираюсь ссориться с тобой, потому что, мне кажется, это пустая трата времени. Я собирать оттрахать тебя прямо в этой дерьмовой уборной, хотя ты заслуживаешь, чтобы с тобой занимались любовью на красивом, ночном тропическом пляже или же в месте с видом на горы, или, черт, даже в том же гребаном «Хаммере» было бы намного достойней, чем брать тебя тут. Но знаешь, что?

Я удивлено сглатываю.

— Что?

— На данный момент мы имеем то, что имеем. И пусть мы не находимся на тропическом острове и не в месте, с видом на восхитительный горный пейзаж. И, вероятнее всего, гребаная Смурфетта уже находится в «Хаммере». Поэтому на данный момент я могу предложить тебе близость в уборной, себя и свою любовь.

— Джеймс, это не относится к нашей ссоре.

Он мягко улыбается и кивает.

— О, конечно, относится. В этом вся загвоздка, Харп. Сейчас у нас намечается секс. Вот прямо сейчас. И если ты не хочешь меня таким, какой я есть, моей любви....

Я перебиваю его:

— Так ты заставишь меня?

— Харп, малышка, я считаю до трех, и у тебя есть еще пара мгновений, чтобы решить чего ты хочешь. Один.

Мое сердце начинает неистово биться.

— Что за хрен...

— Два.

Его большие ладони все еще находятся на моих плечах, но теперь они медленно скользят, устремляясь к предплечьям.

Я ожидаю, что он развернет меня, толкнет вперед, прижмет к раковине и трахнет сзади. Но это совершенно не то, что я получаю.

Его ладони скользят по моим обнаженным рукам, останавливаясь на уровне локтей на краткий миг, чтобы ласково погладить нежную кожу с внутренней стороны. Затем они продолжают свой путь к моей талии. Он пробирается ладонями под футболку и прижимает обе ладони к моей талии.

— Я приму твое молчание за разрешение мне делать с тобой все, что мне хочется, но ты можешь остановить меня, когда тебя захочется.

И затем эти сильные руки сжимают мою талию, приподнимая вверх и усаживая меня на край раковины. Он берет в ладони мое лицо и приближается ко мне, его теплые губы слегка касаются моих.

И я целую его в ответ. Жадно. С языком.

Я чувствую улыбку на его губах, потому что ему прекрасно известно, что я сдалась его языку. Он выиграл ссору без всякого труда, потому что я нахожусь в полном изнеможении.

— Я победил, — шепчет он в мой рот. — Я здесь не для того, чтобы ссориться с тобой. Я здесь не для того, чтобы обманывать тебя. И, определенно, здесь не для того, чтобы убить твоего «занозу в заднице» брата. Я здесь только ради тебя. И все, что я делаю, только ради тебя. И если нужно вытащить твою милую задницу из машины для того, чтобы преподать тебе урок и все разъяснить в гребаном туалете, я так и сделаю. Каждый следующий раз я так и буду делать. Ты и я, — говорит он, указывая на меня и себя, — мы единственное, что важно.

Я энергично качаю головой, стараясь понять его слова.

— Я не понимаю ничего из того, что происходит. Почему, почему, почему? Все, что я хочу знать, это почему?

— Почему, Харпер? У меня нет ответ на твои «почему?». Возможно, у твоего отца, брата, Саши есть ответы. Но твой брат и отец лгут, а Саша близка к тому, чтобы разобраться во всем самой. Поэтому единственное, что мы можем сейчас сделать, это отпустить все, пусть все идет своим чередом, а ты будешь следовать за мной, я позабочусь о тебе.

Я совершенно не знаю, что ответить на его слова. Потому что сказанное им сейчас имеет смысл. Особенно его слова про Сашу. Она хочет рассказать нам все, что знает, а может, и о чем догадывается, но у нее есть свои причины, чтобы не делать этого. Она до сих пор нам не доверяет. Ну что ж, разумно с ее стороны.

Я опускаю голову на его плечо, когда он расстегивает свои джинсы, вытаскивает свой возбужденный член и подается бедрами ко мне.

— Приподнимись, — говорит он, его голос нежный, но властный.

Я приподнимаюсь, и он спускает мои шорты до лодыжек своими руками.

Затем его большие ладони подхватывают меня под попку и приподнимают, он пересекает пространство туалета и прижимает меня к деревянной двери. Его член с легкостью проскальзывает в меня, но это происходит так медленно, что просто сводит с ума.

— Жестче, — шепчу я ему. — Это совершенно не похоже на то, что ты обещал.

Он усмехается у моего уха, когда выскальзывает из моей влажной киски, делая это как можно медленнее, перед тем как скользнуть в меня снова.

— Ты ошибаешься, Харп. Как же ты ошибаешься.

Его рука, поднимается вверх и находит упругое колечко мышц. Я издаю крохотный гортанный стон, и затем что-то захлестывает меня, и я толкаюсь с большей силой на его палец.

— Еще, — умоляю я, — я хочу еще.

— Детка, — рычит он, — ты вскоре получишь все это. Но для начала этого хватит. А теперь возьми в свою ладонь мои яйца и ласково сожми их, словно в своих руках ты держишь самое драгоценное сокровище.

Я в ту же секунду сжимаю ладонью его яйца, полностью подчиняясь ему. Мне нравится, когда он приказывает мне во время секса. Это чертовски горячо. Кончики моих пальцев слегка перекачивают мягкую нежную кожу его яиц.

— Да, именно вот так, так просто идеально, Харпер. Я так хочу, чтобы ты взяла их в свой рот, провела по ним языком.

И я сразу же хочу последовать его словам, пытаюсь высвободиться из его хватки, но он меня останавливает.

— Только не здесь. Потому что я буду трахать тебя всю ночь напролет, как только твой рот окажется на моем члене, а голова между ног.

Он убирает мою руку и принуждает меня взять мои пальцы в рот, облизать и пососать их так, как он это любит. Джеймс проскальзывает в меня членом неспешно и не торопясь, словно у нас есть все время мира, чтобы испытать оргазм.

Ручка двери поворачивается около моего бедра. Затем раздается стук. Мужской голос из-за двери сыплет ругательствами в нашу сторону.

— Не обращай на него внимания, — шепчет мне Джеймс. — Он для нас не важен. Я имею в виду именно то, что сказал. Важны только я и ты.

Мужчина стучит опять, на этот раз говоря немного громче. Но Джеймс отвечает своими действиями, он впечатывается в меня жестче, и я издаю протяжный стон. Еще один толчок, еще один стон. И потом я понимаю, что он делает это специально, чтобы разозлить людей по ту сторону двери.

— Только я, — говорит Джеймс, склоняя свою голову, чтобы посмотреть в мои глаза, — только я могу делать с тобой такое, только я должен иметь значение для тебя прямо сейчас. — Я сразу же забываю о том, что творится за дверью. Все, что я вижу, это красивые зеленые глаза, за которыми скрывается его душа. — Только я, Харпер. — Он опускает голову и прикусывает мою кожу на плече, заставляя меня вскрикнуть.

— Да, сделай это еще раз.

И он делает. Он трахает меня фантастически. Медленно. Вколачиваясь в меня своей твердой длиной. Не обращая внимания на то, что происходит по ту сторону двери, пока он, наконец, не изливается в меня, выкрикивая мое имя, в то время, как я выкрикиваю его.

Мы сжимаем друг друга в объятиях, настоящих объятиях. И ждем, пока схлынет оргазм. Снаружи слышится все больше голосов. Кто-то угрожает, что позовет полицию. Я приподнимаю брови, глядя на Джеймса.

— Пожалуйста, — говорит он, достаточно громко, чтобы услышали люди, столпившиеся снаружи. — Это гребаная пустыня Мохаве. Я уверен, что никто не придет.

Он ставит меня на ноги и берет пару влажных салфеток, чтобы освежить меня.

— Спасибо, — произношу я едва слышно, когда он держит мои шорты, чтобы я могла вновь их надеть. Он даже застегивает молнию и пуговицу. И потом, когда мы приводим себя

в порядок, он поворачивает замок и открывает дверь. Нас награждает злым взглядом коротышка мексиканец, какой-то подросток показывает нам в знак одобрения большие пальцы, а также я вижу взгляды отвращения от пожилой пары.

— Иногда, — говорит Джеймс, останавливаясь напротив пожилой пары, — просто нужно воспользоваться и насладиться моментом, понимаете? Я не могу знать, когда жизнь решит устроить нам «резкий поворот», поэтому веду себя соответственно. У нас была ссора. И затем мы «помирились». Жизнь вновь хороша. Поэтому... — он слегка кланяется, усмехаясь пожилой леди, которая определенно очарована его честностью, — примите мои извинения.

Он держит мою ладонь, пока мы не подходим к «Хаммеру», затем открывает дверь для меня, обходит вокруг и садится со своей стороны.

— Так, — говорит Саша. Она лежит на сидении «Хаммера», засовывая в свой рот разноцветные леденцы, чертовски потная, потому что в машине жарче, чем в гребаном аду. — Если вы сейчас попытаетесь объяснить, почему вас не было так долго, я закрою свои уши и буду петь ла-ла-ла. Поэтому просто не нужно.

— Наконец-то, — говорит Джеймс, когда заводит «Хаммер» и включает передачу. — Наконец-то я сделал то, что смогло заткнуть Смurfетту.

И меня тоже, думаю я про себя, когда смотрю на пустыню, которая простирается за окном. И меня.

Потому что неспешность и честность подкупают меня каждый раз.

Глава 18

Джеймс

Мне нравится думать о пустыне, когда кровь после убийства практически стекает по моим рукам, но чувствовать обжигающий жар пустыни за пределами дома с кондиционером — это совершенно другое. И в «Хаммере» 1992 года не наблюдается хорошей системы кондиционирования.

Сейчас мы, скорее всего, в аду.

Но пустыня это и есть ад, к которому я могу прикоснуться, который я могу почувствовать. Этот ад принадлежит мне. Этот ад взывает ко мне, радушно приглашает меня и предлагает искупление за мои ужасные грехи. Жара пустыни дарует мне искупление, которое я с радостью принимаю, если это означает, что страданий на такой жаре будет достаточно, чтобы высушить кровь с моих рук.

Ненавижу гребаную жару.

Ненавижу гребаную пустыню.

Но когда вы имеете дело со смертью, вы должны искупать грехи всеми возможными способами. И поэтому мой девиз: «все может быть хуже, чем сейчас».

В аду может быть намного хуже, чем в Соноре^б летом. Но, возможно, настоящий ад это и есть Сонора в разгар лета с влажностью девяноста процентов.

— Хм, — произносит Харпер, когда мы смотрим на крошечный домик, который Мерк называет «конспиративный дом в пустыне Сонора», из чуть прохладного салона «Хаммера», где все-таки есть в наличии, пусть никудышный, но климат-контроль.

— Мне не кажется, что в этом домике есть кондиционер.

— Да у этой лачуги едва есть стены, — добавляет Саша. — Я не собираюсь туда идти. Могу поклясться, что там намного больше гремучих змей, чем снаружи.

И она, скорее всего, права насчет этого.

— Ой, да ладно, вы вдвоем преувеличиваете. Дом вполне нормальный.

Бл*дь. Гребаный Мерк. Этот психопат никогда не делает все должным образом. Никогда. Ну, у кого может быть такая дыра для конспиративного дома? Моя всегда забита всем необходимым, что может понадобиться, когда решишь сбежать. У меня есть пушки, тачка, есть аптечка медицинской помощи в каждой ванной комнате. Также, ко всему прочему, у меня есть в запасе сухие продукты питания в кладовке...

— Может, поедем в отель, — говорит Харпер с надеждой в голосе. — Я уверена, что в Палм-Спрингс есть отличные отели, не так ли? — Она немного кривится, когда поворачивается, чтобы оглядеться по сторонам.

Я просто уверен, что она, как и я, ненавидит пустыню.

Я глушу мотор, и кондиционер перестает работать. Мы втроем не успеваем быстро выбраться из машины, и поэтому наша одежда сразу промокает от пота.

— Пойдемте, давайте хоть немного отдохнем, а потом, когда солнце скроется за горизонтом, подумаем, что делать дальше. В любом случае нам необходимо немного отдохнуть и переждать тут ночь, затем с утра начнем двигаться.

— Джеймс, сейчас время обеда, — говорит Саша, раздраженно хлопая дверью сзади.

Я беру Харпер за руку и не обращаю внимания на нытье Саши. Она может идти куда ей угодно. Я за нее не отвечаю. Мы направляемся к входной двери, пока она осматривает все на наличие змей, а Харпер следует за мной, так как я тащу ее за собой. Домик Мерка выглядит, будто его построили люди, которые жили в этой землянке еще в далекие времена. Саша была абсолютно права: стены — преимущество этого дома. Толстые — в метр толщиной — глинобитные стены. Я это знаю, потому что входная дверь сделана в углублении, по которому можно судить о толщине стен.

Я беспечно хватаюсь за ручку, но быстро отдергиваю руку назад, потому что обжигающий металл оставил ожог на моей ладони. Гребаная пустыня. Я использую свою футболку, чтобы повернуть железную ручку и понимаю, что дверь открывается вовнутрь.

Поток прохладного воздуха резко ударяет нам в лицо, когда я открываю дверь, и мы втроем в один голос, выражая полное удивление, говорим:

— Аххх...

— Здесь нет кондиционера, — задумчиво говорит Саша.

Мы втроем быстро заходим в приятную прохладу дома, и я закрываю за нами дверь.

— Конечно, нет. Я думаю, из-за глиняных стен создается естественная прохлада. Мы стоим в крошечном коридоре перед лестницей, которая ведет в комнату, располагающуюся практически под землей. Тут есть еще одна комната, которая находится в противоположной стороне дома. На стенах с трех сторон располагаются массивные решетки.

— Это тюрьма, — говорит Харпер, осматривая комнату, когда спускается по ступенькам и проходит по жилому помещению.

— Причем старая тюрьма, которая существовала во времена ковбоев и индейцев, — добавляет Саша. — Я могу поклясться, что тут побывал даже Джесси Джеймс⁷. Или, может, какие-нибудь другие известные заключенные. — Она смотрит на меня и начинает смеяться. — Например, как ты Джеймс.

— Ага, как ты, Смурф.

— Подходящее место для гребаного Мерка — тюрьма, — говорит Саша и следует за Харпер. — Если у этого мудака есть предпочтения в интерьере, то это, скорее всего, старотюремный стиль, — говорит она, хихикая. — Но тут намного лучше, чем снаружи. Мне кажется, тут терпимо, и мы можем остаться. Диваны выглядят вполне удобными.

Она права, диваны выглядят очень даже удобными, а прохлада, которая тут царит, заставляет нас полюбить это место с первого взгляда. Тут намного лучше, чем в пекле снаружи. Также у меня есть наготове снятый с предохранителя пистолет с полной обоймой патронов, на случай, если тут появится кто-то, но я знаю, где Мерк в данный момент, он точно где угодно, но только не рядом с Палм-Спрингс, поэтому мой пистолет при мне на всякий случай.

— А тут есть кухня? А вода? Я хочу принять душ. Я все еще покрыта грязью, пылью и кровью.

Дерьмо, события, произошедшие этим утром, вновь возвращаются ко мне. Я уже практически позабыл о том, что девчонку этим утром пытался похитить байкер. Меня одолевает такое ощущение, что это произошло уже давно.

— Валяй, чувствуй себя как дома! Мне кажется, здесь где-то должен быть душ.

Я увлекаю Харпер к себе на колени, когда присаживаюсь на диван. Он старый, но очень удобный, покрыт белой простыней для того, чтобы на него не садилась пыль, но мне все равно.

— Мы же останемся тут на ночь, да? Так у нас будет немного времени, чтобы посвятить себе.

Я играю бровями, когда смотрю на нее. Господи, я просто хочу на некоторое время немного остановиться и никуда не убегать. Обнимать ее всю ночь напролет и забыть про все это дерьмо. Разве я слишком много прошу?

— Дерьмо, — Саша выкрикивает из другой комнаты. — Джеймс, тебе бы лучше подойти сюда.

Я быстро поднимаю Харпер с моих коленей, и мы идем, чтобы найти Смурфа. Мы обнаруживаем Сашу в достаточно современной кухне. Там располагаются новые электроприборы и столешницы из натурального камня. Там даже есть плита с шестью конфорками.

— О, очень мило, — говорит Харпер, когда осматривает кухню. Но затем я замечаю, на что смотрит, не сводя своего взгляда, Саша.

Телефон.

— Что за херня? — говорю я, когда смотрю на Сашу, она в ответ лишь качает головой.

— Я не знаю ничего, — настаивает она. — Я не имею ничего общего с этим гребаным телефоном. Вообще.

— И у него светится экран, — говорит Харпер. — Как и на том телефоне, который я нашла у тебя дома, Джеймс.

— Какой, бл*дь, телефон, который ты нашла у меня?

— Ну, ты что не помнишь? Я рассказывала тебе про телефон, который был оставлен для меня на твоей столешнице. Когда я вошла в дом, экран у телефона светился, и там было оставлено сообщение от Ника для меня. На этот телефон отправлял сообщение убийца на байке, когда пытался похитить Сашу.

Я энергично качаю головой.

— Нет, ты мне не говорила об этом.

— Да говорила, — настаивает она. — Я думала это от Ника, там еще говорилось: «Мы скоро поговорим. Не забудь, ради чего это все затевалось» и еще там в конце была маленькая картинка гриба, как то сообщение, которое пришло этим утром.

Я даже близко не хочу слышать про картинку гриба, потому что от осознания кровь стынет в моих жилах. Я не хочу думать, что это может быть то, о чем я думаю. Я отвожу взгляд в сторону и напряженно сплываю, но слюни словно застревают у меня в горле. Я изо всех сил стараюсь, чтобы она не увидела борьбу, которая в данный момент отражается на моем лице. Вся эта гребаная работа — полное дерьмо. Ничего не идет так, как запланировано.

— Джеймс? — Саша тянет меня за футболку. — Может, нам следует его прослушать?

Я разворачиваюсь, но телефон уже у Харпер в руках.

— Прослушать?

— Там сообщение, — говорит Харпер и показывает пальцем на экран. Я сдерживаюсь изо всех сил, чтобы не кинуться к ней и выхватить этот гребаный телефон из ее рук. Я боюсь лишь одного, что она раскроет меня. Ее палец нажимает на правую кнопку и на том конце слышится громкий шум и сквозь него раздается голос, который прерывается из-за помех, затем опять четко слышится: «Этого не было в плане». И затем телефон издает сигнал о том, что сообщение закончено.

— Какой план? Что за план? — говорим мы все втроем. Я играю с ними в гляделки. Сощурившись, они пристально смотрят на меня. Я стреляю в них безжалостным, холодным взглядом, в котором кроется сообщение «не смейте, бл*дь, водить меня за нос» и сосредотачиваю свое внимание на Саше.

— Это не мне. — Она качает головой. — Это сообщение не предназначалось мне.

Я смотрю на Харпер.

— Это был Ник?

Она кивает головой.

— Но... я не понимаю, о чем он говорит. Ничего из этого не имеет смысла. И даже не утруждайся спрашивать меня про план, который был у нас в прошлом году, потому что ни хрена мне неизвестно, я просто слепо доверилась брату.

Я верю ей. Поэтому даже не спрашиваю этого. Так, мне просто необходимо немного времени подумать. Мне нужны ответы на мои вопросы. Мне нужно раздобыть ответы и найти между всеми этими действиями связь.

— Так, — произносит Саша и опускает голову на столешницу. — Я очень устала. Ник, очевидно, не придет и не попытается нас убить. Поэтому в этом нет смысла. Давайте просто останемся тут. Я не хочу больше никуда ехать. Возможно, сообщение могло предназначаться Мерку, так? Я имею в виду, это же его дом. Это логично.

Харпер стреляет в меня взглядом.

— Твой друг работает на моего брата?

Я не отвечаю на вопрос, просто позволяю ему повиснуть между нами без ответа. Я быстро меняю тему и перевожу взгляд на Сашу.

— Я думал, ты беспокоилась о змеях внутри, Смурфетта.

Она зевает и уходит.

— Вы можете делать, что вашей душе угодно. Но Мерк, вроде как, мой приемный отец, поэтому, я тоже отчасти владею этим местом и сейчас собираюсь найти душ, чтобы немного привести себя в порядок. Затем я намерена немного вздремнуть.

Мы наблюдаем за тем, как она выходит из кухни, и после Харпер поворачивается ко мне.

— Эта девочка, как маятник. Ее каждый раз бросает в разном направлении. Я думала, что Мерк сам дьявол во плоти?

Я не знаю, что ответить на это, поэтому просто меняю тему разговора.

— Ты хочешь остаться?

Она улыбается мне развратной улыбочкой.

— А ты?

Моя улыбка такая широкая и радостная, что она начинает смеяться.

— Я хочу, — шепчу в ее шею, легко обдавая ее кожу теплым дыханием и притягивая ее ближе к моему твердому телу. — Нам необходимо просто отдохнуть некоторое время. Мы все время в движении с того момента, как познакомились, нам нужно немного отдохнуть и побыть в тишине и спокойствии.

Она извивается, чтобы высвободиться из моих объятий, и кладет мне на грудь свою ладонь.

— Но никакого секса.

— Что?! — я практически задыхаюсь, когда выплевываю это слово.

— Просто так не пойдет, Джеймс. У меня есть несколько личных вопросов к тебе. Вопросы, на которые я должна знать ответы, если мы хотим быть вместе. А если мы не хотим быть вместе, то тогда ничего из этого не уместно.

— Харпер, — произношу я ласково и мягко, беря ее за руку и переплетая наши пальцы. — Как мне еще тебе это объяснить? Ты же сама согласилась быть моей, когда я забрал твою девственность. Для меня это серьезно.

Она высвобождает свою руку из моей ладони, направляется в гостиную и присаживается на диван. Я сажусь рядом с ней, она кладет свою голову мне на колени.

— Все немного изменилось.

Я играю с ее золотистыми локонами, убеждаясь в том, что каждый раз легкими касаниями притрагиваюсь к ее шее, чтобы заставить ее вздрагивать всем телом.

— Что именно?

— Я имею в виду все, что сегодня произошло, Джеймс. Я убила мужчину. Ты признался в том, что убил всех остальных киллеров Организации. Станные, загадочные сообщения от моего брата. Кому предназначаются эти сообщения? Мне? Мне казалось, то, первое, было для меня, но оно было оставлено в твоём доме, и оно может быть от парня, которого я убила. Так может оно для тебя? — Она запрокидывает голову назад, чтобы видеть выражение моего лица. — Ты знаешь моего брата, Джеймс?

— Ну, как тебе сказать, да я не отрицаю, что знаком с ним. Я же видел его каждый год на твоём дне рождения. Поэтому, да, я его знаю. Но это утреннее сообщение точно не от него. Зачем ему похищать Сашу?!

— Но, мне кажется, самый разумный вопрос, который мы можем задать и получить ответ немедленно: на кого ты работаешь, Джеймс?

— Я же тебе уже говорил, что работаю только на себя. На кого работаешь ты? — возвращаю я вопрос ей.

— Ну, мне кажется, что я тоже работаю на себя. А Саша, как мне кажется, работает на того, с кем она. Так как нам узнать, на чьей мы стороне?

Я убираю пару прядок с ее лба.

— Доверяй мне. Я знаю, что для нас с тобой лучше. Если ты будешь мне доверять, все будет хорошо. — Я наклоняюсь и целую ее в кончик носа. — Ты и я, Харпер, мы в этом вместе, малышка. Я единственный, кому ты должна доверять. Неважно, что произойдет. Я тот, на кого ты должна всегда ориентироваться. Потому что, запомни, все, что я делаю сейчас, все это для тебя и меня. Не просто для тебя, не просто для меня. Это для НАС, вклад в наше будущее.

— Но, я даже не знаю тебя, Джеймс. Доверие необходимо заработать. А я не уверена, что ты заслужил моего доверия. Да, я признаю, что ты очень сексуальный. И я ужасно пристрастилась к сексу с тобой. Но в тот день, когда мы были под пирсом, ты сказал мне, что хочешь не только трахать меня, но и узнать меня. А сейчас, мне кажется, ты хреново продвинулся в этом. Пока все, на что ты готов, это просто заниматься со мной сексом. Если уж на то пошло, то ты не знаешь обо мне ничего, кроме тех однодневных поездок на день рождения. А я знаю о тебе и того меньше. Так что ты выбираешь? — Она присаживается и разворачивается, подбирая ноги под себя, чтобы наши глаза были на одном уровне. — Ты не можешь иметь и то и другое сразу. Или ты хочешь что-то быстрое и удобное, состоящее из секса и все. Или же ты хочешь чего-то более значимого и в итоге зарабатываешь мое доверие.

Она замолкает, а я все еще проигрываю ее слова в своей голове. Со стороны смотрится, будто я колеблюсь в своем решении, поэтому она делает попытку подняться. Но мой разум срабатывает быстрее, чем ее ноги успевают коснуться пола. Я притягиваю ее к своей груди.

— Что ты хочешь узнать обо мне? Я расскажу тебе все.

Она раздумывает в течение минуты, и я уже рисую себе в воображении ужасные вопросы, которыми она собирается меня пытаться:

«Что ты чувствовал, когда убил в первый раз?»

«Почему у них заняло столько времени, чтобы освободить тебя, когда ты был в плену?»

«Как ты думаешь, родители любят тебя?»

«Почему они не боролись, чтобы не дать Организации заполучить тебя?»

«Скучаешь ли ты по своему брату?»

«Что произошло с твоей сестрой?»

Я втягиваю воздух, судорожно пытаюсь понять, в каком направлении мне придется врать. Но это все необязательно. Потому что ее вопросы, наконец, озвучены. И все это выбрасывает меня из игры.

Глава 19

Харпер

— Какой самый лучший подарок, который ты когда-либо получал? — спрашиваю я его. — Когда ты был маленьким ребенком. Потому что самый лучший подарок, который тебе достался в твоей взрослой сознательной жизни, — несомненно, я.

Я хлопаю ресницами, давая ему понять, что не злюсь на него. Я не пытаюсь его оттолкнуть. Мне просто необходимо чуть больше деталей о нем и его жизни. Я хочу узнать больше о его работе. Больше о том, скольких людей и как он убил. Знать, какой он в действии. Я не хочу упускать ничего из его жизни. Я не знаю, люблю ли его на самом деле, но он мне очень нравится. Очень. И понимание того, что он был со мной на протяжении

все этого времен, уже значит для меня многое. Это делает его больше, чем просто обычным парнем, с которым я познакомилась. Он парень, который знает обо мне многое. Знает о моей семье. И, несмотря на это, он все равно хочет быть рядом со мной, быть со мной.

Ну, или же... он использует меня, чтобы добраться до Ника. Что тоже может быть правдой. И разговор — это хороший способ все разузнать.

А у меня серьезные проблемы с доверием. Я это прекрасно знаю. Но с другой стороны, подбираясь ближе — становясь более близкими — я, в любом случае, добьюсь желаемого. Он смотрит на меня с явным недоверием во взгляде, когда я думаю об этом всем. Вероятно, борьба, которая происходит во мне, отражается на моем лице.

— Ну... — он прочищает горло, а затем замолкает так надолго, что я решаю подхватить и начать первой рассказывать, чтобы ему было немного полегче.

— Давай я начну. Хорошо? — Я склоняю голову к плечу и улыбаюсь, пока он обдумывает, что сказать. Я вижу по его лицу, он раздумывает над тем: быть ли ему честным или же солгать мне. Если я хочу получить что-то от него, то мне необходимо первой сделать шаг. Именно так это работает, так ведь? Убийцы привыкли реагировать на какие-то действия.

Поэтому я ложусь к нему на колени и начинаю рассказывать.

— Мой самый лучший подарок был не тот дурацкий розовый блокнот Hello Kitty, который ты мне подарил. — Его грудь заполняется кислородом, когда он глубоко вдыхает, я в свою очередь прикусываю нижнюю губу, в попытке сдержать улыбку. — Моим лучшим подарком была рыбка от моего брата. — Джеймс проводит своими пальцами по моим волосам, расчесывая их, и это чувствуется настолько прекрасно, что мне хочется прикрыть глаза и простонать в ответ. Но не сейчас. — Он всегда дарил мне какие-нибудь милые пустяки, например, дополнительный фрукт на завтрак, камни или морские раковины. Некоторое время он дарил мне кукол из кокоса... — Я так сильно улыбаюсь от этих воспоминаний, что практически позволяю грусти обосноваться во мне и разрушить момент. Но я отталкиваю ее подальше и думаю о том, какой счастливой он меня делал. — Это тоже были потрясающие подарки. Каждый подарок от него был потрясающим. Он полностью убирал всю волокнистую оболочку кокоса, оставляя только там, где делал брови куклам. И затем вырезал на кокосе лица. Так у меня были мама, папа, брат и сестра, сделанные из кокосовых орехов. Идеальная и полная семья. — Вздых срывается с моих губ, прежде чем я успеваю подавить его, и Джеймс очерчивает подушечкой пальца мои губы по контуру. — Это были отличные подарки. Но самый лучший был рыбка-лев.

Я смотрю на Джеймса, он качает головой в ответ и мягко улыбается.

— Он поймал тебе рыбу-льва?

Я киваю.

— Да, он поймал. Я была просто одержима ими. Помнишь, в тот день, когда мне исполнилось шесть, а тебе присвоили шестой номер убийцы, я рассказывала тебе, что люблю трогать их. И это правда. Каждый раз, когда я плавала под водой с трубкой, и рыбка проплывала мимо меня, я быстро протягивала руку и пыталась потрогать ее.

— И они совсем не жалили тебя? — спрашивает Джеймс, смеясь. — Они же ужасно ядовитые.

— Я знаю. Они жалили меня примерно четыре или пять раз. Мой отец был так зол, что, в конце концов, запретил мне плавать под водой с трубкой.

— Это было до или после самого лучшего подарка от Ника?

— До.

— Так Ник подарил тебе запретный плод. И тебе позволили оставить ее у себя? На корабле?

Я киваю, когда вспоминаю.

— Ага. У нас был отличный небольшой искусственный пруд. Нам было уже по двенадцать. Достаточно взрослые, чтобы заботиться о нем самостоятельно. Он был большой. Естественно, у нас был парень на яхте, кто на самом деле следил за ним. Но на тот момент мы с Ником чувствовали себя ответственными за что-то. Также у нас еще был еще иглобрюх.

— Не может быть, вот это да! — смеется Джеймс. — Яд иглобрюхих рыб тоже моя визитная карточка.

— Да, да, у нас была такая, — восклицаю я, пытаюсь сесть и доказать ему, что все так и было. Но Джеймс принуждает меня вновь лечь к нему на колени, и мне очень удобно, чтобы сопротивляться его желанию. — Но затем произошло кое-что. Однажды, когда мы поднялись наверх, то обнаружили, что все наши рыбы были мертвы. О, боже мой. Я так рыдала из-за тех рыб. Никто не мог понять, что произошло. Мой отец был ужасно зол. Я не знаю точно почему, возможно, из-за того, что я плакала, как идиотка, дни напролет или же, потому что мы их держали там, где не полагается. Но после этого происшествия мы очистили пруд, а спустя пару недель оказались вблизи рифов, и Нику было разрешено поймать для меня новую рыбку.

— И он поймал тебе новую рыбу-льва.

— Он поймал ее для меня.

— Он любит тебя. Как мне кажется, — проговаривает Джеймс, легко отбрасывая волосы с моего лба.

— Я знаю это.

— Ты тоже дарила ему такие потрясающие подарки?

Я качаю головой, но внезапно в горле образуется комок от чувства горечи и печали. Я сглатываю его, и затем вновь в состоянии говорить, произношу:

— Я никогда не могла придумать ничего такого, что мог придумать он.

— Просто, мне кажется, Харпер, ты была для него особенным человеком, поэтому он дарил тебе такие вещи. Мне кажется, ему не нужно было никаких подарков, чтобы знать, как сильно ты его любишь.

— Да, — вздыхаю я. — Но мне бы хотелось, чтобы у него было что-то, что могло напоминать обо мне. Чувство, когда ты получаешь подарок от любимого человека. И все в этом подарке говорит, что ты особенный.

— Ну, — говорит Джеймс, вздыхая, — я не могу припомнить ни одного такого подарка, который бы значил что-то такое.

— Ты никогда не получал подарков?

— Нет, конечно же, получал. Машины. Поездки. И подобное дерьмо. То, что было у богатеньких детей. Но для меня это не подарки, это лишь вещи. А ты была избалованным ребенком, Харпер?

— Хмммм, — я думаю в течение секунды. — Ну, мне кажется, да. У меня была хорошая жизнь.

— Твой отец покупал тебе разные вещи вместо того, чтобы уделять внимание?

— Нет, Джеймс. Мы практически не получали бесполезных подарков. И мой отец едва

ли уделял нам время и свое внимание. Нас по большому счету игнорировали до момента званых ужинов или каких-то мероприятий. Но когда ты живешь на шестидесятиметровой яхте, и вся твоя жизнь состоит только из того, что ты плаваешь и бываешь на экзотических островах, которые похожи на рай, этого уже достаточно, чтобы сказать, что твоя жизнь была сказкой. И именно такой и была моя жизнь: пляжи, корабли, и море. И раз в год вечеринка — мой день рождения. — Я хочу подумать о каком-то отдельном дне рождения, но они странным образом все сливаются в одно. Потому что каждый год было все одно и то же: пляж, плавание, фейерверки. Они все слились в одно, за исключением одного особенно дня рождения. — Что ты подумал, когда впервые увидел меня?

Он втягивает в легкие воздух и затем выдыхает, я прикрываю глаза и опять вспоминаю тот день.

— Так, — говорит он. — В тот день, когда мы встретились на пляже, когда нам обоим «исполнилось шесть», я подумал, что ты выглядела, как морская нимфа. Ну, ты знаешь, которые поют, и потом люди теряют свой рассудок из-за этого. Как и я потерял от звука твоего голоса.

— Ох, ты такой лгун, — фыркаю я. Он засовывает ладонь мне подмышку, чтобы проверить боюсь ли я щекотки. И я боюсь ее, поэтому начинаю пищать, и затем его ладонь резко перемещается на мою грудь и находит твердую жемчужину соска. Он слегка щипает его, и я издаю стон.

— Ты хочешь знать, что я подумал о тебе тогда в Хантингтон-Бич?

Я поднимаю руку к своему животу и затем накрываю его ладонь своей. Я принуждаю его сжать мою грудь чуть сильнее и потом, используя его ладонь, массирую свою грудь.

— Ты знаешь, что своими действиями возбуждаешь меня, Рыба-лев?

— Скажи мне, о чем ты подумал, Джеймс? Я хочу знать.

Я прикрываю глаза, он проскальзывает своей рукой мне под футболку и стискивает указательным и большим пальцем мой сосок, и в этот раз материал футболки не мешает наслаждаться изысканной лаской.

— Это был мой первый день в Хантингтон-Бич. Моя квартира была расположена на Пасифик-Кост-Хайуэй. На мне были потертые Левисы, кеды и дорогие очки. Я был одет так же, как и всегда. И я только что закончил прогуливаться по пирсу. Дело шло к закату. В тот день было дождливо и облачно, поэтому никто из тех людей, которые находились на пляже, не обращал внимания на закат.

— Кроме меня, — добавляю я мягко.

— Да, кроме тебя, — отвечает он просто. — С самого начала я заметил твои великолепные волосы. В тот момент облака немного разошлись в стороны, и солнечные лучи осветили твое лицо таким образом, что твои глаза, вместо карих, показались мне золотисто-янтарными, а твои длинные волосы были словно яркий маяк в тот мрачный день. Твоя красота взывала ко мне, то же самое произошло со мной в тот день, когда мне присвоили номер Шесть. Когда я увидел тебя, то сразу узнал. Ты была той девушкой, которая дарила мне смысл жить на протяжении всех лет.

Я запрокинула голову вверх так, чтобы видеть его нахмуренное лицо.

— Потому что ты застрелил своего брата?

Он отводит взгляд и затем глубоко вздыхает, отчего мое тело немного приподнимается на его коленях.

— У меня не осталось больше никого, кого я бы мог любить, кроме тебя, Харпер. Мой

брат мертв, сестра, вероятно, тоже. Они забрали ее в первый год, когда я начал работать на Организацию, потому что моя мать загорелась идеей, чтобы моя сестренка стала чьим-нибудь обещанием. Было сложно расстраиваться из-за своей доли в жизни до этого. Я имею в виду, все это было predetermined. У меня никогда не было особого выбора в жизни, за меня все решили. Мне даже никогда не приходило в голову, что я могу быть против или же воспротивиться тому, что мою сестренку хотят отдать, как обещание какому-то мужчине. Поэтому она просто пропала и все. Но чуть позже, примерно пару лет спустя после того, как она исчезла, один из людей, которого мне было велено убить, сказал мне перед тем, как я спустил курок, что он клянется, что убил ее. Я взял с него слово, что он сделал это, знаешь почему? Потому что сама мысль, что моя сестра была похищена еще малышкой, чтобы быть отданной какому-то мудаку в качестве ребенка-невесты, была больше, чем я мог принять.

— Боже, мне жаль. Они также не рассказывали и мне про замужество, пока я росла и не достигла возврата шестнадцати лет. И затем они выложили мне все.

— Но ведь твой брат позаботился, чтобы этого не произошло. Ну, хотя, скорее, не так. — Джеймс замолкает, чтобы немного изменить сказанное. — Ты сама позаботилась о себе, чтобы этого не произошло. И, несмотря на это, мрачный закат в тот день выглядел, как конец всем плохим вещам, что происходили в моей жизни. Это именно то, что я сказал себе. И в тот день я, наконец, решился спросить твое имя. Я хотел, чтобы оно стало рассветом, вместо сумерек. Я не хотел. Чтобы оно стало концом, я хотел, чтобы оно стало началом.

Я представляю его на пляже, охваченного печалью и мрачным настроением.

— Мне было тоже очень одиноко. Я так скучала по своему брату, что постоянно испытывала боль в груди. Я так сильно сжимала баночку с таблетками по вечерам, что на следующий день у меня саднило ладони от этого.

— Но ты никогда не принимала их. Я пересчитывал их каждую ночь.

Что?! Внезапно я обратно прихожу в себя и мне нужно больше вопросов о том, почему он тщательно присматривал за мной.

— Кто тебя послал на пляж?

— Твой отец.

— Так он наблюдал за мной.

— Скорее всего.

— Ты наблюдай за мной для него?

— Мне кажется, он так хотел. Но это была не работа, я не работал на тот момент. Я был, можно сказать, в принудительном «отпуске». Я никогда и ничего ему не докладывал. Ни одна вещь, что я видел и сделал на пляже, не была доложена или передана.

Я молчу на протяжении долгого времени. Минуты медленно проходят и единственная вещь, которую я ощущаю то, как Джеймс подразнивает мои соски. Время от времени он слегка сжимает их, и привычное желание ощущается между ног, заставляя меня извиваться.

— Ты хочешь, чтобы я продолжал? — наконец, он спрашивает меня.

— Хочу ли я услышать остальную часть?

— Я не уверен, если честно.

— А ты хочешь рассказать мне остальную часть истории?

— Да. Я хотел сказать тебе все эти вещи с того момента, как мы оказались под пирсом.

Я запрокидываю голову, чтобы я могла лучше видеть его и киваю ему.

— Хорошо, тогда рассказывай.

— Я последовал за тобой после заката. Проник ночью в твою квартиру. И после того

раза проникал в нее каждую ночь. Я наблюдал за тобой... — И когда он говорит последнюю часть, его рука проскальзывает в мои шорты и устремляется к моей киске, чтобы прикоснуться к ней.

— Ты прикасался ко мне? — спрашиваю я, и мое дыхание ускоряется, когда его пальцы начинают скользить по моим влажным складочкам.

— Да, я прикасался к тебе.

— Где ты трогал меня? — я проскальзываю рукой в свои шорты и начинаю ласкать свой клитор, медленно кружа по нему пальцами. — Здесь?

— Нет, — говорит Джеймс мягко. Он вытаскивает руку из моих шорт и прикасается к моей губе. — Здесь. — Подушечка его пальца скользит по контуру моих губ, как он делал это ранее. Но на этот раз его пальцы влажные от моего желания.

— Я брала твои пальцы в рот?

— Я бы хотел этого, — он смеется, — но — нет. Я боялся разбудить тебя, поэтому это было едва уловимое прикосновение.

— Я хоть раз стонала?

— Да. И это сводило меня с ума.

— Ты хотел меня трахнуть?

Он проскальзывает рукой обратно в мои шорты и наклоняется к моему уху, чтобы прошептать.

— Я мечтал о том, чтобы я мог трахать тебя. Каждую ночь.

— Ты мастурбировал, когда я спала?

— Да, — шепчет он.

— Покажи мне это, — шепчу я в ответ.

Он резко выдыхает, пристально смотря на меня.

— Сядь на колени, — приказывает он мне.

Я поднимаюсь на ноги, мое сердце начинает стучать быстрее только от мысли, что я буду наблюдать за ним.

— Сними свою футболку.

Я хватаю край футболки и стягиваю ее через голову, когда он расстегивает свои джинсы. Его член настолько твердый, что выпрыгивает джинсов, как только материал опускается по бедрам.

— Сними свои шорты.

Я подчиняюсь, расстегиваю их и позволяю опуститься по моим ногам.

Он резким движением стягивает футболку и подходит ко мне, опуская джинсы до самых лодыжек, перед тем присесть на диван.

— Опустись на колени и положи свою голову сюда, — говорит он, хлопая ладонью по своему бедру. Я ни на минуту не перестаю смотреть ему в глаза, когда опускаюсь на колени и кладу голову к нему на бедро, мои ладони автоматически начинают поглаживать его мускулистую голень. Его великолепный член находится в паре сантиметров от моего лица, и мне хочется взять его в рот настолько сильно, что мое тело практически подрагивает.

Но затем он стискивает свой возбужденный ствол огромной ладонью и начинает поглаживать его. Я жадно наблюдаю за тем, как он становится все больше и больше, и это одновременно пугает и возбуждает меня, когда я думаю о том, что он окажется внутри меня. После того как поглаживает свой член еще пару раз, он прекращает соблазнительные движения.

— Сделай его влажным для меня.

Я удивленно приподнимаю брови.

— Возьми в рот и пососи.

Хорошо, пососать, я могу сделать это. С большим удовольствием. Я устремляюсь вперед и прикасаюсь кончиком языка к эрегированной головке, захватывая языком крошечную капельку удовольствия, что уже образовалась там.

— Детка, давай глубже, — издает Джеймс стон.

Я открываю рот шире, чтобы взять его член чуть глубже, и затем его ладонь оказывается на моей голове, проталкивая член еще глубже в мое горло. Я расслабляю мышцы горла, дышу через нос, как он мне говорил делать, когда мы занимались этим в последний раз.

— О боже, хорошая девочка. Какая ты умница.

Его давление усиливается, в то время как слова, которые срываются с его губ, становятся все громче, я начинаю задыхаться. Но он не отпускает мою голову, и мой рот наполняется вязкой слюной. Спустя еще пару секунд, он сжимает в кулаке мои волосы и тянет голову назад.

— Сделай мой член влажным, детка.

Я позволяю слюне, что скопилась у меня во рту, течь по подбородку и затем вязкими нитками стекать на его член, скользя вниз на его яйца.

— А теперь положи свою голову мне на бедро, Харпер. Расслабься и наблюдай.

Я расслабляюсь. Его огромный член покрыт моей вязкой слюной, и он неспешно, сжимая в кулаке, поглаживает его. Он стискивает свой напряженный член достаточно крепко, потому что когда достигает массивной головки, из его горла вырывается гортанный стон. Я поднимаю взгляд на него, и он смотрит на меня, не сводя своих глаз.

— Я иногда мастурбировал перед тобой.

— Ты хотел засунуть свой член мне рот?

— Нет, — говорит он немедленно, и я смотрю на него удивленным взглядом. — Нет, я всегда больше фантазировал о том, что ты просыпаешься и потом начинаешь ласкать пальцами свою киску, а затем мы вместе мастурбуем напротив друг друга, кончая одновременно.

— А что потом? — я развожу свои ноги в стороны и проскальзываю пальцем между влажных складок, убеждаясь, что моя голова все еще лежит на его бедре. Он не сводит своего взгляда с меня, а я с него.

— И затем я целую тебя и говорю тебе, что это был всего лишь сон. И ты покорно прикрываешь глаза и засыпаешь вновь.

— И ты не хотел трахнуть меня?

— Черт, — смеется он, поглаживая свой большой пульсирующий от желания член. — Да, Харпер. Я хотел тебя трахнуть. Но не так. Совсем не так.

— Ты такой странный.

— Это еще почему?

Он протягивает другую руку и поглаживает мою грудь, поочередно перекатывая между пальцами мои соски в течение нескольких мгновений.

— Я просто не могу понять тебя. Ты вроде хочешь меня, но одновременно с этим ощущаешь вину за то, что желаешь. Это из-за того, что я была твоим обещанием? Или из-за моего возраста? Тебе противна мысль, что я такая молодая, не так ли?

— Господи Иисусе, нет же, глупая. Только одна мысль о том, что ты моложе меня, что у

тебя подтянутое тело, заставляет меня лишь сильнее хотеть трахнуть тебя.

— Тогда скажи мне, чего ты хочешь Джеймс, что я не даю тебе? — Он ждет пару секунд и это заставляет меня нервничать настолько, что мне хочется закричать на него. — Просто скажи мне, — наконец умоляю я. — Просто скажи мне, чего ты хочешь. Я готова сделать почти все.

Глава 20

Джеймс

— Доверяй мне, — говорю я ей, когда поднимаю ее вверх и принуждаю оседлать мои бедра. — Именно так. Понимаешь, я чувствую себя, словно я неоднократно облажался на протяжении всего моего жизненного пути, и сейчас я не могу понять, как все это исправить. Ты думаешь, что я хочу убить тебя и твоего брата. А я в ответ тебе неустанно твержу, что это не так.

Я аккуратно прикасаюсь пальцами к ее губам, и она приоткрывает рот, чтобы втянуть их в свой рот. И, бл*дь, святая мать божья, все, о чем я могу сейчас думать, как опять засунуть свой член ей в рот.

— Детка, дай мне закончить то, что я хочу сказать, пока это предательское тело не возоблагодало над разумными мыслями. — Она тихо хихикает, как будто я шучу с ней. И меня выводит из себя, что она не слушает то, что я хочу ей сказать. Поэтому я хватаю ее лицо ладонью и слегка сжимаю щеки пальцами, возможно, даже чересчур жестко. — Слушай меня, Харпер. Слушай внимательно. Ты не моя работа. Но у меня здесь есть работа.

На этот раз она слушает более внимательно.

— Кто?

— Детка, моя работа не заключается в конкретном человеке. Это просто работа. Ты должна мне доверять. Все, что я делал с того самого момента, как за мной закрепили мой номер, понимал я это или нет, делал исключительно ради тебя. Все для того, когда мы будем вместе. Для нашего будущего, чтобы мы не были никому и ничего должны, особенно Организации. Поэтому независимо от того, что происходит, ты должна знать это. Все, что я делаю — только ради тебя. И твоей безопасности.

— Ты собираешься сделать что-то ужасное, не так ли?

Я слегка поднимаю руки вверх и закатываю глаза, словно нетерпеливый подросток.

— Харп, я убийца. Ты прекрасно знаешь, что я делаю. Я очень хотел бы сказать тебе, что не делаю плохих вещей, но я не могу. Я хотел бы сказать тебе, что я хороший парень и был всегда таким. Но я не такой. Я никогда не делал добрых дел в своей жизни. Нет, на самом деле, я имею в виду не просто так, потому что если помогаю кому-то, значит, делаю это, чтобы получить чье-то расположение или же, чтобы вернуть долг. Но все, что я хочу — это мы, — добавляю я спешно. — Я хочу нас больше, чем что-либо во всем мире. В ту самую гребаную минуту, как увидел тебя на пляже, когда ты смотрела этот долбанный уродливый закат, все, о чем я мог думать — это мы. И да, то, как ты потираешься своей влажной киской о мой член входит в понятие «мы». Но это только часть, Харп. Секс — это не все, что я хочу от тебя. Мне недостаточно только секса.

— Ты хочешь... семью, брак и детей? — спрашивает она, смотря на меня задумчивым взглядом.

— А ты разве не хочешь? Ты не хочешь от меня детей?

Она отрицательно качает головой.

— Нет, я не хочу, чтобы наших сыновей превратили в солдат-убийц, а дочерей в трофейных жен. И я не хочу выходить замуж за старика, который хочет от меня только секса.

— Я тебе уже не раз говорил, что хочу больше, чем просто секс, между нами. И кстати, двадцать восемь это еще не столько много, я не старик.

— Джеймс, сколько мне придется тебе еще объяснять? Ты не мое обещание. Я уверена, что мой отец просто-напросто использует тебя, обещая меня, чтобы ты выполнял всю грязную работу для него.

— И это работает.

Это, бл*дь, и правда, работает. Этот говнюк может попросить меня прямо сейчас о чем угодно, и я сделаю это, не задумываясь, если это будет означать, что Харпер останется со мной.

— Я хочу, чтобы ты остановился. Не хочу, чтобы ты играл в эти игры, Джеймс. Просто давай убежим вместе. Мы можем убежать куда угодно. В большой город, где никто не обращает друг на друга внимания. Мы можем все начать сначала и забыть об Организации.

— Господи, Харпер, — я смотрю на нее боковым зрением, — ты не можешь быть такой наивной. Дочь Адмирала и последний оставшийся из десяти существующих наемников убийца. Если когда-нибудь и была пара, которая только одним своим существованием раздражала всех и вся членов Организации, вызывая в них желание, расквитаться с ними, то это, несомненно, мы. Мы будем только одним своим существованием провоцировать их на то, чтобы нас убили.

— Пусть попытаются... давай, дадим им попытку поймать нас. Давай, позволим им убить Харпер и Джеймса, а затем заживем как другие люди. Возьмем себе новые личности, станем другими людьми.

— Ты хочешь фальсифицировать наши собственные смерти? — я смеюсь. — Это никогда не сработает. Они не такие глупые, Харп. У них бесконечное число ресурсов, в их распоряжении спутниковая система наблюдения, они владеют даже городами. Представь, гребаными городами! Если мы будем настолько глупыми, чтобы все-таки сбежать, то нас будут выслеживать как собак, на нас начнут настоящую охоту, и затем позаботятся о том, чтобы мы больше не смогли раскрыть свои рты. И во главе всего будет стоять твой отец.

— Так это все безнадежно?

На ее лице воцаряется печальное выражение, и внезапно я чувствую нахлынувшую усталость от этого разговора. Я поднимаюсь, сжимаю ее попку двумя руками, чтобы ее тело прижималось как можно ближе к моему, затем пересекаю комнату и направляюсь по коридору в комнату, которая расположена рядом с кухней. Как мне кажется там спальня. Когда я иду в сторону комнаты, то Харпер устало кладет свою голову мне на плечо. Спустя пару мгновений я останавливаюсь у двери.

— Открой ее, — говорю я ей.

Она слегка отклоняется назад, заставляя свою киску потираться о кубики моего пресса. Дверь открывается и перед нами предстает хозяйская спальня. Я подхожу вместе с ней в моих руках к кровати и бережно опускаю ее на мягкую постель, затем присаживаюсь ей на бедра, когда ее тело устраивается поудобнее на мягком пуховом одеяле.

— Ничего не безнадежно, Харп. Но это запретная территория для тебя. Ты не несешь ответственность за построение нашего будущего, только лишь на мне лежит эта

ответственность.

— Но что если тебе понадобится помощь? Мне не позволено тебе помогать?

— Нет, даже не говори об этом. И сегодня мы еще не успели обсудить ту ситуацию, что произошла утром, которая связана с этим...

Черт, как бы мне помягче назвать то, что произошло этим утром.

— Убийством? — она завершает предложение этим словом, в то время как я старался сделать все возможное, чтобы избежать его.

Я немного опускаюсь вниз, пока мой член не располагается у ее лона, слегка касаясь твердого клитора. Она пытается раздвинуть ноги, но мои колени удерживают их вместе. Она хнычет, когда я скольжу головкой члена по ее складкам. Ее складочки такие влажные, что у меня не будет проблем просто проскользнуть в ее тело.

Бл*дь, она ощущается так чертовски хорошо.

Я постепенно ослабляю свою хватку, заставляя ее задыхаться и издавать крохотные стоны, которые вырываются между ее идеальных губ.

— Харпер, — говорю я, заключая ее лицо снова в ладони. — Посмотри на меня, Харпер. Она приоткрывает глаза, но когда я толкаюсь еще раз, они закрываются сами собой.

— Если я велю тебе оставаться на месте и никуда не уходить, что ты будешь делать?

— Я останусь там, где должна быть, — говорит она покорно.

Но мне кажется, что она говорит не то, что думает. Черт, она выглядит так, будто кончит в любую минуту. Она хитрит. И старается достигнуть оргазма. Но мне нужно донести до ее сознания то, что я думаю.

— Скажи мне почему?

— Что?! — Она открывает глаза, потому что я прекращаю двигаться внутри нее. — Господи, Джеймс, я слушаю, хорошо?

— Нет, этого не достаточно. Скажи мне, почему ты сделаешь так.

— Потому что ты так сказал.

Я отрицательно качаю головой.

— Неправильный ответ. Если я говорю тебе делать что-то, и ты это делаешь, то причина твоего подчинения мне — доверие. Ты понимаешь?

— Я доверяю тебе.

— Почему ты доверяешь мне?

— Джеймс....

Я наклоняюсь и нежно оставляю поцелуй на ее губах:

— Скажи мне почему? — шепчу я ей в рот. — Скажи мне, Рыба-лев. Почему ты мне доверяешь? — Мои бедра толкаются, заставляя член погружаться все глубже в ее жар. Она дублирует мои движения своими бедрами, издает стон, когда ее тело принимает глубокие толчки. Когда я отстраняюсь, она стонет, подаваясь бедрами навстречу ко мне, умоляя о большем.

— Ты доверяешь мне, потому что я люблю тебя. И тебе это известно.

Она открывает глаза и улыбается мне

— Теперь ты понимаешь, Харпер? Ты доверяешь мне, потому что я бы никогда не посмел... — я сжимаю ее лицо в своих ладонях сильнее, в то время как мои фрикции в ее теле становятся чуть медленнее, — причинить тебе боль. Ты понимаешь это? И если я скажу тебе пройти сквозь пламя, так это только потому, что ты огнестойкая. Если я скажу тебе, что ты должна не уклоняться от пули, а принять ее, то это только потому, что ты

пуленепробиваемая. Если я скажу, чтобы ты ушла от меня, это только потому, что я вернусь за тобой. Неважно, что я попрошу тебя сделать, ты сделаешь это и будешь в безопасности, потому что я так сказал... потому что я тебя люблю. Потому что ты веришь в мою любовь.

Я смотрю на нее внимательно, и она на мгновение вглядывается в мои глаза, но затем я ускоряю темп, и нежное занятие любовью переходит во что-то более неистовое. Я могу чувствовать, как ее тело извивается подо мной, и, несмотря на то, что секс у нас был всего пару раз, это определенный знак.

— Ты будешь подчиняться мои приказам, маленькая амазонка, — говорю я ей, освобождая ее ноги, что были зажаты между моими коленями. Я закидываю ее ноги на мои плечи и жестко толкаюсь в ее лоно. Она задыхается и стонет с каждым моим проникновением в ее тело.

— Да, сэр, так точно, сэр. Да, да, сэр.

Она кончает подо мной, продолжая говорить что-то похожее на: «Да, сэр, так точно, сэр, я ваша».

И это все, что необходимо моему члену. Я кончаю в ее тело, изливая свое семя в ее лоно, надеясь на чудо, что мы создадим новую жизнь. Создадим что-то большее, чем просто я, что-то больше, чем просто она. Мы создадим нас. В данный момент я ощущаю весь калейдоскоп чувств, которые означают слово любовь. На меня обрушиваются сентиментальные эмоции. Одновременно это и обещание, и мой окончательный вывод касательно нашей ситуации. Песнь наших бесконечных стонов удовольствия смывает всю кровь, что была на моих руках в течение многих лет, все мои заказы на убийства, и все мои многочисленные грехи. Этот момент очищает меня, что было неподвластно на протяжении долгого времени в жаркой пустыне и удушливой жаре. Это мгновение не иссушает меня, а наоборот, оно наполняет меня жизнью.

Если смерть — это сделка, то любовь — это непорочное обещание большего, лучшего, более прекрасного.

— Ты наполняешь меня, — я рычу, когда прикусываю и втягиваю в рот нежную кожу на ее шее, до того момента пока ее спина не изгибается, и ногти впиваются в мою спину. — Ты наполняешь меня и заставляешь осознавать....

— Осознавать что? — спрашивает она, задыхаясь, когда я не заканчиваю предложение. Наши сердца все еще продолжают стучать в унисон, подпитывая друг друга, словно насыщая наши вены необходимой жизненной энергией. Вдыхая в нас обратно жизнь. Унося нас от прошлого навстречу к будущему.

Я даже не знаю, как выразить то, что я пытаюсь сейчас сказать, но слова льются из моего рта, словно вода.

— Ты забрала всю непроглядную пустоту, которая таилась внутри меня, Харпер. Ты стерла годы безразличия и отсутствия полного контроля над моим разумом и прямо сейчас... — я беру в ладони ее лицо, — прямо сейчас, это самое настоящее, что я чувствовал за последние пять лет. Возможно, даже больше, чем за последние пять лет. Это ощущается, как что-то совершенно новое. Что-то отличное от моего ощущения, кем я являюсь и кем мог бы быть. Ощущается, как самая настоящая надежда, малышка.

Она смотрит на меня, на ее лице воцаряется серьезное выражение, ее глаза пристально наблюдают за мной, брови слегка нахмурены.

— Я боюсь надежды, Джеймс. Я боюсь этого, потому что мне кажется, что надежда — это не что иное, как ловушка. Надежда заставляет тебя желать вещи, которые могут не

произойти. Надежда разбивает нам сердца.

— Харпер, это совершенно не тот вид надежды. Он никак не связан с удачей. Он совершенно не зависит от обстоятельств или же судьбы, и тем более, никак не связан ни с какими совпадениями. Это относится к построению чего-то с самых основ. Слой за слоем секретов и долгов. Уровень за уровнем тонкого расчета о очевидного завершения.

Она цокает языком, поскольку я обрушиваюсь на нее, и затем старательно пытается оттолкнуть мое тело, пока я не перекатываюсь в сторону и не заключаю ее в свои объятия.

— Все эти слова совершенно бессмысленны, до того момента, пока я не узнаю, что ты собираешься сделать. А ты, в свою очередь, не говоришь мне ничего определенного. И ты прекрасно знаешь, что я не предохраняюсь, ведь так?

Мои веки ощущаются тяжелыми от идеальной смеси усталости и удовлетворения.

— Господи, женщина. Ты не услышала ни слова из того, что я тебе сказал. Просто доверься мне уже.

Я прижимаюсь к ней и целую ее, на этот раз глубоко с языком, мы неспешно обмениваемся нашим дыханием, словно изголодавшиеся по ласке любовники.

Я выяснил все, что мне нужно. Я полностью истощен. Но перед тем как мы засыпаем, я чувствую нежное прикосновение, когда она убирает прядь растрепанных волос с моего лба. Затем она прижимается своими потрясающими губами к моему уху и когда шепчет:

— Я доверяю тебе, номер Шесть. Но тебе необходимо тоже доверять мне.

Глава 21

Джеймс

— ...ты должен мне тоже доверять, — шепчет она. Я не могу ничего ответить. Я совершенно ничего не могу ответить, ну и, кроме того, мы слишком измотаны, чтобы сейчас говорить об этом.

В доме все также царит прохлада, как раз располагающая к тому, чтобы прижать ее крепко ко мне, положить ее голову на мою грудь и просто наслаждаться моментом. Все может быстро измениться, особенно с моей работой, поэтому момент, который у меня есть сейчас, означает многое.

Она заснула до того, как уснул я, поэтому я просто лежу, накручивая ее длинные шелковистые волосы себе на пальцы. Для парня, у которого нет никаких границ, нет никаких правил и надзора, я работал на Организацию очень хорошо с тех пор, как получил свой номер. Мой секрет прост, я делаю то, что мне говорят. Я принимаю заказ и выполняю условия контракта. Смерть — моя работа. Даже, несмотря на то, что большинство людей, которые получали от меня мой собственный вид правосудия, были подонками, и у меня нет по этому поводу никаких сожалений — черт, даже ни в малейшей степени — ни одно из тех убийств не было совершено по личным причинам.

Смерть — это всего лишь работа.

Контракты — это всего лишь коммерческие сделки.

И мне всегда была по душе моя работа. Но сейчас я невыносимо устал от нее. Я устал от убийств. Устал летать в места, о которых мне совершенно ничего неизвестно, кроме того, что там находится моя цель. Я устал от необходимости постоянно быть вежливым с местными жителями и иногда даже с моей целью, чтобы добыть информацию, прежде чем

все уничтожить. Выражаюсь фигурально, конечно. Я не часто уничтожаю целые поселения.

Но иногда приходится.

Я устал заводить друзей, располагать к себе людей, чтобы они мне доверяли, и затем наносить удар в спину. Как много печальных, разочарованных взглядов мне пришлось увидеть за эти годы? Слишком много, чтобы считать их.

Но Тет, внутренний наставник и голос Джеймса, напоминает мне: они что, тебя преследовали? Они что, предъявляли тебе претензии? А тебе вообще есть до них хоть какое-то дело?

Нет.

Никакого.

Меня должны были преследовать мертвецы или хотя бы меня должно немного мучить неверие в собственные силы по поводу того, делаю ли я это для общего блага. Но меня не терзают никакие сомнения. И не потому, что я в это твердо верю. Нет, я, в принципе, ни во что не верю. Организация может проповедовать мне любую истину, какую они хотят. Я кивну в ответ и отвечу: «да, сэр» им в лицо, но во мне есть встроенный бульдозер и его единственная работа состоит в том, чтобы убирать ненужное дерьмо, которым они меня пичкают, и оставлять сознание чистым и ясным.

Это потому что я не такой, как Тони, я был правильно натренирован стать убийцей. Я мог бы прямо сейчас сбросить с себя свое разделение личности, но именно оно помогло мне многое пережить.

А почему собственно я должен ощущать раскаяние? Разве кассир чувствует раскаяние за то, что берет с людей деньги в обмен на товар? Это его работа.

Харпер издает сладкий стон и отстраняется от меня. Жар, исходящий от наших тел, просто невыносим, даже, несмотря на то, что толстые глиняные стены создают вполне комфортную температуру. Я даю ей место. Она заслуживает хорошо отдохнуть. Это был довольно длинный долбанутый день, и он еще не закончился.

Я поднимаюсь и направляюсь принять душ, который находится в смежной со спальней комнате. Дом Мерка не такой уж и плохой. И даже несмотря на то, что снаружи этот дом имеет образ старинной тюрьмы, внутри довольно чисто, прохладно и современно. Я не знаю, сколько именно времени он проводит здесь, но это место похоже на большее, чем просто обычный крошечный домик. Мерк не станет тревожить нас и прерывать наш визит сюда. У него по горло своей собственной работы.

Видно невооруженным взглядом, что этого места касалась женская рука, что говорит мне о том, что, скорее всего, тут была женщина, возможно, даже жила с ним тут некоторое время, но я знаю абсолютно точно, что у нет никакой гребаной женщины, которая бы называла это место домом. У Мерка... если можно так сказать, достаточно пестрое прошлое, когда дело доходит до того, чтобы сохранить своим подружкам жизнь. Я не говорю, что он их убивает. Я просто говорю, что они часто внезапно умирают. Он сам признался мне в этом, когда мы познакомились. Я быстро замаял и оставил эту тему, и он сам никогда больше ее не поднимал. Но у меня не сложилось впечатления, что он избегал этой темы, нет, скорее всего, это можно описать, как потерю интереса.

Саша наполовину права в отношении Мерка. Он совершенно точно не является порядочным человеком, чтобы суметь позаботиться о ней. Но ведь ей мог достаться и более хреновый наставник. К примеру, ей мог достаться в опекуны я. Насколько бы ни был плох Мерк, я намного хуже. Я бы не позволил ей отправиться одной в дикую степь Колорадо, нет,

не по каким-то бескорыстным причинам. Я бы заставил ее маленькую задницу работать. Она, конечно, не дотягивает до уровня профессионала, даже не близка к нему. Но она способная. И это делает ее ценным кадром.

Если ей, конечно, можно доверять. Я не думаю, что это возможно.

Я мою свои волосы достаточно быстро, и когда заканчиваю принимать душ, то не оборачиваю вокруг бедер полотенце, а натягиваю свои грязные джинсы. Я даже не представляю, догадалась ли Харпер положить мне чистые вещи, но не собираюсь выходить наружу и искать их в «Хаммере». Я хожу без футболки, так как здесь довольно тепло, и выхожу из комнаты на поиски кондиционера.

Я нахожу современный термостат в гостиной комнате, которая расположена рядом с кухней, немного понижаю температуру и направляюсь на кухню, чтобы проверить есть ли у него тут запасы еды. Черт, а с такой кухней, что у него, он должен обязательно готовить что-то, потому что шестиконфорочная плита и раздвижной холодильник говорят мне о том, что он определенно умеет пользоваться сковородкой.

В холодильнике в наличии богатый выбор воды в бутылках, апельсинового сока, две бутылки вина, шесть бутылок пива, все разных марок, и кое-какие приправы.

С его стороны было очень внимательно оставить нам напитки.

Я улыбаюсь, беря бутылку пива, выуживаю новый телефон из кармана джинсов и включаю, чтобы прослушать сообщение еще раз:

«Этого не было в плане».

Ничего из этого всего не входило в план, как я могу сказать, потому что если бы входило, я бы не получил гребаное сообщение. Я виню во всем временную потерю памяти. Нажимаю на клавиатуру и набираю номер своего секретаря. Она берет после второго гудка.

— Адвокатская контора «Послоу, Послоу и Твифтер». Это Джанет, чем могу быть полезна?

— Джанет, говорит старший Послоу. Для меня есть какие-нибудь сообщения?

— Да, сэр, утром вам звонил мистер Твифтер. Он не оставил никакого сообщения, просто хотел узнать выходили ли вы на связь. И так же вам звонил младший Послоу. Он оставил номер.

— Давай его.

Я нажимаю ввод номера на клавиатуре, когда она начинает говорить, затем я говорю ей вежливо: «Спасибо», и нажимаю «отбой», чтобы нажать на вызов вновь. Я пронзительно выдыхаю, когда слушаю гудки.

Мерк поднимает трубку тоже на втором гудке. Я чертовски люблю постоянство.

— Бл*дь, долбаный боже, где тебя носило?

— Был в дороге. Ты что думаешь, умник, у меня есть такие тайные временные тоннели, в которые я могу нырять и появляться в том месте, где мне нужно?

— Ага, шутник. Твифтер недоволен, ты, придурок.

— Твифтер вообще может поцеловать меня в задницу. Ни к чему, что произошло этим утром, я не имею никакого отношения. Но как бы то ни было, мы тут. Кстати, чувак, спасибо за пиво.

Я делаю длинный глоток и выдыхаю:

— Аххх, — стараюсь разозлить Мерка, но вижу Смурфетту, наблюдающую за мной из камеры на террасе. — Перезвоню тебе позже, — говорю я торопливо и затем нажимаю «отбой». — Какого хрена ты здесь делаешь?

— С кем ты трепался? — огрызается она в ответ.

— С Мерком. — Я поднимаю свое пиво и делаю вид, что приветствую ее.

— Очевидно, что сейчас с Мерком. Перед Мерком, с кем, черт возьми, ты разговаривал?

— С моим секретарем. — Она впивается в меня взглядом и затем проходит через дверь камеры на верхнем этаже. Эта маленькая мерзавка спала в камере. Вот ненормальная. — А что такое? — спрашиваю ее. — У тебя есть какая-то проблема с тем, что я звоню по телефону?

Она подходит к ступенькам и останавливается на самой верхней. Она потная и покрасневшая от жары, и ее волосы все еще влажные от недавно принятого душа. Ее царапины от колючек, которые были получены при попытке выкрасть ее, все еще на ее теле, но сейчас высохшая кровь хорошо смыта, и раны не смотрятся настолько плохо. Она выглядит лучше и хуже одновременно. Она выглядит будто не в себе.

— Когда ты звонишь своему партнеру по телефону, который предположительно не безопасен, и на котором оставлено странное сообщение, что ты пытаешься спихнуть на меня, тогда — да. У меня чертовски огромные проблемы, с твоими телефонными звонками.

— Следи за своими выражениями, когда ты находишься рядом со мной. Или выбью из тебя всю эту дурь.

Она тянется к себе за спину, вытаскивает пистолет и направляет его на меня.

— А так лучше?

— Тебе лучше застрелить, бл*дь, меня прямо сейчас, потому что если ты этого не сделаешь, я убью тебя только за то, что ты направила на меня свою пушку.

Она пересматривает свою цель и направляет свою пушку в точку, которая находится чуть выше моей головы. Смурфетта довольно умная.

— С кем ты разговаривал?

Я пристально вглядываюсь в диаметр внутреннего цилиндра пистолета и оцениваю его на глаз. Примерно сороковой.

— Ты уверена, что можешь пользоваться этой штукой? У него приличная отдача. И если ты промажешь, то я определенно нет.

— Я не промажу. Я стреляю с Глока⁸ уже в течение некоторого времени. Поэтому я с радостью воспользуюсь выпавшей мне возможностью. А теперь, отвечай, с кем ты разговаривал.

— Я же уже тебе сказал. Я звонил своему секретарю, проверял поступившие звонки. И перезвонил Мерку.

— Все ясно, ты выходил на связь. Кто руководит этой операцией?

— Я думал, ты знаешь.

Она думает над моими словами некоторое время, делает для себя некоторые выводы, прежде чем ответить мне.

— Я знаю, на кого работаю я. И я прекрасно знаю, кто послал тебя, чтобы ты забрал меня. И я не думаю, что мы все еще на одной стороне.

— Тогда это плохо, — говорю я ей, пожимая плечами. — Ты только начала нравиться мне. Я начал верить, что мне не придется убивать тебя.

— Забавно, — произнесла она холодно, отчего мурашки покрывают мои руки. — Я думала также.

Мой смех отражается от потолка, и мне становится очень забавно от всей этой ситуации.

— Похоже, мы в тупике.

Она остается молчаливой, но ее взгляд не покидает меня.

— Давай заключим сделку, раз на то пошло.

— Я не заключаю сделок с террористами.

Еще один приступ смеха вырывается из меня.

— Девочка, даже американское правительство в наши дни заключает сделки с террористами, поэтому попридержи коней и послушай.

Она делает знак рукой, словно мне нужно особое приглашение, чтобы начать говорить. Я игнорирую ее напускную браваду и начинаю осторожно, словно пробираюсь по минному полю:

— У тебя есть какая-то цель? Или ты просто разведываешь?

— Тогда ради чего бы я тебе это все говорила? — огрызается она. — Я, наверное, кажусь тебе идиоткой. Ты, наверное, думаешь, что я недоразумение. И это нормально. Потому что мне нравится, когда меня недооценивают. Потому что если бы те парни на ранчо моих бабушки и дедушки оценили бы меня должным образом, я была бы уже мертва, не так ли? Ни в чем себе не отказывай, Тет. Тебе придется очень постараться. Но я выросла среди самых отпетых мерзавцев, которых ты себе только можешь представить. И я прекрасно могу отличить добро от истинного зла. В мои девять лет мне потребовалось всего тридцать секунд, во время того, когда тебе отец показывал пушки в Бойсе, чтобы понять, что у тебя никогда не было шансов на победу. Ты... очень плохой парень.

Мои кулаки сжимаются на протяжении всего времени, пока она говорит, и к тому моменту, как Саша заканчивает свою тираду, у меня просто сводит руки от желания впечатать во что-нибудь свой кулак. Я не такой, как она про меня говорит, и это ужасно злит меня. Но я профессионал, потому сохраняю свое хладнокровие.

— Я понял. Ты все еще готова поклоняться и целовать землю, по которой ходит Форд. Он тут герой, а я злодей.

— Вы с Мерком очень плохие парни. Я увидела это и в Мерке. Перед тем, как он убил моего отца, он был просто одним из множества ублюдков. Но после того как он убил, я много думала над тем что он совершил. Он ведь не такой мерзавец, каким кажется.

Она замолкает. Подбирая слова или, возможно, обдумывая то, что сказать или хрен ее знает, что она задумывает.

Я испытываю нетерпение.

— Кто он тогда?

— Зло, — она отвечает ледяным тоном. — Он зло, точно такое же, как и ты. Ты нагло используешь Харпер, чтобы добраться до Ника.

— О, еще одно предположение от Смурфа. Но, прости, детка, не тот случай. Я даже близко не заинтересован в Нике на данный момент. Я не говорю, что он меня вообще не интересует, но он не моя цель, и это правда. И да, я использую Харпер для множества вещей, к примеру: секс, страсть, дружба, разговоры, комфорт, любовь. Выбирай любое из сказанного, потому что я использую ее для этого всего сейчас — но я не использую ее, чтобы подобраться к Нику, потому что мне этого не нужно. И я бы хотел кое-что прояснить: я никогда не сделаю ничего, что может навредить Харпер. Я ее люблю. Так что если ты вдруг почувствовала к ней что-то вроде порыва преданности, ты можешь оставить в покое свое воображение. Я на ее стороне.

— Я не верю тебе, — отвечает она в тот же момент.

— И я уважаю твоё мнение, — отвечаю я ей. — Я тебе никто. Ты думаешь, я полный ублюдок. Ты думаешь, что Мерк тоже ублюдок. И да, возможно, мы такие и есть. Но есть ещё более ужасные люди, которые стоят на ступеньке ниже меня. Они проглатывают таких мерзавцев, как я, живьем. Любители легкой наживы. Тут тебе самой проводить грани, кто, где и кто какой, но мне хотелось бы, чтобы ты опустила пушку, присела на ступеньку и послушала мое предложение. И потом мы сможем подумать, как найти выход из безвыходной ситуации, в которой находимся. Но ты не можешь вести себя будто тебе совершенно неинтересно то, что я могу тебе предложить. Я уверен, твой отец научил тебя большему.

Её рот напрягается в уголках, когда я упоминаю её отца. Ясно, что она не думает про него, как про ублюдка. Но мне нет разницы. Он продавал оружие. Как мне кажется, он такой же ублюдок, как и мы. Она спускается вниз, присаживается на ступеньку и опускает оружие.

— Хорошая девочка.

— Не нужно, Тет. Я на протяжении всего детства росла под покровительственным отношением, сейчас этого не нужно.

Я киваю на её слова.

— Достаточно честно. Ты не знаешь, на кого я работаю. Но не на Мерка. Он не причастен ни к чему этому, понятно? Он сейчас пытается нарыть информацию по делу, которое очень тебя заинтересует. Расплата — это то, что всегда настигает любого из нас в этом мире, Саша. И кто-то убил твоего отца, но это был не Мерк. И мы с тобой прекрасно знаем, кто это был.

— Ты не знаешь.

— Заткнись и послушай, что я тебе скажу, — я отчитываю её как ребенка, каким она и является. — Потому что я больше не лгу тебе. — Я смотрю на неё, выдерживая зрительный контакт, до того момента, пока она не отводит взгляда, и затем продолжаю: — Он знает, кто это сделал. И возможно, причина, по которой он хочет отомстить, никак не связана с тобой, но какая разница, что лежит в основе его желания? Разве тебе есть какое-нибудь дело до его возмездия? Какая разница, если человек, который разрушил твою жизнь, умрет по причинам, которые преследует он, а не ты?

Она делает глубокий вдох, когда обдумывает сказанное мной.

— Он собирается убить человека, который все это сделал?

— А что, ты думаешь, происходит с людьми, которые попадают в сети к Мерку, Смurfетта?

Она явственно дрожит всем телом. И это говорит само за себя. Я сам бы наложил ешпаны от страха, если бы Мерк пришел убивать меня, это уж точно. Возможно, он не киллер Организации, но у этого психа нет совершенно никаких моральных принципов. Он никогда не закрывает глаза на что-либо.

— Так давай договоримся насчет сделки, хорошо? Ты будешь держать рот на замке о том, что ты сейчас слышала, а я точно узнаю все насчет того, убил ли он того парня. — Она хочет возразить, но я поднимаю руку и прерываю её до того, как она успевает сказать хоть слово. — И я обещаю, что все, что я делаю, делаю для нас.

— Для кого «для нас»?

— Для нас троих, девочка. Для тебя, меня и Харпер. Мы застряли тут втроем. Поэтому я даю тебе сейчас обещание профессионала, который отлично знает свое дело. Хорошо? Что бы я ни делал, начиная с этого момента, я буду учитывать при этом интересы нас троих.

— А что если группа будет заинтересована, чтобы я умерла?

Боже, да у нее серьезные проблемы с доверием. Я поднимаюсь и направляюсь к лестнице. Она не шевелится. Я двигаюсь медленно, пока не добираюсь до верхней ступеньки, присаживаюсь рядом с ней и кладу руку ей на плечо, обнимая ее. Она дергается в сторону, но я этого и ожидал.

— Саша, если ты мне доверишься сейчас, то я обещаю тебе, что достану тебе доказательство, которое ты хочешь от Мерка, и я буду заботиться о тебе до того момента, пока ты окончательно не решишь, что я такой мудака, каким кажусь, и в ту же секунду сможешь подняться и уйти.

Ее плечи слегка склоняются вперед, и я могу чувствовать печаль, которая таится в ее душе.

— Я думаю, что ты мне врешь.

— Так ответь на мое предложение отказом.

— Я не могу. Ты прекрасно знаешь, что я не могу. — Она поворачивается лицом ко мне и по ее щекам текут слезы. — Мне кажется, что я нужна тебе.

— Я тоже думаю, что нуждаюсь в тебе, Саша. Так предоставь мне шанс.

Она вытирает слезы и передает мне пистолет. Я сжимаю в ладони рукоятку пистолета, проверяя вес, затем магазин — в нем все патроны.

— Ты что, носила его с собой все это время? — спрашиваю я ее, пытаюсь немного разрядить обстановку.

— Ага, это мой пистолет. Мой папа подарил мне его на прошлый день рождения. — Она опять хлопает носом. — Он поставил мне тут новый ствол и дал к нему глушитель.

— Ты уже в кого-нибудь стреляла из него?

Она кивает.

— В одного из парней, который пытался убить меня на ранчо. Я положила троих из винтовки, но этот, последний парень, он думал, что ему удалось скрыться. — Она поворачивается ко мне и улыбается сквозь слезы.

— Я спряталась в кабине его грузовика и убила его через окно.

— Звучит вполне опасно. — Я пытаюсь представить эту сцену и заставляю себя остановиться.

— Так и было.

Она шмыгает носом, но это уже не всхлип сквозь рыдание, как пару минут назад. Это уже более спокойный всхлип.

— Так ты относишься серьезно к этой работе, Саша? Потому что мне нужно твое честное слово, что ты не разболтаешь это. — Я передаю ей пистолет, и она смотрит на него, не сводя своего взгляда в течение пары мгновений, перед тем как забрать его обратно. — Я могу использовать запасной план, девочка. Я не люблю вмешивать людей в свои дела, пока это не потребуется, но мне нужно, чтобы ты мне доверяла. Или... — Я кладу палец на ее подбородок и принуждаю ее тем самым посмотреть мне в глаза — Харпер будет сомневаться во мне. Будет трудно разобраться с этим дерьмом без всяких сложностей. Мне нужно, чтобы ты была на моей стороне, Саша. А если ты будешь на моей стороне, я буду на твоей. Понятно?

Она кивает и отбрасывает мой палец со своего подбородка.

— Понятно.

— Понятно, что? — Мокрая, посвежевшая, потрясающе выглядящая Харпер спрашивает

у нас снизу. Она одета в чистые шорты и новую майку, черную на этот раз, и на ее ногах симпатичные кроссовки. — Я что-то пропустила?

Я поднимаюсь со ступенек и спускаюсь по лестнице.

— Не очень много. Просто хотел убедиться, что мы увязли в этом всё вместе.

Я смотрю на девочку и подмигиваю ей.

— Так, Смурф?

— Именно так, — говорит Саша, когда поднимается на ноги и спускается, присоединяясь к нам. Она смотрит на Харпер и улыбается. И если и эта улыбка лишь фальшивка, то я как бы там ни было донес до ее сведения все, что хотел сказать.

— Он мне сказал, что сейчас мы партнеры. Поэтому, когда мы найдем «спрятанное сокровище», то я получу свой кусок. Так, Джеймс?

— Спрятанное сокровище... Правильно, девочка. Ты в деле.

Саша берет за руку Харпер и уводит в сторону кухни, говоря ей о еде. Ее истерика закончена, грусть прошла, улыбка на месте, и ее отношение ко мне заметно улучшилось.

Облегчение, которое я чувствую оттого, что она теперь сотрудничает со мной, осязаемо.

Саша Черлин не из тех детей, которых вы сможете использовать без какого-то плана.

Глава 22

Харпер

— Я не думаю, что здесь есть хоть какая-то еда, Саша.

— Я же купила нам еду в центре помощи туристам, помнишь?

— Оооо... Я забыла. Что ты купила? Я так голодна!

Она подходит к своему рюкзаку, вынимает оттуда пластиковый контейнер и затем начинает выкладывать все содержимое на столешницу. Чипсы, эти отвратительные оранжевые крекеры, половину упаковки съеденных конфет, шоколадный батончик, который выглядит, будто растаял, а затем растаявшая жижа сбилась в одну кучу, и четыре средних по размеру сосиски.

Даже несмотря на то, что я не ела в течение двух дней, мой желудок выворачивает только об одной мысли об этой пище.

— Джеймс! — зову я его.

— Да, — отвечает он пару мгновений спустя. Что он там делает? Я захожу в гостиную и вижу, что он надевает футболку.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Я очень голодна, а Саша купила только то, чем можно немного перекусить.

— Эй, — Саша пытается оправдаться. — Это был автомат по продаже напитков и закусок, а ты чего ожидала?

— Мы можем купить что-то более существенное? — Я мило улыбаюсь Джеймсу, потому что его брови сходятся на переносице, создавая тревожные морщинки на его лбу. — Может, тако или что-то наподобие? Пожалуйста, я так голодна.

Его хмурые морщинки разглаживаются, и он улыбается, смотря на меня.

— Да, конечно, нам же все-таки необходимо есть, не так ли? — Он переводит взгляд на Сашу. — Мы достигли соглашения, что остаемся тут на ночь?

— Это место практически мой дом, — произносит Саша с ее новым отношением к нам.

Более лучшим отношением. — Я никуда не пойду. Я останусь тут, пока вы съедите за едой.

— Так не пойдет, солдат Смурф, — отвечает Джеймс. — Иди, надевай свои кроссовки, теперь мы неразрывно связаны вместе.

Саша смеется оттого, что он называет ее таким смешным прозвищем и бежит, чтобы взять свои вещи, пока Джеймс кладет свои ладони ко мне на талию.

— Ты выглядишь трахабельно.

— Ммм. — Я кладу свою ладонь на его идеальную, мускулистую грудь. Он легко выдыхает, когда я нахожу кончиками пальцев его отзывчивый сосок и, когда я опускаю свой взгляд на его рот, он уже прикасается им к моим губам. Его губы нежные, словно мягкий бархат. Он вознаграждает меня крохотными поцелуями, затем отстраняется, но только для того, чтобы захватить в плен мою губу. Он ласкает мои губы, изучая их собственную сладость, каждую черточку. Мои руки невольно оборачиваются вокруг его шеи. Я жажду большего. Всякий раз, когда он находится рядом, я чувствую, как желание внутри меня распускает свои лепестки. Я хочу прикоснуться к нему, облизывать его идеальное тело, оборачивать свои ноги вокруг него, и я никогда не хочу отпускать его.

— Не покидай меня, — шепчу я ему порывисто, когда он продолжает меня одаривать своими крошечными, нежными поцелуями.

— Я никуда не собираюсь уезжать без тебя.

— Это неправда, и ты это прекрасно знаешь. Нам придется иногда разлучаться. Как будет выглядеть наша будущая жизнь? У тебя будет работа, которую тебе будет необходимо делать. Как и Ник, ты оставишь, пока я буду стоять на палубе корабля и махать тебе рукой. И мое сердце будет сжиматься и разбиваться каждый раз, когда я буду думать, что больше не увижу тебя.

— Харпер...

— Не нужно, — я ласково прерываю его слова, прикладывая кончики пальцев к его бархатистым губам... — Не говори того, чему не быть, потому что мы оба знаем, что так и будет. Я хочу заниматься с тобою многими вещами, Джеймс. Больше, чем просто сексом. Я хочу, чтобы мы ходили на ужины, хочу путешествовать с тобой, отмечать с тобой разные события, как, например, Рождество и дни рождения. Я понимаю, что это немного детская мечта, чтобы те, кого я люблю, были рядом со мной. Я все понимаю. Но я привыкаю к тебе, Джеймс. — Я смотрю на него, и он хмурится. — Я становлюсь такой зависимой от тебя, и это меня пугает. Потому что я понимаю, что это только начало наших отношений. Все проблемы сейчас тут, они перед нами. Препятствия, которые нам будет необходимо преодолеть, чтобы у нас было какое-то будущее. А я не могу сделать этого. Я не такой сильный человек. Мне нужны таблетки, если мне придется оставаться и ждать от тебя вестей, жив ты или нет.

— Нет, — говорит он, осторожно приподнимая мой подбородок, но достаточно крепко, чтобы я посмотрела ему в глаза. — Больше никаких таблеток, Харпер. Пообещай мне. Они, может, и помогают, но одновременно с этим делают тебя слабой и зависимой. Твой отец давал тебе эти таблетки для того, чтобы контролировать тебя, понимаешь?

Я вырываюсь из его объятий и отворачиваю голову в сторону.

— Если ты никогда не преодолевал панику, тогда ты даже не сможешь понять какво это. Я чувствую, будто погибаю Джеймс. Словно мое сердце вырвали из груди и моя жизнь окончена. Если у меня не будет этих таблеток, мой разум приходит в действие, подключая мое неудержимое воображение. Представляя мою собственную смерть. Представляя конец

всего. Его неизбежность. Если у меня не будет таблеток, то я сдамся. — Я смотрю на него потерянным взглядом и сплываю. — Ты забираешь у меня чувство обреченности. С тобой я чувствую себя защищенной... словно ты мое лекарство. Но без тебя... — Я качаю головой.

Его ладони находят мою талию еще раз, и он притягивает меня ближе к себе, и жар, излучаемый его телом, смешивается с жаром его взгляда, заставляя меня хотеть раствориться в нем, стать неотъемлемой частью Джеймса и никогда не отпускать его.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Харпер, малышка, я не могу пообещать тебе никогда не разлучаться. Это будет совершенно нечестно. Но я могу пообещать тебе одну вещь. Если я уйду, я обязательно вернусь за тобой.

— Сколько у тебя займет времени, чтобы вернуться ко мне? — спрашиваю я, отчаянно желая зацепиться за какое-то количество дней. — Скажи мне количество дней, чтобы я могла считать их.

Он смеется надо мной, и я подхватываю, хихикая в ответ.

— Харпер.

— Джеймс, я прекрасно понимаю, что это невыносимо глупо, но, пожалуйста, дай мне конкретное число дней. Пять дней?

— Пять?

Он опять смеется, но этот смех от души. Искренний смех. Как будто он сейчас слышит самую смешную вещь, которую ему доводилось слышать.

— Пять дней. — Произносит он вновь, легко выдыхая слова. — Это очень мало. Я не смогу сделать ничего за пять дней, Харп. Как насчет четырнадцати?

— Четырнадцать! — Теперь приходит моя очередь смеяться. Только на этот раз я потрясена. — Ник всегда уходил не больше, чем на десять дней, самое долгое насколько он покидал меня — это восемнадцать дней. И то, я практически чуть не умерла от сердечного приступа за это время. И теперь он пропал на триста тридцать четыре дня.

— Шшшш, — говорит он мне успокаивающе. — Я могу пообещать десять дней, хорошо?

— Я не знаю, — я не могу прекратить говорить о десяти днях. — Десять дней ощущается, как вечность...

— Всего десять дней. Ты можешь их считать...

— И ты не опоздаешь? — я умоляюще спрашиваю у него. — Ты не забудешь про меня?

— Я не забуду, — говорит он и целует меня еще раз. Кончики его пальцев зарываются в мои волосы, и он слегка оттягивает мои светлые пряди назад, чтобы прошептать мне в рот. — Я обещаю тебе, что никогда не буду опаздывать.

Я вздыхаю с облегчением. Но это всего лишь крохотное облегчение. Это глупая мольба о том, чтобы он дал мне это обещание, была сделана, потому что существует множество способов нарушить это обещание. Я просто настраиваю себя заранее на разочарование и окончательное расставание с ним. Потому что это неизбежно...

— Так, — кричит Саша из гостиной. — Я готова.

Джеймс целует меня еще раз и затем ведет меня обратно в гостиную.

— Я так голодна, я хочу морепродуктов.

— Это же пустыня. Тебе придется довольствоваться лишь рыбными тако.

— О. — Я позволяю разочарованному вздоху сорваться с моих губ, но затем улучшаю свой настрой, чтобы не разрушить этот восхитительный момент замечательного вечера. — Хорошо, рыбные тако вполне подойдут.

Во время своего нахождения на пляже, я не пользовалась своим преимуществом и не наслаждалась морской пищей, я не была частым посетителем милых и приятных ресторанчиков с хорошей кухней. Я брала еду только навынос. Я даже никогда не пробовала рыбное тако. Мы обычно ели на корабле, когда прибывали в какой-либо порт. Но если мы шли в ресторан, это были не крохотные закусовые на пляже, где обычно можно запросто найти рыбное тако. Но если это все, что я могу получить тут, то тогда я воспользуюсь этой возможностью.

Мы все загружаемся в душный «Хаммер». Саша громко жалуется на то, какими горячими ощущаются кожаные сидения, и стремительно пересаживается на плоский подлокотник, который кажется мне таким же большим, как и стол. В «Хаммер можно поместить длинную симпатичную скамью, чтобы человек мог использовать ее как кровать. Но нет. Здесь расположены два сидения обычного размера и что-то напоминающее стол посередине.

— Саша посади свою мелкую задницу на место, — рывкает на нее Джеймс. — И пристегни ремень безопасности.

Она делает так, как он сказал, но не прекращает возмущаться.

Я улыбаюсь ей, мы похожи на семью. Джеймс говорит о ресторане, пока мы едем по длинной подъездной дорожке, затем ждем, чтобы пропустить одиноко плетущуюся машину, перед тем направиться в лучах заходящего солнца в Палм-Спрингс. Саша говорит о том, о чем говорят все подростки ее возраста. А я размышляю по поводу прошлого года, но эти воспоминания для меня стали уже такими же призрачными, как мираж, когда ты начинаешь видеть всякие виды кактусов. Я вспоминаю события, когда я была ребенком. Вспоминаю то, что было так давно, до того пока я разочаровалась в моей семье и променяла ее на жизнь наполненную только ожиданием.

Я прекрасно знаю, что Джеймс врет насчет десяти дней. Но он знает, несмотря на все, что мне говорит логика, мое сердце верит ему.

И я надеюсь, что однажды, он все-таки вернется ко мне.

Глава 23

Джеймс

— Что это за место? — спрашивает Саша, когда мы подъезжаем к отелю Palm Destiny Resort.

— А на что это похоже? — спрашиваю я в ответ. Я прикидываю, сколько примерно времени осталось до заката — он настанет примерно через полтора часа. Мерк мог бы жить немного ближе к городу. До сих пор мы с Харпер еще не наблюдали красивого заката. Но этот ресторан находится на верхнем этаже, и его окна выходят на бассейн, пальмовые деревья и горы с западной стороны. Идеальный закат в моем понимании. Даже если мне придется разделить его со Смурфеттой.

— ОТЕЛЬ, — отвечает сухо Саша. — Зачем мы приехали в отель, если собирались перекусить?

Я смотрю на Харпер, пока мы ожидаем, когда парковщик закончит с машиной, которая подъехала перед нами. Она сказала, что хочет поужинать со мной и отпраздновать какое-то непонятное дерьмо. Так делают все семьи, вот так я это вижу. И хоть Смурфетта

определенно не входит в наш план на будущее, сейчас она наш партнер, а значит и член семьи.

— Рыба-лев сказала, что хочет морепродукты, поэтому она получит морепродукты.

— Мне кажется, тут нужно зарезервировать места заранее. Могу поспорить, что мы не сможем найти свободный столик.

— Зарезервировать... пфф. Пожалуйста, Харпер, немного доверия.

Появляется парковщик, открывая двери для девочек, затем я выбираюсь из машины и пожимаю парню руку. Я даю ему наличные.

— Припаркуй ее снаружи, где найдешь место, пожалуйста.

Затем я обхожу свой жутко грязный «Хаммер» и беру руку Харпер в свою. Мы одеты неподобающе ресторану на верхнем этаже, но они не смогут мне отказать в любом случае. Я завожу девушек внутрь и подвожу их к зоне отдыха, в которой располагаются мягкие диваны и кресла.

— Вы немного посмотрите телевизор, хорошо? Я сейчас вернусь.

Я легко целую Харпер в щеку и иду искать парня, которого знаю. Я прохожу стойку ресепшн, менеджера по работе с постояльцами и весь обслуживающий персонал, который одет в свою рабочую униформу, направляясь к двери, где на табличке написано: «Только для обслуживающего персонала».

Я подхожу к полной пожилой женщине, которая одета в униформу горничной.

— Я могу вам чем-то помочь? — спрашивает она осторожно с сильным испанским акцентом.

— Я ищу Рауля, — говорю я.

Она смотрит на меня с подозрением во взгляде, заставляя морщинки на ее лбу складываться в V-образной форме.

— Кто его спрашивает?

— Шесть.

— Отлично, — произносит она с опаской, втягивая воздух, будто готовится услышать что-то ужасное. — Сегодня я за Рауля. Что вы хотели?

— Ужин, — говорю я с улыбкой. — На троих. На верхнем этаже.

Она смеется.

— Ужин? — Она опять смеется. — Ужин, — она повторяет, качая головой. — Фууух, ужин — это я могу. Я могу организовать для вас ужин, мистер Шесть. — Когда она произносит это, то обращение ко мне выходит похожим на мистер Секс (прим. пер. — с англ. six (шесть) и sex созвучные слова), но это ничего, я не против. Я могу поклясться, что она подумала, что я попрошу ее избавиться от тела. Она же горничная. Это именно то, чем занимаются горничные в Организации. — Вы можете подниматься наверх, — говорит она, что-то записывая на визитке, на которой изображена яхта и написано: «Тейт Глобал Инжиниринг». Она передает мне визитку, я переворачиваю ее и читаю, что написано на оборотной стороне: «Член Организации». — Вы можете подниматься, я предупрежу, что вы идете.

— Спасибо, — отвечаю я ей, когда выхожу так же, как и зашел. Когда я возвращаюсь обратно в вестибюль, Саша и Харпер сидят рядом друг с другом, они смотрят телевизор. Они смотрятся так, словно являются родственниками, настолько они похожи прямо сейчас. Длинные светлые волосы. Только у Саши голубые глаза, а у Харпер карие, но у них у обеих изящные черты лица. Маленькие носы, аккуратные рты, стройные тела.

— Пойдемте, девочки. — Я их зову, и они обе быстро подходят. — Что не так?

— Харпер думает, что видела кого-то снаружи.

— Кого? — спрашиваю я, придерживая двери лифта для них.

— Я не знаю, — говорит она, смотря через плечо. — Он просто выглядел так знакомо.

Как один из охранников с нашего корабля. Но это глупо. Он личный охранник, они никогда не покидают корабль.

Мы храним молчание, поднимаясь на верхний этаж ресторана. Она, скорее всего, представляет себе какие-то вещи, но мне не нравится атмосфера, которая внезапно повисает в воздухе между нами. Двери лифта разъезжаются пару минут спустя, и перед нами открывается огромное пространство ресторана. Метрдотель широко улыбается нам, даже несмотря на то, что мы одеты совершенно не соответствующе этому месту.

Быть номером Шесть несет в себе определенные привилегии. Подхалимство персонала не входит в десятку вещей, которые мне нравятся. Обычно я не приветствую, чтобы они так бегали за мной, но сегодня это явно имеет для меня первоочередное значение. Потому что я хочу подарить Харпер замечательный вечер.

— Ваш столик, ожидает вас, сэр, — говорит метрдотель. И затем он жестом указывает нам следовать за официантом. Мы направляемся в дальнюю часть ресторана и усаживаемся у огромного окна, вид из которого впечатляет даже меня.

— Вау, — говорит Саша, усаживаясь напротив окна. — Я могу поклясться, закат будет смотреться просто потрясающим.

Я смотрю на Харпер и улыбаюсь. Надеюсь, это именно так.

Официант озвучивает специальное меню дня, и глаза Харпер озаряются светом, когда он упоминает о свежих стейках из морской рыбы, которые, как обычно, у них подаются по выходным. Официант принимает наш заказ по напиткам, и как только он уходит, Харпер наклоняется и оставляет поцелуй на моей щеке.

— Рыбных тако нет в меню.

— Никаких рыбных тако для тебя, детка. Это только на тот случай, если бы мы сидели на каком-нибудь пляже третьего мира и пили пиво.

— Это также звучит замечательно.

— Да, мне тоже нравится, — говорю я с улыбкой, — но здесь не пляж, поэтому тут нет никаких рыбных тако. Так, а теперь, что мы будем? — Обе девушки начинают просматривать меню, и это зрелище заставляет меня улыбаться. Наконец-то они вдвоем могут нормально поужинать. Я уверен, что Харпер нормально не ела, с того момента, как покинула корабль отца, год назад. А Саша... я вообще сомневаюсь, что у нее когда-либо был такой торжественный ужин. Я опускаю взгляд и просматриваю меню, выбирая себе то, что я обычно заказываю, затем я поворачиваюсь к Саше. — Ты будешь Буффало-бургер?

Она стреляет в меня гневным взглядом.

— Почему ты решил, что я буду Буффало-бургер? Потому что я с Вайоминга?

— Ты был в Вайоминге, Джеймс? — спрашивает Харпер.

— Не-а, я нашел самоубийцу-Смурфа в разбитом ею лагере в степях Колорадо.

— Одну?

Саша опускает свою голову и притворяется, что она тщательно выбирает блюдо из перечня меню.

— Это длинная история, — бормочет она застенчиво.

— Харпер, — вдыхаю я, отвлекая ее от длинной истории Саши, — так что ты будешь

заказывать?

— Хмм, запеченный на гриле стейк из акулы-мако и ананасовый рис, думаю это. А как насчет тебя? — Она мило улыбается мне, когда солнечные лучи немного меняют положение и освещают ее загорелые плечи.

Я наклоняюсь ближе к ней, хватая ее за бедро, затем захватываю ладонью ее волосы.

— Ты выглядишь ошеломительно. Ты просто... трахательная. На все сто процентов.

— Эй? — говорит Саша. — Я все еще здесь.

Следом появляется официант, и я озвучиваю ему наш заказ.

— Чилийский сибас для меня и стейк из акулы-мако для этой очаровательной леди. — Официант кивает и бормочет что-то насчет хорошего выбора. Я вижу, что заставляю его нервничать, но мне по хрену. — Саша, а ты что будешь?

— Буффало-бургер. — Мне удастся сдержать смешок, но она все равно его слышит и стреляет в меня разгневанным взглядом. — Что? Это единственное, что я тут узнаю.

Я поворачиваюсь к официанту.

— И Буффало-бургер для очаровательной леди номер два.

Он кивает и удаляется.

— Пфф, как будто ты и правда думаешь, что я очаровательная леди, — говорит Саша.

— Я думаю, что ты маленькая мерзавка, которая даже не понимает, какая она симпатичная... Так лучше? — парирую я в ответ.

— Джеймс, — Харпер предостерегает меня, пиная под столом мою ногу. — Будь милым.

— Я и так веду себя мило, — ее рука на моем бедре привлекает мое внимание, и все мысли о Саше быстро исчезают из моей головы

— Харп, — говорю я, пока она хихикает, — не начинай то, что не сможешь закончить. У них тут есть мужской туалет.

— Ты не посмеешь!

— Мне не нужно твое разрешение, чтобы трахнуть тебя в общественном туалете, милая. — Она пытается убрать свою руку, но прежде я успеваю ее схватить и прижимаю ее ладонь к моей твердой эрекции. — Ты делаешь это со мной и заплатишь за это. — Я убираю ее руку и кладу на стол, наклоняясь, чтобы прошептать ей на ухо. — Если ты сделаешь так еще раз, я возьму тебя прямо здесь на столе. Поэтому не стоит меня провоцировать.

— О, боже, — говорит Саша. — Ла-Ла-Ла. Я вас не слышу. — Она закрывает глаза и прикрывает уши, качая головой. — Ла-Ла-Ла.

— Так в чем заключается твоя работа в Организации, Саша? — спрашивает Харпер, меняя тему разговора и заставляя меня чувствовать себя более неудобно, чем до этого я заставил чувствовать себя Сашу.

— Только не это, — я указываю жестом на Сашу. — Мы сегодня больше не будем разговаривать о том, чем занимаемся. Давайте немного передохнем от этих разговоров.

— Я не согласна, Джеймс, — говорит Харпер. — Я спасла ей жизнь этим утром и практически ничего про нее не знаю. Мы живем в одном доме, путешествуем вместе. Поэтому я хочу...

— Нет, — я прерываю ее. — Не...

— Я — киллер, — говорит Саша, одновременно игнорируя и перебивая меня.

— Ты — девочка. Ты не киллер, — говорит Харпер, смеясь.

— Я — убийца. Мой папа воспитывал меня, чтобы я была киллером, и он обладал

полномочиями обучать всех парней, прежде чем они попадали в Организацию. Поэтому я могу считаться киллером.

Бл*дь.

— Ты не первый, Джеймс, — презрительно усмехается Саша надо мной.

— Разговор. Окончен. Давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Саша направляет свое внимание на меня.

— Меня учили убивать. Я прожила всю свою жизнь среди убийц. Не ты, — говорит она мне. — Они держали тебя подальше. Но некоторые из тех парней, которых ты убил в прошлом году, были моими друзьями.

— Друзьями? Пожалуйста, избавь меня от этого бреда. Как часто они могли проезжать мимо Вайоминга? Или выбирать себе оружие в западной стороне? Их визиты можно пересчитать по пальцам.

— Если ты так говоришь, — сладко отвечает она.

Может, я и не знаю ее, но прекрасно понимаю, что это значит.

— У тебя есть еще один секрет, которым ты хочешь поделиться?

— У меня множество секретов.

— Хм... — Харпер прерывает наш диалог. — Ты прав, Джеймс, давайте поговорим о чем-нибудь другом.

— Нет, — заявляет Саша. — Давайте поговорим о секретах. Я расскажу тебе один из моих, а ты мне расскажешь один из своих, Джеймс.

— Джеймс, — говорит Харпер, поворачиваясь ко мне и опуская свою ладонь на мое бедро. — На этот раз это провокация. Я не желаю слышать никаких секретов, хорошо? Секреты оживляют тьму. Я ненавижу секреты и ничего не хочу знать о них.

Я убираю ее руку с моего бедра и кладу обратно на стол, не сводя с Саши своего взгляда.

— Прости, детка. Это очень хорошая возможность, чтобы ее упустить. Ты первая, дерзкая Смurfетта.

Саша широко улыбается, затем поворачивает свою голову и искоса стреляет в меня взглядом, благодаря которому она выглядит, как настоящий киллер, каким она клянется, что является.

— Хорошо. Мой секрет... — Она смотрит на Харпер. — Я встретила кого-то особенного этим летом.

— Кого, мальчика? — спрашивает Харпер с жадным интересом в голосе.

Саше приходится прикусить губу, чтобы прекратить улыбаться.

— Да. — Она медленно переводит взгляд с Харпер на меня. — Николаса Тейта.

Весь ресторан замолкает. Или, возможно, нет. Скорее всего, нет. Мне кажется, это я прекращаю все слышать, потому что единственное, что я слышу вновь и вновь — эхо от пары ее слов.

— Прости? — говорит Харпер. — Мой брат виделся с тобой?

Саша все еще смотрит на меня. Ее рот открывается, и если бы я находился рядом с ней, то я бы обязательно закрыл его своей ладонью, чтобы она не произнесла больше ни слова. Но я не сижу рядом с ней, поэтому она произносит.

— Он приезжал навещать меня множество раз.

— Ты лжешь, — говорит Харпер. — Как он вообще попал в Вайоминг?

— Разве имеет какое-то значение как? — говорит она. — Я имею в виду, вы можете спросить и более важные вещи, чем вопрос, который совершенно не представляет никакой

ценности.

— Что мне тогда следует спрашивать? — Я, наконец, прихожу в себя от того, что она сказала.

— О, нет. Пока ты мне не скажешь свой секрет, Джеймс, ты не можешь спрашивать еще. Если же ты хочешь продолжать играть, мы можем продолжить. Но теперь ты мой должник.

Ты мой должник. Она сказала мне эти же слова в самолете, когда она упомянула, что Харпер не находится больше в своей квартире.

— Выкладывай стоящий секрет, Джеймс. Потому что мой определенно был бомбой.

Я делаю глубокий вдох и смотрю на Харпер. Она выглядит бледной. Ее идеально загорелое лицо стало белым как простыня.

— Ты видела его недавно?

Саша качает головой, как будто отрицает. Но это не то, что она говорит:

— Больше никаких вопросов, пока я не получу секрет от Джеймса. И не ври, Джеймс, я узнаю, солгал ты или нет.

У меня много вопросов. И я хочу на все получить ответы. Но у меня есть парочка секретов, которые я могу отрыть за столом прямо сейчас. Я прокручиваю их в своей голове и принимаю решение.

— Ты хочешь знать, почему Мерка нет поблизости? Детали? Не те, что я говорил тебе ранее.

Она внутренне обдумывает это и затем кивает мне.

— Сойдет для начала.

И не только для начала. Потому что это единственная вещь, которую я могу сказать, чтобы ничего не разрушить.

— Человеком, который убил твоего отца, является сенатор Ченниг.

Она сглатывает и затем кивает.

— Я знала.

— Ты этого не знала. Ты догадывалась, но точно ничего не могла знать. Узнала после того, как я тебе сказал. Теперь моя очередь. Кто....

Но в этот момент к нашему столику подходят официанты с нашим заказом, они выглядят не в своей тарелке, обслуживая нас. Я жду момента, когда они полностью сервируют стол, а затем благодарю их, как вежливый человек, которым на самом деле не являюсь.

— Этот разговор окончен, — говорит Харпер. — Я больше не хочу слышать ничего из этого. Давайте просто поедим.

Она находится на грани того, чтобы разразиться слезами, и я внезапно ощущаю себя очень виноватым. Я наклоняюсь к ней и шепчу:

— Просто наслаждайся ужином. Прости меня, если я разрушил такой момент. Я просто хотел, чтобы у тебя сегодня был хороший вечер.

— Ничего не разрушено, Джеймс. Все хорошо. Просто... я хочу говорить о нормальных вещах сегодня вечером.

Она берет свою вилку и вонзает ее в стейк акулы. Он разламывается пополам, словно так и должно было быть, и она улыбается, когда подносит кусочек к своим губам.

— Это довольно хорошая рыба для ресторана, который находится посреди пустыни.

— Я как-то поймала акулу, — говорит ей Саша.

— И я тоже! — восклицает она восторженно. — Мы занимались рыбалкой в открытом

море множество раз.

— Я ни разу не ловил рыбу, — признаюсь я.

— Что? — даже Саша присоединяется к диалогу. Я уверен, что она чувствует удовольствие от того, что умеет рыбачить лучше, чем я. И когда все потихоньку настраивается на нужную волну, мы оставляем тему темных секретов и говорим о простых милых вещах, которые делают Харпер счастливой: детстве, проведенном на мегаяхте; детстве, проведенном на ранчо; детстве, проведенном на пляже.

Мы не упоминаем Организацию. Этот грязный мир, в котором мы живем. Это опасно и смертельно, и нам прекрасно известно об этом.

Но нам не нужно говорить об этом прямо сейчас.

Эти секреты не будут озвучены. Мы храним их в себе, как и нашу веру.

Или, возможно, более подходящее слово, как нашу тяжелую ношу.

Глава 24

Джеймс

Солнце только начинает скрываться за горизонтом, оставляя небо утопать в красно-оранжевом вязком тумане. Через пятнадцать минут будет просто идеально. Я не хочу упускать это зрелище, поэтому оставляю поцелуй на голове Харпер и отодвигаю стул.

— Сейчас вернусь, только отолюю.

Я прохожу мимо столов, направляясь в небольшой коридор, где располагаются уборные, и открываю дверь. Работник, который находится там, кивает мне и затем возвращается к своим обычным делам — раскладыванию полотенец. Я вытаскиваю свой член над настенным писсуаром и делаю свои дела. Я не разговариваю с работниками. Я не сноб, но просто хочу сделать свои дела и убраться на хрен из этой уборной.

Дверь резко открывается, поэтому я поворачиваюсь посмотреть и вижу, что парень быстро покидает уборную. Возможно, он прочел мои мысли. Я стряхиваю член, застегиваю джинсы и поворачиваюсь, чтобы помыть руки.

— Привет, Джеймс.

Прошло много времени с того момента, как я видел этого мужчину в последний раз, но я не могу не узнать того, кто входит в уборную. Высокий, мрачный — он является олицетворением того, как должен выглядеть классический злодей и убийца. Харпер идеальная его копия, только со светлыми волосами. Теперь его темные волосы несут отпечаток времени, в виде небольших перьев проседи на висках, но их совсем немного. И, возможно, это некая игра времени, но с того момента, когда я познакомился с ним впервые, будучи молодым парнем, он выглядит так же, как и в тот день, когда он в обмен на мою свободу предложил мне свою дочь по окончании работы на Организацию.

Забавная вещь, я никогда не хотел свободы. Я хотел быть номером Шесть, который вершит свои дела и правосудие самым ужасным из способов. Ему следовало предложить это Тони. Он бы с радостью воспользовался возможностью убивать ради выхода из Организации.

Но он не попросил Тони. Он попросил меня.

Я никогда не хотел убивать, чтобы выйти из Организации.

Я всегда желал убивать, чтобы быть ее частью.

«Бойся своих желаний — они имеют свойство сбываться», — говорит Тет в моей голове.

— Твои парни теряют сноровку, она заметила одного, когда мы добрались сюда.

— Как она? — спрашивает Адмирал, не обращая никого внимания на мои слова. Возможно, мы не встречались много раз за эти годы, но мы разговаривали по телефону несметное количество раз. Я знаю его лучше остальных, и игнорировать мои замечания об охранниках привычно для него. Ему нравится контролировать течение разговора, и он ненавидит слышать о неудачно выполненной работе. Но именно это он сейчас слышит, и я прекрасно знаю, что он скажет это своим охранникам позже. У нас нулевой процент терпимости к погрешностям в нашей работе. — Надеюсь, она хорошо себя чувствует? Я понимаю, что ты только недавно выходил на контакт, но я надеюсь с ней все в порядке.

Внезапно я представляю Харпер, склонившуюся над диваном с моим пальцем в ее заднице. Адмирал убьет меня на месте, если узнает об этом дерьме. Без сомнений, была ли она моим обещанием или нет. Я поворачиваюсь и начинаю мыть руки.

— Она чувствует себя хорошо. Она счастлива. Сегодня захотела морепродукты, поэтому это место отлично подошло.

— Все движется согласно графику? Задание?

Какое на хрен задание? Долбанный Господи, ну и сколько у меня операций на данный момент?

— Да, сэр, — отвечаю я как можно спокойнее. — Сто процентов все по графику и под контролем.

— А файлы? Она... упоминала о них? Какое-то укромное место? Ну, хоть что-то?

— Нет, сэр, — когда выключаю воду, тянусь за полотенцем. — Я еще не узнал их местоположение. Мне пришлось уехать на некоторое время, поэтому мы только встретились.

— Да, — он улыбается. — Тебе понравился мой подарок?

Я улыбаюсь в ответ. Какой, бл*дь, подарок? Но, естественно, я так не говорю. Потому что я все еще помню, что у меня есть несколько часов, которые выпали из моей памяти... «Или, скорее всего, дней», — добавляет Тет в моей голове. Скорее всего, дней.

— Да, сэр. Очень признателен.

— Она дикая, не так ли?

— Ага, дикая...

Кто, бл*дь, дикая? Харпер?

— Ее отец был важным человеком одно время, но его верность была подвергнута сомнению. Он не оправдал возложенного на него доверия, очевидно, именно поэтому он давно умер. Поэтому, как мне кажется, девочка имеет схожий характер.

Саша. Он послал мне Сашу в качестве подарка. Но зачем? Что нужно сделать с ней?

— Да, она маленькая мерзавка. Но ей очень просто манипулировать. У вас какие-то специальные пожелания для чего мне ее использовать?

— Да, ее отец тоже был диким, — говорит Адмирал, опять игнорируя мои слова. — Поэтому яблоко от яблони, не так ли?

Мы смеемся. Очень забавно, ха-ха, яблоко от яблони... Я вообще даже не представляю, о чем он говорит.

— А мой сын?

Я качаю головой. На этот вопрос я могу ответить и даже, как ни странно, правду.

— Нет, сэр, я не знаю, где он находится.

— Ну, вынужден сказать, что удивлен. Ты не так много сделал, Тет.

Я должен признать, что прозвище, которое закрепилось за мной в Организации, звучит из его уст, как укол. Я всегда был для него Джеймсом. Или же номером Шесть, но только в первый день. Я всегда был Джеймсом.

— Мое время еще не вышло, поэтому я не волнуюсь. Я никогда не подводил вас, сэр.

— Если девчонка не говорит о его местонахождении, то она не нужна тебе. Ты ее спрашивал об этом?

У меня такое ощущение, будто я пришел на середине встречи, я в полном замешательстве. Может, я пропустил какое-то сообщение? Что мне следует делать с Сашей.

— Мы как раз говорили об этом за столом. Поэтому я думаю, она близка к тому, чтобы все мне выложить.

— Хорошо. Узнай о его местонахождении сегодня, и я хочу, чтобы ты ликвидировал ее перед возвратом того, о чем мы говорили

— Да, сэр, — говорю я на автомате. — Возвращение все еще числится в расписании дел.

— Не затягивай, понимаешь? — Его темные глаза сверлят меня своим пронизывающим взглядом. — У меня тоже есть крайние сроки.

— Сэр, я понимаю. Мы двинемся обратно уже завтра.

— Замечательно. — Он улыбается и отступает назад. — Я в скором времени увижу тебя. Пожалуйста, принеси мне хорошие новости.

— Да, сэр, — говорю я, но он уже повернулся спиной, выходя за дверь.

Я жду пару секунд, затем следую за ним и подхожу к бару.

— Пачку Reds, пожалуйста. И зажигалку.

Бармен уходит и возвращается через пару минут с моими сигаретами. Я сейчас практически вообще не курю. Я вроде как бросил три года назад. Но с того момента, как все приключилось с Тони, я иногда прибегаю к их помощи чтобы немного пораскинуть мозгами.

И прямо сейчас мне необходимо подумать, чтобы понять, что только что произошло.

«Ты прекрасно знаешь, что произошло, — говорит Тет в моей голове. — Тебе был дан приказ на устранение».

— Приказ на устранение, — шепчу я себе под нос. Бармен, который находится всего в паре шагов от меня и слышит мои слова, смотрит на меня испуганным взглядом и быстро уходит.

Курение в помещении запрещено по законам Калифорнии, поэтому единственная правильная вещь — как можно быстрее покинуть это место, чтобы получить дозу никотина. Я убираю пачку в карман и спокойно возвращаюсь к столу.

Харпер и Саша смеются над чем-то. Они указывают на меня, и я смеюсь, но я совершенно не представляю, о чем они говорили. Слова Адмирала раздаются в моей голове: «Я хочу, чтобы ты ликвидировал ее перед возвратом того, о чем мы говорили».

Девочки поднимаются, и я кладу наличные на стол для официанта в качестве чаевых. Еда для меня здесь ничего не стоит, поэтому нет чека. Но девочки ничего не знают об этом, поэтому, когда Харпер начинает задавать вопросы, почему меня не было так долго, я говорю ей, что оплачивал ужин.

Она покупается на это, такая наивная, ее ладонь находится в моей ладони, и она продолжает болтать с Сашей, когда мы выходим из ресторана. Окна находятся с левой стороны, и я бросаю взгляд на долину, по направлению к смутным очертаниям гор в темноте.

Меня захлестывает чувство обреченности. Скорее всего, это остаточная реакция на приказ Адмирала.

Или, возможно, это все из-за приближающейся темноты.

Потому что тот закат, который я так хотел посмотреть, давно прошел.

Глава 25

Харпер

Джеймс молчит всю дорогу домой, и это беспокоит меня. Так много касательно него беспокоит меня. Будто в одну секунду он все, что мне нужно, а в другую — отключается, и окунается в работу. Плюс, признаю, я сильно влюбляюсь в него. Один взгляд, и я влажная между ног, тайно умоляю прикоснуться ко мне. И после всего того что, он прошлой ночью сказал мне о доверии — «если я скажу тебе пройти сквозь пламя, так это только потому, что ты огнестойкая», и обещания о десяти днях — такое чувство, будто он знает все, что мне нужно. Будто он заглянул внутрь меня, чтобы понять, как заставить меня чувствовать себя желанной. И держать в безопасности. Он знает, как нажать все необходимые кнопки. Он забирает тревогу. Черт, последние несколько дней так легко было держать свою тревогу под контролем.

Но почему они? Почему я здесь с этими двумя? Это просто странно. Должно быть, есть что-то, что Адмирал хочет, чтобы Джеймс передал ему от меня. Единственным другим объяснением будет лишь то, что Адмирал подставляет Джеймса.

Но за что? И почему? Адмирал сделал то предложение двенадцать лет тому назад, так как все это может быть связано?

Дерьмо, я не имею ни малейшего понятия.

Джеймс сворачивает на длинную трассу, которая ведет нас назад к дому, и я замечаю, как Саша притихла на заднем сидении. Я поворачиваюсь на своем месте, и вижу, как она растянулась через подставку, которая разделяет сидения.

— Ты не заставил ее пристегнуться?

— Разве? — рассеяно отвечает Джеймс, паркуя «Хаммер». — Ну, теперь это почти неважно. Мы добрались домой, и она до сих пор жива.

Может, это и тупой пример, но раньше он требовал, чтобы она пристегивалась ремнем безопасности и сидела ровно, будто безопасность была его вторым именем. Но сейчас он... отрешенный. Саша исчезла с его радара.

Джеймс выбирается из машины и открывает заднюю дверь для Саши.

— Просыпайся, Смурф. Мы дома.

Дома. Хммм. Это не дом, но он снова использует это слово, чтобы пробудить чувства. Это ради него самого? Ради меня? Или ради Саши? Или это по-настоящему, и он делает это для всех нас? Я просто не могу сказать.

Он хлопает ее по ноге, и она отбивается от него в ответ. Мне стоило бы расхохотаться, глядя на это. Но Джеймс просто вытаскивает ее с заднего сидения, и перебрасывает через плечо.

— Идем, проблемный ребенок.

Я выбираюсь из машины и следую за ним до двери. Саша наполовину проснулась, дерется и ворчит, чтобы он поставил ее. Джеймс открывает дверь одной рукой, и

перекидывает Сашу обратно, заставляя ее завизжать, когда внезапно ставит на ноги.

— Когда я говорю «идем», солдат, ты идешь, — он подмигивает ей. — Или я заставлю тебя идти, соплячка.

Она рычит на него и топает в направлении комнаты, в которой обосновалась.

— Я готов пойти в постель, — произносит Джеймс, закрывая дверь у меня за спиной. — А ты готова?

Он не ждет моего ответа, просто берет мою руку и ведет по другому коридору, где находится наша комната. Мы даже не задумываемся включить свет. Луна наполовину полная, а в небе столько звезд, что этот проникающий свет переносит нас в сюрреалистическую реальность.

Как только мы оказываемся в спальне, Джеймс закрывает дверь, тянется за голову и стаскивает рубашку одним плавным движением.

— Я чертовски устал. Завтра мы двинемся назад в округ Ориндж.

Я немного в шоке от такого признания, и мне требуется целая секунда, чтобы решиться на вопрос:

— А ты не думаешь, что они ищут нас?

— Ага, наверняка, — говорит он без намека на оправдание. — Они искали тебя целый год, Рыба-лев. Сильно сомневаюсь, что это секрет. Но я только что получил сообщение о некоторых пропавших файлах, которые были найдены.

— Что? Как? — Я быстро закрываю рот, но это моя вторая оплошность в этом разговоре. Не уверена, что я достаточно быстро исправляюсь. — Я имею в виду, как ты получил сообщение?

— Использовал телефон в баре ресторана. Мне доступна «Служба секретарей». Мы с Мерком делим одну. Это не какая-то тайна или что-то вроде того. Мы оставляем голосовое сообщение. И Мерк оставил мне одно, в котором говорится, что он нашел некую информацию в файлах, которые ищет твой отец.

Он смотрит на меня с неммым вопросом в глазах.

— У меня нет никаких файлов, Джеймс.

— Очевидно, не эти файлы. Потому что эти файлы были отслежены по кому-то другому. И мне нужно собрать их.

— Так ты на задании? Ты собираешься убить этого человека?

— Чего бы это ни стоило, — он улыбается на мое отвращение. — Я шучу, Харпер. Черт, имей хоть немного веры в меня. Я способен получить все, что мне нужно, не прибегая к насилию. Посмотри на себя, — произносит он, когда я обнимаю себя руками за талию. — Я уговорил тебя стать моей, при этом ни разу не выстрелив.

Я улыбаюсь ему, но у меня в голове каша. Кто-то нашел эти файлы? Господи, я надеюсь, что нет. Мы хорошенько и по полному влипнем, если не получим их.

— Идем, — произносит он, ведя меня к кровати. — Поспи со мной.

Я не могу ответить на это «нет». Не могу, даже если бы хотела. Я выскользываю из обуви и забираюсь на кровать. Простынь вся скомкана от нашего последнего времяпрепровождения, но она мягкая и заслуживают того, чтобы ее оценили. Этот Мерк, может, и хладнокровный убийца, но я влюблена в этот дом. Я совершенно точно могу представить себя в таком месте, как это. Кирпичные стены удерживают прохладный воздух внутри, но сейчас горячо во всех смыслах этого слова. Насколько плохим может быть этот парень, если ему принадлежит такое место?

Джеймс приближается ко мне. Обуви на нем нет, но он все еще одет в джинсы.

— Разве ты не собираешься раздеться?

— А ты? — спрашивает он, подраживая.

Я спускаю шорты по ногам и отпихиваю их ногой, пока они не падают на пол. Он наклоняется и целует меня.

— Я собираюсь поспать. Не против, если я трахну тебя на рассвете?

Что? Это что, был отказ?

— Эм... ты не в настроении? — Но у меня нет ничего, что указывало бы на это. Он был ходячим сексом с момента, когда мы встретились.

Он обнимает меня рукой и притягивает к своей груди, пока я не оказываюсь плечом на изгибе его руки, а щекой — у его сердца. Я слушаю его сердцебиение несколько секунд. Ровное. Спокойное. Сильное.

Думаю, я люблю этот звук.

— Не совсем так, — произносит он, целуя мою руку. — Я просто...

— Просто, что? — на мгновение мне становится тревожно. Потому что что-то не так, и он на грани того, чтобы рассказать мне, что его беспокоит.

— Напряжен, думаю.

— Из-за меня? — спрашиваю я, поднимая голову с груди, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Нет. Из-за этой работы и прочей фигни. Это все не из-за тебя, Харп. Ты единственная хорошая составляющая моей жизни на данный момент.

— Тебе просто нужно подумать?

— Да, детка, — произносит он шепотом, который говорит мне, что он не желает продолжать этот разговор.

— Ник привык быть таким. Все время замкнутый и с перепадами настроения. Он говорил: «Нужно все спланировать, Харп». Иногда я играла для него, когда он был таким. Он сидел в салоне и притворялся, что читает, а я играла на арфе или фортепиано.

Это вызывает у Джеймса очень сексуальный смешок. Он прокатывается по его груди и ласкает мое лицо.

— Ты не играешь на арфе.

Я улыбаюсь.

— Еще как играю.

— Однажды я должен это услышать. Я бы не хотел ничего больше, чем думать, что все мои тревоги развеяны, пока я сижу и слушаю, как ты перебираешь струны арфы.

Боже, эти слова так согревают меня внутри, и я жалею, что арфы нет прямо здесь и сейчас, чтобы я могла развеять его мысли.

— Я могу сделать тебе массаж, если хочешь, — я не жду ответа, а просто сажусь. — Перевернись. Ты сразу почувствуешь себя лучше.

На мгновение мне кажется, что он откажет мне и в этом, но после легкого колебания он переворачивается на живот и подкладывает руки под голову. От этого мышцы его предплечий выглядят аппетитно настолько, что их хочется облизать. Я собираюсь наклониться и сделать именно это.

— Думаю, в ванной есть какие-то пробники лосьона. Иди и возьми их.

А мой властный мужчина вернулся. Таким он мне нравится больше. Я вскакиваю и в темноте бегу в ванную.

— Не включай там свет. Не хочу сегодня ночью никакого света. Так, на всякий случай.

— На всякий случай?

— Думаю, они под раковиной.

Я оставляю этот разговор, потому что не заинтересована в разговорах о плохом прямо сейчас. Я нахожу маленькие дорожные бутылочки лосьона и хватаю три. Возвращаюсь в спальню, кладу две на прикроватный столик и откручиваю крышечку с третьей.

— Ммм. Этот с запахом цветов.

Я сажусь на его бедра, и моя киска тут же пульсирует, когда грубая ткань его джинсов прижимается к моей чувствительной области. Господи, я точно пожалею, если у него и вправду нет настроения трахнуть меня сегодня. Я наклоняюсь над его спиной и поливаю всю ее лосьоном. Он втягивает воздух через зубы, и бурчит что-то о том, что он холодный. Но потом на него опускаются мои руки, и бурчание утихает. Сначала я мну низ его спины, делая круговые движения большими пальцами. Я никогда прежде не делала массаж мужчине, но у меня было множество дней для спа-процедур на разных курортах. Поэтому я знаю, как это приятно.

Я массирую в одном месте несколько минут, потом поднимаюсь вверх по позвоночнику, будучи нежной в этой области, потому что я сама так люблю. Когда я добираюсь до его плеч, мне приходится переместиться, потому что достать не получается. В этот раз я сажусь на его талию, и мы с ним одновременно стонем.

— Сними трусики, Харпер, — произносит он шепотом.

Я скатываюсь с него, и снимаю трусики так быстро, что он едва ли успевает заметить. Снова сажусь на него, и на этот раз он рычит.

— Ты влажная.

— Да, — произношу я, пока выдавливаю больше лосьона на верхнюю часть его спины. Я начинаю работать с его плечами, сжимаю мышцы достаточно жестко, чтобы заставить его стонать, а потом расслабляю хватку и двигаюсь вниз по его рукам. Каждый раз, когда я делаю это, я немного покачиваюсь вперед, потираясь собой об него. Я не знаю, как он чувствует себя при этом, но я — на небесах, и мое желание нарастает.

— Тебе нравится это, Харпер? Ты хочешь довести себя до оргазма, сидя на мне?

Я прикусываю губу.

— Эм... это не совсем то, о чем я думала....

— Я хочу, чтобы ты это сделала. Потирая свою киску, сидя на мне. Я хочу, чтобы вся моя спина была мокрой от того, как ты кончишь.

Мой рот превращается в маленькое «О», когда его требование отзывается в моем мозгу.

— Сделай это, — снова произносит он. — Сейчас же. И не прекращай массировать плечи. Ощущение чертовски фантастическое.

Я хватаю ртом немного воздуха и продолжаю его массаж, начиная свой собственный. Я наклоняюсь вперед, хватаясь за его плечи, пока моя киска скользит по впадине в нижней части его спины, и потом, когда скольжу назад, я одновременно провожу руками по его рукам.

— Сильнее, — шепчет он.

Я не уверена, хочет ли он, чтобы я сильнее объезжала его или массировала. Так что я делаю и то, и другое. Мои бедра начинают круговые движения, толкаясь на нем, скользя назад к упругим мышцам его задницы, и все это время я массирую его плечи. Мне приходится наклониться, чтобы достать до них, отчего моя грудь слегка касается его лопаток.

— Сними футболку, — требует он после нескольких касаний моих заключенных в ткань сосков.

Я снимаю футболку так быстро, что он прекращает говорить, и тянусь к пуговице под ним, чтобы расстегнуть его джинсы. Он на мгновение поднимается на колени, а мое тело все также лежит на нем. Пальцы бешено пытаются освободить его член. Потом он ложится обратно, и я начинаю стягивать его джинсы, пока они не оказываются настолько низко, что он сам может сбросить их.

И впервые... я оцениваю его тело таким, какое оно есть. Объект чистой красоты. Когда мы впервые встретились, я была удивлена, что на нем нет тату. Киллеры и татуировки, казалось, всегда идут бок о бок.

Но теперь я знаю почему.

Он — прекрасен. Его тело не пустое полотно. Это — шедевр. Если на него что-то добавить, это будет отвлекать внимание от его совершенства.

Я снова опускаюсь киской на его задницу, наклоняясь вперед и позволяя груди касаться его лопаток, пока полностью сползаю назад и подвигаюсь вперед по его точеной спине. Мои соски напрягаются, ища внимания, и все подо мной становится скользким от моей собственной влажности и жара, который мы создаем.

— Кончай, Харпер. Кончи для меня, малыш.

Наше дыхание становится громким, тяжелым и рваным, мы вот-вот задохнемся, пока мой живот находится в области изгиба его спины. Я вращаю бедрами и опускаю руку между своих ног.

— Нет, — шепчет он. — Никаких рук, Харпер.

— Этого недостаточно. Мне нужно больше, Джеймс.

Он вскакивает так быстро, что я теряю равновесие и падаю рядом с ним. Его руки подхватывают меня за талию, когда его член скользит по щелке моей киски. Я толкаюсь к нему.

— Войди в меня, Джеймс. Пожалуйста, — умоляю я.

Он подталкивает меня вверх, и я снова сажусь на его талию. Я могу видеть, как желание разливается по его лицу.

— Ты не кончишь вот так просто, солдат.

— Пожалуйста, — я надуваю губы.

Он трясет головой и тянет меня вперед за руки.

— Давай повыше, — шепчет он.

— Куда повыше? — я сбита с толку.

— Размести свою киску напротив моего рта.

Я чуть ли не кончаю только от самой просьбы. Но проглатываю воздух.

— Сейчас же, Харпер. Я не люблю просить дважды.

Я киваю и карабкаюсь выше. Он облизывает губы, и я поднимаю бедра, когда размещаюсь над его головой. Скольжение его языка практически плавит меня, я набираю полную грудь воздуха, и задерживаю его.

Он толкает мои бедра вверх, а потом говорит:

— Скачи, Харпер. Толкайся на мое лицо.

Я даже думать не могу, эти слова... Ядвигаю бедрами вперед и назад, проводя клитором по щетине на его подбородке. Поначалу она слишком груба, но после моя киска становится такой влажной, что я чувствую лишь очертание его челюсти. Я близко, очень-

очень близко, но когда он заводит руки мне за спину и входит пальцем в мой анус — это мой конец. Я пропадаю. Стону его имя. Его язык щелкает по моему клитору, а после он опускается всем ртом на мою киску, усиливая хватку на моих бедрах, и сосет.

Я теряю любой контроль. Сильно кончаю на его лицо. Нет ничего лучшего в этом мире, чем этот мужчина, из-за которого в моем теле взрываются такие ощущения. Дрожь удовольствия продолжается несколькими волнами, и когда они, наконец, стихают, он бросает меня на бок, встает, и становится перед кроватью.

— На колени, Харпер. Сейчас же.

Я даже и близко не отошла от оргазма, но карабкаюсь, поднимаясь на ноги, чтобы сделать то, что он просит. Не хочу заставлять его ждать. Медленно опускаюсь на пол, и мягкий толстый ковер смягчает удар коленями. Он запускает пальцы мне в волосы и стягивает их в хвост.

— Ты хочешь знать, как я это люблю, Харпер? Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе, как сосать мой член?

О боже, этот вопрос. Он спрашивал у меня это в первую ночь. Я громко сглатываю, и киваю.

— Да, Джеймс. Да. Скажи мне, как сделать это правильно.

Он улыбается и берет в кулак свой член, грубо водит по нему, даже если он и тверд, как камень.

— Открой рот, откинь голову назад и возьми его в свое горло. Дыши так, как я говорил тебе прежде.

Я открываю рот, и конец головки уже с каплей предвкушения входит в мой рот.

— Не соси пока. Просто возьми его в рот.

Длина его члена скользит к стенке моего горла, касается моего мягкого нёба, и я давлюсь.

— Шшш, — произносит Джеймс мягко. — Прекрати. Просто дыши через нос и смотри на меня, Харпер. Смотри на меня.

Я фокусируюсь на его лице, наблюдая за тем, как он смотрит на меня.

— Теперь, детка, отведи левую руку за спину и схвати мои яйца правой рукой. О, бл*дь, — стонет он, когда я повинуюсь. — Бл*дь, да, это хорошо. — Его глаза на мгновение закрываются, и это подтверждает, что то, что я делаю, заставляет его сходить с ума так же, как и меня. Я сильнее сжимаю его яйца. Они не помещаются в мою маленькую ручку и очень напряжены. Затем он начинает насаживать мое горло на свой член.

— Проглоти меня, детка.

Сначала я думаю, что он кончит мне в горло, но после понимаю, что он хочет, чтобы я работала горловыми мышцами вокруг его головки. Я сглатываю для него, и он рычит.

— Да, сделай это еще раз.

Я снова глотаю и снова, и снова. И каждый раз его кулак тянет мою голову вперед и его бедра толкаются в меня. У меня во рту столько слюны, что она начинает стекать по подбородку. Я до сих пор наблюдаю за Джеймсом, и все мое внимание сосредоточено на его лице. Я чувствую, что власть снова у меня. Я владею им прямо сейчас. Он сделает все, чтобы его член остался у меня во рту. Я открываю рот еще шире, немного закашливаюсь, и снова глотаю, как только могу. Потом он открывает глаза и произносит:

— Стони для меня. Стони вокруг моего члена, Харпер.

Звук является настоящей реакцией на то, насколько я чертовски возбуждена. Стон

дрожит в горле, и я могу сказать, что Джеймс близок. Я готовлю себя к выбросу его спермы, когда он вытаскивает член, вытягивая за ним ниточку слюны. Он поднимает меня на ноги, толкает к столику и закидывает мои ноги себе на бедра.

— Я всегда предпочту твою киску, малышка. Киски созданы для членов, — и после он вколачивается в меня, приподнимает меня за задницу, толкая к зеркалу, и врезается, пока мы оба не взрываемся.

Он падает на меня после того, как стихает последняя волна пульсации.

— Черт возьми, Харпер, ты сводишь меня с ума.

Мне приходится прикусить губу, чтобы не рассмеяться. Если бы он только знал.

— Вот так ты любишь, чтобы сосали твой член?

Он давится смешком.

— Ага, и это был сраный рай, — он тяжело дышит в мою шею, и я снова практически возбуждена. Но он поднимает меня, шлепает по заднице и ведет в ванную. — Пора освежиться.

Он сажает меня на столешницу, но мои руки обнимают его за шею, и я не в силах опустить его.

— Я знаю, что ты сказал, что вернешься за мной, Джеймс. Но я не могу сделать этого. Пожалуйста, не оставляй меня. Пожалуйста, пожалуйста, прошу.

Он хмурится, глядя на меня сверху, неспособный дать мне ответ и неспособный солгать.

— Десять дней, Харпер. Я никогда не задержусь дольше, чем на десять дней.

— Я не проживу десяти дней, Джеймс. Я не выживу без тебя. Клянусь, не смогу. Так много всего может произойти за десять дней.

— Ты сможешь, детка. Обещаю. Я позабочусь об этом. Просто расслабься. Я никуда не уйду. Это просто на всякий случай. Не по-настоящему.

— Не по-настоящему? — я отчаянно хочу знать, поэтому цепляясь за все.

Он трясет головой.

— Просто на случай, если что-то произойдет.

Но это «если» заставляет меня думать обо всех остальных «если», которые могут случиться.

Что если файлов уже нет?

Что если Ник мертв?

Что если Джеймс и правда уйдет?

И что самое худшее. Что если он не вернется за мной?

Глава 26

Джеймс

Харпер глубоко дышит, будучи полностью истощенной.

Я также истощен, но сон как рукой сняло. Какой idiotский день. Как могло все это дерьмо случиться за один день? Похищение произошло сегодня утром. Убийство тоже произошло сегодня утром. Я до сих пор не знаю, зачем это. Надеюсь, это не связано с работой, которую я исполняю для Адмирала. Или с работой Мерка. Или с тем, что я выполняю, чтобы обезопасить Харпер.

«Ну, Господи Боже, Джеймс, — произносит Тет в моей голове. — Какую работу тебе

еще предстоит продолжить?»

Это хороший вопрос.

Знаете, что было бы круто? Если бы Тет позаботился об этих потерях памяти. Правильно? Это было бы потрясающе, даже если означало бы, что меня будут проверять. Потому что, по меньшей мере, у меня были бы ответы.

«Но реальность, Джеймс, — говорю я сам себе. — Я прилип к реальности. Кто еще был вовлечен?»

Саша, очевидно. Много из произошедшего за сегодня дерьма касалось Саши. И какого хера? Будто этого ребенка просто подбросили мне на колени, чтобы...

Нет. Этого не может быть.

Я рассмеялся про себя. Но как бы идеально было бы, если я просто отправил ее на все четыре стороны? Особенно, после встречи с Адмиралом. «Ликвидируй ее, — сказал он».

Что если он сказал Саше то же самое?

Я имею в виду — это безумие. Маленький Смурф против меня? Я смеюсь. Она хороша для ребенка. Но недостаточно. Даже близко. Харпер тоже чертовски хороша. Но она не умеет стрелять. Черт, да она даже водить не умеет.

Я сажусь в постели и смотрю на нее. Она спит так крепко, не обращая внимания на все, что происходит вокруг.

Я встаю с постели и вытаскиваю чистые джинсы и футболку, которые я принес из «Хаммера» после душа. Потом хватаю пистолет и иду на поиски своей новой жертвы.

Я босиком, так что прохожу вниз и выхожу в гостиную. Здесь абсолютно тихо. Луна освещает комнату достаточно, чтобы видеть, но не более. Слишком много теней вокруг меня, чтобы мне было комфортно. И одна из них может быть ребенком. Я прохожу по коридору и проверяю первую комнату. Ничего. Во вторую комнату в конце коридора дверь закрыта. Тихо подхожу к двери, наклоняюсь послушать и затем мягко стучу.

— Саша? — Я поворачиваю ручку двери и заглядываю. — Саша?

Откуда-то доносится сильное дуновение ветра, будто открыто окно, но все окна в этом доме длинные и захудалые, вверху у самого потолка. Или же световые люки. Я смотрю вверх, и полсекунды мне кажется, что это она и есть — маленький гребаный Смурф прячется на потолке, будто мини-версия Человека-паука.

Но ее там нет.

На потолке есть световой люк. И он открыт. Именно оттуда и доносится дуновение. К стене прислонена лестница, поставленная под острым углом. Я становлюсь под люком и выкрикиваю.

— Саша! Ты наверху?

Над входом на крышу появляется тень.

— Да.

— Мне можно подняться?

Она осторожно поглядывает в сторону.

— Думаю, да.

Я прячу пистолет в штаны и взбираюсь наверх. Когда я выбираюсь из люка, она оказывается на другом конце крыши.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, прохаживаясь к ней. Ее рука за спиной, так что я думаю, что ее посещают те же мысли, что и меня касательно ее.

— Кое-что ищу.

— Оу, — хммм. — Например? — Я делаю вид, что смеюсь. — Это же крыша.

Она кивает на небо головой, не отрывая глаз от меня.

— Ты знал, что сегодня летнее солнцестояние? Самый долгий день в году.

— Бл*дь, ну, это точно был самый долгий день в моей жизни.

— Правда? — спрашивает она, слегка улыбаясь. А после ее улыбка превращается в хмурость так быстро, что мое сердце пропускает удар.

— Что? — Один вопрос — и это все, что нужно, чтобы у нее навернулись слезы. — Что? Что не так?

Она проходит к низкому кирпичному выступу по периметру крыши и садится. Ее пистолет выглядывает из-за пояса, и она вытирает лицо тыльной стороной ладони.

— У нас сегодня были планы.

— С кем? — Бл*дь, о ком она говорит? Планы? Убить меня? У нее есть напарник? Кто он? Все это выстреливает в моей голове, пока она собирается с духом.

— У моего отца и меня, — наконец-то произносит она сквозь слезы. — У нас были планы отправиться в секретное место, где древние индейцы отмечали дни солнцестояния, используя камни, выкладывая их в линию по кругу. Я знала название этого места раньше, но... — она шмыгает носом и трясет головой. — Я забыла, как оно называется. И знаешь что? — Ее глаза наполнены слезами с грустью, пока она смотрит на меня.

Я опускаюсь на колени и оказываюсь одного с ней роста, хоть между нами и добрых шесть метров.

— Что?

— Я и его тоже забыла. Я все о нем забыла, пока не отправилась спать, и не увидела дату на цифровых часах на ночном столике.

Бл*дь. Она думает о своем отце.

— И я знаю, что ты говорил попытаться не думать о таких вещах, но это, и правда, тяжело, — она протягивает рыдание. — У меня все болит с самого утра. Я не жалею, Джеймс, клянусь. Но мне уже не так хорошо, — она опускает пистолет на крышу и закрывает лицо обеими руками. — Голова болит. И плечи болят. Мне кажется, я даже из пистолета выстрелить не смогу. Ты был прав. Будет хреново.

Я не знаю, что сказать. Она разыгрывает меня? Ей правда грустно? Правда больно? Чтс я, бл*дь, вообще должен сказать?

Тишина длится слишком долго. Она набирает полную грудь воздуха и выпускает его.

— Думаю, Мерк был прав. Я — плакса. И ты ненавидишь меня, да?

— Я не ненавижу тебя, — отвечаю я немного защитным тоном, выпуская свой долгий выдох. — Я просто не знаю, что с тобой делать. Не знаю, почему ты здесь.

Она пожимает плечами, потом морщится, когда опускает руку себе на плечо.

Ну, с болью я еще справлюсь. Так что я начинаю оттуда.

— У меня есть аптечка первой помощи в выдвижных ящиках в «Хаммере». Прими одну таблетку «Мотрина» прежде, чем пойти на боковую, — я не знаю, что сказать ей об отце. С этим у меня хреново. Я последний, у кого стоит искать сочувствия. Все, что я знаю, — это бизнес. Смерть — мой бизнес. Я подхожу к ней, и вижу ее Глок. После вытаскиваю свой Five-SeveN, вынимаю обойму, проверяю наличие пуль в ней, оттягиваю корпус назад, опустошаю патронник, позволяя патронам падать мне на ладонь.

— Вот, — произношу я, передавая ей полную охапку пуль. — Хочешь поменяться пистолетами, Смурф? Эта вещица крутая и легкая. Почти без закидонов. Простой 22 калибр.

но знаешь, форма пули придает ей скорости.

Она берет пистолет, а после и магазин. Каждые несколько секунд она шмыгает носом так тихо, как может, пытаясь не привлекать внимания к тому факту, что плачет.

— Бронебойная пуля, — произносит она, вставляя пули в магазин.

— Да уж, так они их называют. Бронебойная пуля. Ты ведь знаешь почему, да?

Она кивает.

— Потому что патроны проходят через кевлар.

— Ага, именно поэтому. — А она разбирается в этом дерьме. — Перезаряди его.

Хочешь выстрелить?

Она снова шмыгает.

— Где?

Я улыбаюсь и широко раскрываю руки.

— Здесь. На расстоянии миль нет ни единого дома. Выбери цель. И выстрели во что-нибудь.

Она сканирует местность, делая небольшой круг, и выбирает. Она целится на расстоянии.

— Как насчет знака на краю территории?

— Вау. А ты не промах, да? — она улыбается мне, и я делаю то же самое в ответ.

— Вот что я тебе скажу. Если ты попадешь по цели, я позволю тебе оставить этот пистолет у себя навсегда. Мы сможем обменяться. Давай? Я возьму твой Глок, а ты оставишь себе мой Five-SeveN.

Ее лицо озаряет широкая улыбка, но она пытается спрятать ее.

— Я смогу попасть в ту цель.

— Покажи мне. Представь, что твой отец смотрит на тебя. Прямо сейчас. Он смотрит на тебя сверху и видит тебя со мной, и, может, немного переживает, — мой голос затихает, и она смотрит на меня снизу. Ее лицо искажено скорбью, но в то же время я знаю, что она слушает. Она хочет услышать от меня что-то настоящее. Ей нужно что-то настоящее от меня. — Он, наверное, что-то подозревает о моих мотивах. И, может, переживает из-за того, что я — плохой парень. Так что покажи папе, что ты легко сможешь со мной справиться. Выстрели в цель и забери мой пистолет.

Она пялится на меня мгновение.

— Ты злодей, Джеймс?

Я медленно киваю.

— Да.

— Я тоже злодейка.

— Ну, тогда, думаю, мы равны, — отвечаю я.

— Возможно, — говорит она и целится.

Она делает долгий ровный вдох, потом выдыхает и спускает курок. Five-SeveN — громкий, но звук удара пули по металлу таблички звучит через секунду после того, как выстрел пистолета затихает. Это и все, что нужно, чтобы подтвердить, что ее цель была настоящей.

— Если мы равны, — произносит она, поворачиваясь ко мне, — тогда, что мы делаем?

— Ну, — я тянусь и поднимаю ее Глок, проверяю магазин, веду пальцем по резьбе на дуле, к которому подошел бы глушитель, а после засовываю его себе в джинсы. — Думаю, нам нужен план.

— Я тоже так думаю.

Я киваю и встаю.

— Дам тебе знать, когда подготовлю его.

Затем я ухожу обратно к открытому люку, наполовину ожидая услышать треск перезарядки пистолета, с которого сразу после этого выстрелят в мою голову.

Но вместо этого слышу долгий, грустный вздох.

Думаю, ее доверие — даже, если оно условное, временное и сомнительное — лучшее, на что я могу надеяться в данный момент.

Глава 27

Джеймс

Я возвращаюсь внутрь, иду через дом, выхожу к «Хаммеру», открываю дверь, сажусь и захопываю ее за собой.

Бл*дь.

Какого черта я делаю?

Взвешиваю варианты в голове. Представляю все пути и каждый выход, который может сделать жизнь лучше. А потом хуже. У каждого решения есть последствия. Каждое мгновение в моей жизни формирует этот момент. И этот момент определяет следующий.

Жизнь — она как башня. Очень высокая башня. Решения ведут к действиям, и действия наслаиваются — одно поверх другого, одно поверх другого. И иногда ты знаешь, почему карабкаешься вверх по этой башне, но в большинстве случаев, просто тащишь себя наверх, цепляясь то одной, то другой рукой. Находя любую трещину или выступ.

И время от времени, пока ты карабкаешься по своей башне, есть мост. И вот ты стоишь, глядя через этот мост, и знаешь, что это будет чертовски легко. Другой стороны не существует. Если бы была, ты бы спрыгнул со своей сраной башни, по которой карабкаешься, и попробовал бы что-то новое.

Но другой стороны не видно. Есть только мост.

Отсюда и риск. Ты продолжаешь карабкаться? Используешь все накопившиеся мгновения, чтобы подняться к концу, который представлял с момента начала своего путешествия?

Или делаешь шаг по мосту и направляешься в неизвестность?

Полагаю, это сводится к сожалениям. Не такие вещи, как: «Убил ли я правильных людей?» или «Выполнил ли я свою работу самым лучшим образом, каким только мог?»

Нет. Жизнь — это не только работа, это... любовь.

Пока, конечно, твоя работа не становится твоей любовью.

Люблю ли я свою работу?

Я вытаскиваю свой телефон и набираю номер по памяти. Гудки идут и идут, а потом меня наконец-то перекидывает на голосовую почту.

— Харрисон, — произношу я низким голосом. — Перезвони мне. Мне нужно большое одолжение.

Кладу трубку и иду обратно, нахожу сигареты, которые купил в баре, а потом выхожу к задней двери, чтобы насладиться ими. Щелкаю зажигалкой и делаю глубокую затяжку. После выпускаю дым, и немного комфорта и успокоения наполняет мои вены. Я иду к знаку,

в который стреляла Саша, и когда добираюсь туда, оборачиваюсь и смотрю на крышу. Ее там нет. Может, вернулась в постель. Может, расхаживает по комнате, взвешивая свои накопившиеся моменты. Обдумывает свои варианты — ступить на мост или нет.

Я щелкаю зажигалкой возле знака, так как луна скрылась за облаками, и стало темнее.

Вижу только серебристую поверхность и понимаю, что смотрю на обратную сторону таблички, поэтому обхожу столб. Забора нет. Есть только столб в земле, который смотрит на пустыню.

Но на табличке, и правда, есть послание. Оно гласит: «Я пристрелю каждого», а посередине таблички дырка от пули.

Саша чертовски хороший стрелок.

Телефон начинает вибрировать в штанах, и я позволяю сигарете свисать на губах, пока выживаю его из кармана и нажимаю на зеленую иконку.

— Да, — произношу я.

— Какое одолжение тебе нужно? — спрашивает Харрисон.

— Ты все еще в Вегасе?

— Ага. До завтра. А что?

— Нужно, чтоб ты забрал кое-что в Колумбии.

Его смех настолько громкий, что мне приходится убрать телефон от уха.

— Я не перевозжу наркотики, урод.

Я делаю затяжку сигаретой и выпускаю дым.

— Никаких наркотиков, дятел. Я собираюсь отдать тебе приказ забрать кое-что, но мне нужно это завтра ночью. Ты сможешь сделать это или нет?

— Чувак, — произносит он, смеясь, — из-за этой поездки придется попотеть, мягко говоря. Это выльется тебе в копеечку.

— Деньги не проблема. Мне просто нужен этот сверток. Завтра ночью. Доставить в округ Ориндж.

— Смогу, но ты будешь должен мне больше, чем просто деньги.

— Ничего меньшего я и не ожидал. Вскоре жди деталей. До связи.

Я нажимаю «окончить вызов» и тут же набираю другой номер. Несколько раз происходит переадресация вызова и каждый раз сопровождается щелчком, которые обычно встревожили бы меня тем, что меня могли прослушивать. Но только так можно поговорить с Роберто.

— Алло, — произносит женский голос. — Роберто Морено Дисеньядор.

— Это Тет. У меня есть заказ, и завтра я пошлю кое-кого для передачи.

— Да, сэр, — отвечает она, без проблем переключаясь с испанского на английский. — Чем я могу вам помочь?

Я рассказываю о своей просьбе. Ничего особенного, по крайней мере, для Роберто. Их не продают здесь в штатах. Во всяком случае, такого калибра. И мне нужна его лучшая работа. Я заканчиваю звонок, пишу Харрисону сообщение и иду на поиски Саши.

— Заходи, — тихо отвечает она после моего стука в дверь. Я открываю ее. Саша скрутилась в кресле в углу комнаты все еще с пистолетом в руках, который я ей дал. — Быстро ты, — произносит она, зевая. — Надеюсь, это не какая-нибудь чокнутая идея, в которой я умираю.

— Ну, дашь мне знать, как все закончится, хорошо?

Она пялится на меня несколько секунд, и я почти вижу, как от вопросов вращается ее

мозг. Задаст ли она их? Будут ли у меня на них ответы?

Не думаю. По крайней мере, пока.

— Священный Обруч⁹ или что-то вроде этого.

— Что? — я трясую головой от ее догадки.

— Это то место, куда собирался забрать меня мой отец. Что-то связанное со Священным Обручем. У него было какое-то особое разрешение подняться с некоторыми друзьями среди коренных американцев, потому что обычно это место закрыто для публичного просмотра во время летнего солнцестояния.

— Прости, ребенок. Я понятия не имею, о чем ты.

— Это неважно, — отвечает она. На лице нет ни единой эмоции. — Кому какое дело до такого рода вещей, — она отворачивается от меня, сворачиваясь своим маленьким тельцем в кресле, будто замерзла. Но это пустыня. Здесь до сих пор почти двадцать шесть градусов по Цельсию, хотя уже и глухая ночь. Ее поза — просто еще один защитный механизм от всей боли. Не физической. Ей немало досталось сегодня. Но боль, из-за пропуска путешествия с ее отцом, не излечишь таблеткой.

Не так легко, по крайней мере.

— Эй, — произношу я после того, как ее глаза остаются закрытыми на протяжении нескольких минут. — Дурацкие Священные Обручи — единственное, что важно, Саша. Как насчет... как насчет того, что я дам тебе обещание... когда все это закончится.

— Какое обещание?

Ее вопрос, кажется, вырвался машинально, потому что она не заботится даже, чтобы открыть глаза.

— Я отвезу тебя в то место. Мы найдем его, и я отвезу тебя туда.

По ее лицу начинают скатываться слезы.

— Уже слишком поздно. Солнцестояние сегодня. Я пропустила его, и больше не хочу туда ехать.

Мне нечего на это ответить. Разве их убедишь? Детей, я имею в виду. Это то, что делают родители? Убеждают их, что они и вправду хотят поехать, что они просто ведут себя как... ну... дети?

Или верят им на слово?

Я не уверен. Поэтому просто встаю и ухожу. Это кажется трусливым шагом с моей стороны, но на хер все. Я — не ее отец. Она — не мой ребенок. И не моя проблема.

Она — мое решение, и больше ничего.

Глава 28

Джеймс

— Нам нужно было уехать прошлой ночью, — ноет Саша.

Богом клянусь, если этот ребенок будет жаловаться всю дорогу до Хантингтон-Бич, я не отвечаю за последствия. Уже этим утром она жаловалась на отсутствие завтрака и на то, что у нее нет чистой одежды, и на боль в теле.

— Здесь ооочень жарко.

Кондиционер включен на полную мощность, но даже если солнце встало полчаса назад, сейчас уже почти тридцать семь градусов по Цельсию.

— Я есть хочу.

— Господи, бл*дь, ты когда-нибудь заткнешься? Я готов выбросить твою задницу на обочину.

Саша продолжительное время вздыхает и смотрит на Харпер. Та молчит всю дорогу. Я тянусь через центральную консоль и хлопаю ее по плечу. Она отрывает свой отрешенный взгляд от окна и нерешительно смотрит на меня.

— Ты в порядке? Ты не промолвила ни слова с тех пор, как мы выехали.

— Да, в порядке. Просто проголодалась, — и она снова отворачивается.

— Ладно, — я сканирую горизонт и вижу какие-то признаки цивилизации. — Мы остановимся при следующей возможности.

Я знаю, почему она притихла. Я сказал ей, что возвращаюсь в округ Ориндж, чтобы получить кое-какие файлы. Должно быть из-за этого. Она спрятала их где-то, и она должна быть очень уверена в месте, иначе взяла бы их с собой. Но я проверял ее рюкзак. Там нет ни флешки, ни бумаг, ни других средств содержания информации, которые я мог увидеть. А ее тревога сегодня утром доказала это окончательно. Те файлы где-то спрятаны, и я направляюсь напрямик к ним.

Когда она сбежала, как она это называет, она прыгнула на самолет на Гавайи, изменила имя и кредитные данные, потом пересела на другой самолет до Лос-Анджелеса. Оттуда за ней проследили до библиотеки университета Калифорнии. Дальше они добраться не смогли. Я имею в виду команду криминалистического наблюдения Организации. Потому что по странным причинам в тот день в библиотеке отключили энергоснабжение. Если быть точнее, за три минуты до этого Харпер вошла в здание. И даже когда главный генератор снова вернулся в строй, система безопасности накрылась. Все камеры были повреждены.

Совпадение?

Не думаю.

Все в тот день было скоординировано Ником. Шоу с камерами наблюдения было продуманным и целенаправленным путем Харпер, чтобы выбраться в международный аэропорт, изменить личность, поймать такси в Лос-Анджелесе — городе, которого она никогда не знала. Она бродила по кампусу Калифорнийского университета, будто она годами была его студенткой. Вообще-то, у нее даже был пропуск этого университета, свисавший на шее прямо перед тем, как она вошла в библиотеку. Записи о том, что она выходила, нет.

А потом она снова появилась на камерах. Она выезжала из Хантингтон-Бич в новом такси, и ее подбросили на главную Пьер-стрит. Она оплатила наличными. Выбралась из такси, прошла квартал на север, повернула на Пятую улицу и после этого, как мы могли сказать по камерам с улиц, пошла напрямик к себе в квартиру. В тот момент в записях был пробел. Она явно снимала квартиру, и технически до сих пор в ней живет. Но я не сразу нашел ее там. Мне не отдавали приказов. Я узнал все это уже после. Мое настоящее объяснение того, почему я наблюдал за ней, было правдой. Я одержим. Я хочу ее. И она — моя.

Информация поступает ко мне с разных источников. Взять, например, Сашу. Адмирал говорит, что он послал меня, чтобы забрать ее.

Ладно. Честно скажу, я не ожидал этого. Трюк с секретарем, которую мы с Мерком практикуем, не держится в секрете... У меня было такое же задание с множеством других тайных агентов на протяжении многих лет. Так что меня не удивляет то, что Адмирал узнал

это. Просто... почему все так встрепнулись по поводу этой маленькой девочки? Эта часть не имеет смысла.

Я проверяю Сашу в зеркале заднего вида, и она наблюдает за мной. Я улыбаюсь ей.

— Мы скоро остановимся. Там есть ресторан, я в этом уверен.

Я смотрю на Харпер, но она прижалась щекой к стеклу, а ее взгляд не направлен на меня.

Она чего-то избегает.

Может быть, это файлы. Может, я. Но так или иначе, чувство такое, будто день начинается... идти коту под хвост.

А когда у меня такое чувство, то мне кажется, что что-то замышляется. Что-то крупное. Я в этом бизнесе слишком долго, чтобы понять, что твой лучший друг — это интуиция. Прямо сейчас она кричит мне быть осторожным, потому что это напоминает конец игры. Или, на самый худой конец, начало конца. Адмирал связался со мной прошлой ночью. А это может означать только одно: Ник тоже скоро появится.

Я обыскивал ее квартиру почти каждый день, когда возвращался в Хантингтон. Адмирал, наверное, сказал, что я был в отпуске, но как только нашел ее, я знал, что это было ради дела. Я был там, чтобы найти Харпер. Присматривать за ней или трахать ее. Одно и то же.

Я позволяю себе слабо улыбнуться, когда думаю об этом.

Ее отец лопнет от злости, когда узнает. Нет ни единого шанса, что это надолго останется секретом, но это *он* пришел ко мне двенадцать лет назад и дал мне то обещание. Я просто беру то, что и так мое.

Оказавшись снова в округе Ориндж, я тщательно обыскал квартиру. Ни секретных панелей в стенах, ни свободных половиц или специальных отсеков в матрасе. Я проверял. Ни тебе ненужных безделушек, которые валяются как мусор, но имеют встроенную крышку для того, чтобы спрятать в них нужное.

Ничего.

Я проверил эту маленькую механическую коробку, которую она использовала, чтобы хранить свои деньги и ключ. Стена и в самом деле имела отверстие размером с кирпич, так что его было легко найти. Но оно было лишь одно.

— Давай остановимся здесь! — кричит Саша, наклоняясь к передним сидениям, чтобы указать из окна. — Смотри! — она смеется, и внезапно я снова могу представить в ней маленького ребенка. Она находится в подвешенном состоянии между наемным убийцей и гормональным подростком, но прямо сейчас я могу увидеть ее такой, какой ее видел ее отец. Маленькой девочкой, которая просто хочет быть ребенком.

— Динозавры! — говорит она.

Конечно же, мы в Кабазоне — обители двух массивных придорожных динозавров.

Я хлопаю Харпер по ноге.

— Хочешь увидеть динозавров, Харпер?

— Я хочу! — возбужденно вскрикивает Саша с заднего сидения. — Смотрите, у них здесь и ресторан есть. Можем остановиться и перекусить, а потом вернуться к ним. Мы же можем посмотреть на них, Джеймс?

— Харпер? — снова спрашиваю я. Она поворачивается ко мне с улыбкой, но что-то в ней явно отключилось. — Еда и туристический поход. Ты «за»?

— Конечно. Я умираю с голоду, и не против немного повеселиться.

Я пытаюсь проигнорировать все предупреждения, звучащие в моей голове, и просто ловлю момент, когда сворачиваю на трассу и направляюсь к огромному тираннозавру. Паркуюсь перед рестораном с вывеской «Поешь» над входом. Выключаю двигатель. Тут же ощущается отсутствие кондиционера. Если вам в лицо постоянно не будет дуть поток прохладного воздуха, жар пустыни вас сожрет. Мы трое открываем дверь, и одновременно выбираемся из машины. Против солнца ничего не поделаешь. Даже три бывалых киллера знают это.

Саша продолжительно смотрит на гигантского динозавра, а потом замечает, что я смотрю на нее, и краснеет от смущения.

— Я была одержима динозаврами, когда была ребенком.

— Ты до сих пор ребенок, Смурф, — отвечаю я ей, когда открываю дверь ресторана для них. Внутри снова прохладно.

— Джеймс, ты смотрел «Парк юрского периода»?

Я смеюсь.

— Думаю, все смотрели «Парк юрского периода».

— Я не смотрела, — произносит Харпер.

— Видишь! — вскрикивает Саша. Динозавры не дают ей покоя, и это заставляет меня улыбнуться. — Харпер выросла на лодке, и никогда даже телевизора не видела. А я выросла с телевизором, и мы ходили в кино, но не часто. Я смотрела «Парк юрского периода» по телевизору, и когда мне было шесть лет, я хотела стать палеонтологом. Вы знали, что в Ист-Термополисе, в штате Вайоминг, есть настоящий след динозавра и кости в одном и том же месте? Это не очень часто встретишь, Джеймс. Почти никогда не увидишь такое в одном месте.

Я трясую головой, когда поднимаю три пальца, давая знак официантке. Она улыбается Саше, которая дает Харпер импровизированные уроки о динозаврах, и подмигивает мне.

— Они смешные в этом возрасте, не так ли?

— Кто? — спрашиваю я, следуя за ней, когда она ведет нас к столику.

Она кладет меню на стол и улыбается.

— Дочери. У меня трое.

После подходят Харпер и Саша, садясь рядом с одной стороны кабинки. Официантка отходит прежде, чем мне удастся ее поправить, и я просто плююсь ей вслед.

Дочери?

Я скольжу в кабинку напротив девочек и чувствую своего рода шок.

— Мне же только двадцать восемь, — произношу я. Но ее уже давно нет, и она болтает с другой группой людей в другой стороне ресторана.

— Двадцать восемь — это много, Джеймс, — колко замечает Саша. — Ты достаточно взрослый, чтобы быть моим отцом.

— Я не твой отец, Саша. И было бы очень большой ошибкой думать обо мне так, — я чувствую тишину больше, чем слышу ее, потому что никто из девушек больше не разговаривает. Все замирает.

Когда я поднимаю глаза, Саша пялится на меня.

— Не переживай, — произносит она сквозь стиснутые зубы, — я все равно никогда не хотела, чтобы ты был моим отцом. Ты — придурок.

Люди за соседним столиком оглядываются на ее ругань.

— Простите, — одними губами произношу я, и быстро отвожу от них взгляд. — Саша,

следи за своим языком. Особенно на людях. Тебе тринадцать лет. Веди себя подобающе.

— Я и вела, — отвечает она, закрывшись меню. — Но ты явно придурок.

— Ладно, — произносит Харпер. — Кто что будет? Я подумываю о том, чтобы заказать все из меню.

Саша кладет меню и смотрит на динозавров через окно.

— Я не голодна.

Я продолжительно бурчу и не могу остановить себя.

— Я закажу за тебя, если ты не выберешь. И ты съешь то, что я для тебя закажу.

— Пофиг, — отвечает она.

Пытаюсь подобраться к Харпер.

— Ей нужно поесть. Мы понятия не имеем, что случится, когда мы вернемся на пляж. Мне нужно, чтобы она была готова.

— Готова для чего? — Харпер осторожно оглядывается по сторонам. — Ты же не думаешь, что мы в беде?

— Еще нет, Харп. Успокойся. Я просто чувствую, что что-то надвигается, понимаешь? А я привык прислушиваться к своей интуиции. Если что-то идет не так, так оно и есть.

— Мне тоже так кажется, — наконец признает Харпер. — Я не могу разобраться, что именно, но у меня плохое предчувствие.

— Это Джеймс предаст тебя, Харпер. Я бы на твоём месте прислушалась к своему предчувствию.

У меня дергается рука, и я готов выбить из нее дерьмо, но Харпер хватает меня прежде, чем я сделаю то, о чем пожалею.

— Джеймс, остановись. Она пытается вывести тебя из себя.

Я делаю глубокий вдох.

— Это работает, и поверь мне, она не захочет быть тем, на ком я выпущу пар.

— Я еще здесь, знаешь ли.

— Саша, — строго говорит Харпер, — закрой свой рот и выбери еду из меню. Ты делаешь все сложнее, чем это должно быть.

Теперь Саша пялится на Харпер.

— Я тебе не понимаю. Он здесь для тебя, знаешь ли. А ты практически сдаешься.

В этот раз я кладу руки на стол, готовый встать и вытащить ее на улицу, где мы можем разобраться по-настоящему, но подходит официантка.

— Вы уже готовы сделать заказ?

Я расслабляюсь на своем месте и указываю на Харпер.

— Я буду... — она снова смотрит вниз на меню. — Dino Supreme, — и когда она поднимает голову вверх, ее лицо освещает улыбка, за которую люди так ее любят. Которая, уж точно, заставляет меня любить ее. — Болтунью, пожалуйста.

Официантка смотрит на Сашу и ждет. Я ожидаю, что из ее порочного рта вылетит что-то свирепое, но своим самым сладким голосом она произносит:

— «Блинчики из яиц динозавра» и апельсиновый сок.

— О, я тоже буду апельсиновый, — добавляет Харпер.

— А драники будут? — спрашивает Саша.

— Нет, они иду отдельно, солнышко.

— Джеймс, — произносит она, глядя на меня. — Можно мне еще и драники?

Я пялюсь на нее буквально широкими глазами, и она снова ловит меня на свою удочку,

но если она хочет поиграть, я могу присоединиться.

— Что угодно, принцесса Смурф.

Я заказываю «Тираннозавра на кости» с жареными яйцами, и к тому времени, как официантка уходит, успокаиваюсь.

Но этот гребаный ребенок. Какого черта это было?

Я смотрю, как она выглядывает в окно, а затем Харпер берет мою руку в свою, наклоняется через стол и целует меня в щеку.

— Все в порядке, Джеймс.

— Я знаю, — отвечаю я ей с улыбкой. По крайней мере, пока. Но это путешествие закончится прежде, чем мы об этом узнаем... А я чертовски уверен, что так и случится.

После этого Харпер продолжает разговор. Она задает Саше различные вопросы с динозаврах и получает полноценные ответы, сопровождаемые жестикуляцией, которую могут видеть все рядом с нами. Саша рассказывает вещи, о которых я никогда раньше не слышал, и становится очевидным, что это ее страсть. Никаких пистолетов. Никаких охотников. Никакой мести. Хотя я вполне уверен, что она скрывает глубокое возмущение Организацией, и решится отомстить, если ей выпадет такая возможность.

Честно говоря, я на это рассчитываю.

Но сейчас передо мной Саша-заучка, любитель динозавров.

Приносят еду, и девочки очень молчаливы, пока едят. Саша съедает все, что есть на ее тарелке. Она справляется с едой задолго до нас, так что извиняется и идет в уборную. Харпер проверяет, пока Саша скроется из виду.

— Так что, — начинает она, — что ты думаешь по поводу всего этого?

Я должен был ожидать этого, но почему-то думал, что она отпустила тему.

— Послушай, — произношу я с немного большим раздражением, чем следовало. — Она — очень проблемный ребенок, ладно? Ее отцу вышибли мозги на прошлое Рождество, когда Мерк был на задании. После она отправилась жить к бабуле с дедом, и им тоже вышибли мозги.

— Об этом она говорила, когда сказала, что убила четверых?

— Да, ее отец, как я понял, — «Осторожно выдавай информацию, Тет», — звучит мой внутренний голос. Это была информация от Адмирала, которую он поведал мне прошлой ночью, — был бывшим тренером киллеров. Он оставил должность и стал продавать оружие за пределами Шайенн (прим. пер. — город, столица штата Вайоминга). Кажется, Саша — его единственная наследница.

— Так она обученный киллер? — Харпер отворачивается, складывая два и два. — Как я? Только она умеет стрелять, а я нет?

Я улыбаюсь на это.

— Мне нравится тот факт, что ты не умеешь стрелять. Или водить, — добавляю я. — Это, своего рода, мило.

Она почти давится своим апельсиновым соком.

— Почему это мило?

— Не знаю. Потому что ты сама по себе ходячее оружие? Рукопашный бой и все такое. Ты можешь серьезно надрать зад. Ты умеешь ходить на огромной яхте, но не умеешь водить машину.

— Ну, сама я на ней ходить не могу. Она чертовски огромная. У тебя должна быть команда. Так что это не так впечатляюще, когда рывкаешь приказы, которые все исполняют.

— Но если бы кто-то попросил тебя стать капитаном огромной яхты и взять его... куда угодно, ты бы смогла это сделать? Так ведь?

Она пожимает плечами.

— Полагаю, что да. Если команда нормальная.

— А что если судно будет поменьше? Могла бы ходить на нем?

— О, да, — отвечает она с восторженными глазами, и это та часть ее, по которой я скучаю. — Если лодка управляется одним или двумя людьми, я справлюсь. Иногда Ник и я могли плавать сами рядом с главным кораблем на лодке охраны.

— И на лодке кроме вас никого не было?

— Нет, она была только для двоих. Очень маленькая.

— Видишь, Харп. И это чертовски сексуально. Если бы я управлял ею, я бы убил нас всех.

— Ну, у нас был целый корабль людей, которые готовы прыгнуть и спасти нас, если бы возникала такая необходимость. По крайней мере, это не было опасно, — она встает со своего места и садится на мою сторону в кабинке. — Я скучаю по океану.

— Мы вернемся туда сегодня. Может, мы могли бы прогуляться по пирсу и понаблюдать за закатом?

Она хватая мое предплечье и опускает голову мне на грудь.

— Я бы с удовольствием.

— Тогда это свидание. — Я внезапно рад, что мы пропустили все закаты, и сегодняшний будет особенным.

— А где Саша? Ее уже давно нет.

— Дерьмо, — произношу я и подталкиваю Харпер из кабинки. Я тянусь за бумажником, бросаю сорок баксов на столик, а потом беру руку Харпер.

— Подожди, — она тянет меня назад к окну. — Разве вон там не она?

Я прищуриваюсь и выглядываю в окно достаточно, чтобы увидеть, как Смурфетта идет к огромной заднице динозавра.

— Харпер, у меня заканчивается терпение с этой девчонкой. Мне ее жаль, и я сделал все, чтобы быть милым, но она просто оторва. Поговори с ней. У нас нет времени на ее капризную чушь. Ей нужно собраться или из-за нее нас всех убьют.

— Ладно, я посмотрю, что можно сделать. Но я не думаю, что она специально это делает. Просто для нее все смешалось, и она сбита с толку.

— Чем? — шепчу я ей на ухо, и моя злость снова просыпается, когда мы идем к передней двери ресторана. — Ей нужно понять одну-единственную гребаную истину. Никто из нас сейчас не находится в хорошем положении. Существует глобальная Организация, которая хочет вернуть тебя, и заполучить ее голову. Если она наполовину так умна, как думает, то должна понять это из твоих слов, и делать, как ей велено.

Глава 29

Харпер

Делать, как ей велено?

Разве он может быть еще худшим неандертальцем? Я вздыхаю, когда наблюдаю, как он удаляется в заднюю часть ресторана. У него классная задница. Потом я замечаю, как

несколько женщин оценивают его, как и я, и во мне начинает скрестись незнакомое чувство.

Ревность.

Одна женщина замечает меня и быстро отводит взгляд, так что я поворачиваюсь и выхожу на улицу. Динозавр стоит на другом конце стоянки, и мои плечи обгорают всего лишь от того промежутка времени, который я нахожусь на солнце, чтобы пересечь это расстояние. Здесь жарко. Почти всю свою жизнь я провела в тропиках, поэтому привыкла к жаре. Но в этой пустыне даже дышать нечем. Жара высасывает из тебя жизнь. И вокруг нет воды, чтобы облегчить твои страдания. На нашей большой яхте был бассейн. Но даже если бы там и не было бассейна, тропический ветер приносил влажную прохладу все время. Я пересекаю лишь половину стоянки, когда меня настигает еще одна эмоция.

Тоска по дому.

Должна признать, я скучаю по судну. Скучаю по той жизни. Меня не били, и ко мне хорошо относились. Я скучаю по океану и по соленому ветру. И по команде тоже скучаю.

Я почти под большим серым зверем, когда замечаю, как Саша пробирается под ним. По крайней мере, здесь есть тень. Я иду под ним, минуя пустой каменный стол для пикника и сажусь на лапу бронтозавра рядом с первым динозавром.

— Что делаешь?

— Думаю, — отвечает она, катая своими шлепанцами камни и кусочки бетона.

— Оу, — еще лучше. — Думаю, Джеймс уже готов уезжать. Он хотел, чтобы я пришла и забрала тебя.

Несколько секунд она молчит, и я начинаю шевелить мозгами в поисках способа, как поднять ее на ноги и заставить идти, когда наконец-то она выдает:

— Ты когда-нибудь думала о жизни в доме? С родителями, школой и тому подобным?

— Нууу...

— Мы жили в трейлере до тех пор, пока мне не исполнилось почти десять. Мне, вроде, нравилось.

— Оу, — я раздумываю над этим мгновение. — Ну, это типа жизни на корабле, разве нет? Ты переезжаешь с места на место и видишь много разного, — я ловлю движение краем глаза и разворачиваюсь, автоматически ища источник опасности. Но это всего лишь Джеймс. Опираясь на динозавра, он подкуривает сигарету. Пожимает плечами, глядя на меня, и поворачивается к Саше спиной. — Самое лучшее в жизни на корабле — это киты. — Саша поднимает на меня глаза, и они светятся от любопытства. — Горбатые киты мигрируют в определенные места каждый год, поэтому нам нужно было быть в той части мира, чтобы увидеть, как они группируются. Мы видели их столько раз, что они остались в воспоминаниях, ну, знаешь, как... это вроде стало частью моей жизни. Они были чем-то особенным, когда я просыпалась утром и видела кита снаружи.

Саша смеется, когда представляет это.

— Ты когда-нибудь плавала с ними?

Теперь моя очередь смеяться.

— Нет, нет, я не настолько смелая. У тебя денег не хватит заплатить мне, чтобы я проплыла рядом с китом. Мне нравится нырять, но в основном на мели, — я делаю глубокий вдох. — У меня, наверное, случится паническая атака, если кит подплывет ко мне в океане, — я тяжело вздыхаю. — У меня часто бывают такие атаки. Из-за этого мне нужно принимать таблетки.

Она пялится на меня секунду, а потом медленно качает головой.

— Это неправда. У тебя не было панических атак с момента, как я тебя встретила.

— Прошло только два дня, — отвечаю я, давась смешком.

— Чувствуется будто прошла вечность с того момента, когда ты наставила на нас пистолет, — и после она смотрит на Джеймса, который все также спокойно курит сигарету, опираясь на переднюю лапу динозавра. Просто выжидает. Иногда он бывает очень терпелив.

— Знаю, — отвечаю я, продолжая тему панической атаки. — Я очень хорошо справляюсь. И знаешь почему?

Она трясет головой и продолжает перекатывать камни своими шлепанцами.

— Думаю, потому, что Джеймс здесь, чтобы помочь мне. Ты помнишь первый вечер, когда ты сказала, что он был несносным с тобой весь день, и чтобы я простила его? Ну, я думала об этом с тех пор, и считаю, что ты права.

Она беспрестанно пялится на меня, и я вижу, как в ее глазах наворачиваются слезы.

— Он — все, что у меня есть, — произносит она, когда слезы скользят вниз по ее лицу. — Он — все, что у меня есть, поэтому у меня нет выбора, кроме как простить его, когда он злой.

— Ну, это, своего рода, правда. У тебя всегда есть выбор, и неважно, хочешь ты или не хочешь прощать людей. И он не совсем все, что у тебя есть, потому что я тоже здесь. Но я думаю, что ты имела в виду то, что мы здесь вместе. Что бы мы ни делали, мы делаем это вместе. И даже если все трое из нас привыкли делать все в одиночку, сейчас мы не одни.

Она начинает плакать по-настоящему, часто шмыгая носом, будто пытается остановить свой рев.

Я думаю, отвлечение действует, поэтому задаю ей вопрос.

— Расскажи мне, что тебе нравилось в жизни в трейлере. Ты видела крутые вещи?

Она кивает, когда вытирает мокрые щеки.

— Мы... — она не в силах сдержать новый всхлип, несмотря на отчаянные попытки, и ей нужна минута, что собраться. — Мы были охотниками за динозаврами.

Джеймс внезапно становится передо мной. Он садится на палец динозавра рядом с Сашей и выбрасывает сигарету.

— Однажды я убил динозавра, — произносит он, когда выпускает последний клуб дыма через нос.

Саша смеется и вытирает глаза.

— Клянусь, — продолжает Джеймс. — Смотри, это ведь моя работа. Я — наемный киллер. Так что один раз я был на тропическом острове где-то возле побережья южной Африки. И у них там был тот тематический парк, где они выращивали динозавриков, используя генетические клоны. У них был электрический забор и всякая срань, но какой-то дебил украл ДНК, чтобы продать ее на черном рынке, и вырубил энергоснабжение, так что все динозавры выбрались. И мне нужно было прийти и спасти всех.

— Джеймс! — кричит Саша, заливаясь смехом. — Тебя никогда там не было. Это кино. Не верь ему, Харпер. Он все это выдумывает.

— Конечно, был. Как думаешь, кто подал автору идею для написания книги? Это был я. Я — первый охотник за динозаврами. Канал Animal Planet хотел создать шоу...

— Джеймс! — снова визжит она. — Ты врешь.

— ...потому что я нашел кучку настоящих яиц динозавра...

Саша бьет его по руке, а он морщится и потирает место удара, будто она причинила ему существенную боль.

— Я не шучу, Джеймс. Мы были охотниками за динозаврами, только мы искали кости и прочее. Мы привыкли проводить лето в штате Юта, ища ископаемые.

— Вы знали, что в прошлом году я впервые узнала, что такое зима? — вмешиваюсь я в разговор, пока момент откровений еще не закончен.

— Что? — произносит Саша через смех.

— Ага, когда приближалась зима, мы просто пересекали экватор и плыли туда, где было лето. Я никогда не видела снега. Мы никогда по-настоящему не отмечали Рождество. У нас никогда не было новогодней елки или чего-то подобного. У нас просто были ужины. И люди просто говорили «Рождество», «с Рождеством» или что там еще... но оно никогда не значило для меня ничего другого, чем просто кучка гостей на палубе.

— Ого, — произносит Саша, глядя на меня с жалостью. — Думаю, моя жизнь была немного лучше твоей.

Я пожимаю плечами.

— Невелика разница. У меня все еще есть отец, но я сбежала от него. Так что на самом деле, я тоже одинока.

Ее хмурое настроение возвращается, и мне становится не по себе оттого, что это по моей вине.

— Ну, — произносит Джеймс, — оба моих родителя до сих пор живы, но я ненавижу их всем своим гребаным нутром, — он выпускает долгий ровный выдох, потом хватает зажигалку и подкуривает еще одну сигарету. — Как можно продать своих детей? — Он выпускает облако дыма через нос и трясет головой. — Кто, бл*дь, вообще продает своих детей?

— У них не было выбора, Джеймс, — говорю я, пытаюсь утихомирить гнев, бурлящий в нем. — Они сделали то же самое, что сделали и их родители. Они родились в этой сраной Организации.

Но Джеймс трясет головой прежде, чем мои последние слова слетают с губ.

— Это неправда, — он пялится на меня. Я не могу видеть его глаз, потому что на нем сраные солнцезащитные очки, но я ощущаю, как его взгляд прожигает меня сильнее, чем жара пустыни. — Ты хочешь узнать, откуда я знаю, что это неправда? Хочешь узнать, откуда я знаю, что ваши отцы... — он указывает двумя пальцами на нас с Сашей, — оказали сопротивление, а мои — нет?

Я не уверена, что хочу знать, но Саша произносит «откуда?» прежде, чем я могу остановить этот разговор.

— Потому что ваши матери — мертвы, — он выпускает еще больше дыма, и потом поднимает очки на голову, чтобы мы могли увидеть его глаза. — А моя — нет.

Весь мир замирает на несколько секунд, пока я понимаю смысл его слов, и единственная вещь, которая пробуждает меня, когда маленькая ручка Саши переплетает мои пальцы с ее.

— Что это значит, Джеймс? — спрашивает она.

Он встает с пальца динозавра и уходит. И когда он проходит под животом динозавра, то разворачивается и идет назад. Останавливается перед нами и опускает взгляд на нас, пока мы задираем головы, чтобы посмотреть на него.

— Это значит, что ваши матери мертвы, потому что они их убили. Так делают, когда рождается девочка. Ну а мальчики? Их тренируют, разве не так? А тренируют для чего? Работы, я полагаю. Большинство из них не убивают других, чтобы выжить, правильно? Нет.

Лишь единицы из них имеют такие привилегии. Но девочек просто передают из рук в руки, — Джеймс перестает говорить и смотрит на меня с прицельной точностью. — Ты знаешь это, Харпер. Тебя продали.

— Тебе, Джеймс. Меня...

Но он трясет головой.

— Это ведь ты сказала, что этого никогда не случится, так ведь? Зачем твоему отцу отдавать свою драгоценную собственность мне? Киллеру. Моя семья — богата, но только потому что Организация выставляет их такими. Я — ничто. Я — никто. Ты знала это с самого начала. Ты чувствовала это внутри. Я — ничего, всего лишь мерзкий киллер. Твой отец дал обещание, но никогда не собирался его выполнять. Он никогда не думал, что я зайду так далеко.

Мое сердце бьется так быстро, что я готова отключиться. Голова начинает кружиться, и я знаю, что сейчас случится паническая атака. Я хочу, чтобы он перестал показывать вещи в таком плохом свете, но Саша...

— Но почему они убили их? — спрашивает она.

Все, что я хочу сейчас сделать, это прикрыть уши, но Джеймс уже отвечает:

— Когда у тебя рождается девочка, они устраняют матерей, потому что они оказывают сопротивление, — и после он просто смотрит на меня. — И, полагаю, даже Адмирал не в силах что-то сделать.

Я мотаю головой.

— Моя мама умерла при родах.

— Ага, — отвечает он. — А как умерла твоя мать, Смурф?

Саша сжимает мою руку и шепчет:

— При родах.

— Это означает, что они не хотели отдавать своих девочек. Они приходят, когда девочки уже рождены, и заключают сделки с отцами. Вот как это происходит. Организация зависит от следующего поколения. Мы нужны им, чтобы продолжать делать за них грязную работу или другие вещи, иначе она просто распадется. Им нужны эти обещания при рождении. И в большинстве случаев, родители сдаются. Я имею в виду, не поймите меня неправильно, у них на самом деле нет выбора. Ни единого. Дети принадлежат Организации, несмотря ни на что. Большинство родителей сдаются, и отдают их. Но иногда, — он снова указывает на нас обеих двумя пальцами, — иногда они сопротивляются. И тогда Организация убивает мать, чтобы преподать другим урок.

— Убивают их... — произносит Саша таким слабым голосом, что я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, в порядке ли она. Ее лицо пепельно-бледное, а хватка на моей руке — сильнее, чем когда-либо. — Они убили их...

И это утверждение, а не вопрос.

Когда я смотрю на Джеймса, он кивает.

— Они убивают их, если они начинают хоть как-то сопротивляться. Так что пока моя мать была занята тем, что подписывала передачу моей сестры, ваши матери боролись за вашу жизнь. А твоему отцу, Саша, из того, что я могу сказать, это почти удалось.

— Его тоже убили они? — вскрикивает она. — Организация?

— Джеймс, остановись, — произношу я. — Просто остановись. Ей не нужно это слышать.

— Нужно, Харпер. Ей на самом деле нужно это услышать, — он смотрит на Сашу, и

хоть его слова и жестоки, его голос остается мягким. — Они убили его, Смурф. Но, эй, — он наклоняется и приподнимает ее подбородок указательным пальцем, — я говорил тебе, что Мерк занят важным делом, помнишь?

— Он на задании по убийству того сенатора?

— Я не уверен, что он делает прямо сейчас, но, поверь мне, он вернется, — после Джеймс смотрит на меня. — И пока он заботится о том, чтобы по-своему положить этому конец, мы трое тоже позаботимся о том, чтобы положить этому конец по-своему. Но мне нужно ваше доверие, девочки. Я не могу ничего сделать, если вы не будете мне доверять, потому что я не могу сделать что-то в одиночку.

Я с тяжестью сглатываю и просто смотрю в его глаза.

— Почему мы должны тебе доверять? Ты делал для них грязную работу всю свою жизнь.

Он и глазом не ведет. Будто привык, что его оскорбляют. Его столько раз называли киллером, что этот ярлык больше ничего для него не значит.

— Потому что они забрали мою младшую сестру. Моя мать продала мою сестренку, и они забрали ее. И кому-то придется заплатить за это, Харпер. Кто-то должен встать и сказать: «ХВАТИТ!». Может, нас не достаточно. Один мужчина, одна женщина и один ребенок. Но я устал ждать, пока кто-то придет и сделает все правильно. С таким же успехом мы сами можем пустить пули себе в голову, бл*дь, прямо сейчас, потому что мы уже мертвы, — он останавливается, чтобы удостовериться, что мы слышали. И Саша, и я теперь дрожим, так что, да, тактика шока работает. — Мы все мертвы, кроме тебя, Рыба-лев. На наших с Сашей головах уже висит мишень. Нет ни единого шанса, при котором нам позволят жить. Но даже если нам это удастся, даже если мне удастся выбраться, и даже если позволят сохранить то, что принадлежит мне, — он берет свободную руку Саши и мягко сжимает ее, — какое будущее у нас будет, если нашу дочь продадут? Какое будущее будет у меня, если они решат сделать тебя «примером»? Потому что, бл*дь, я никогда в жизни не позволю отнять у себя ребенка, и неважно мальчик это или девочка. Этого никогда не случится. Что за жизнь это будет? Какой мужчина вообще позволит такому случиться? Какой трус позволит убить или продать свою семью?

— Я не хочу ни одного из этих вариантов жизни, Джеймс, — произносит Саша. Слезы уже исчезли. Выражение ее лица теперь противоположное тому, которое было у нее несколько минут назад. Тот грустный и потерянный ребенок исчез.

И я вдруг чувствую, будто смотрю на себя в зеркало. Потому что выражение на ее лице в точности, как и у меня.

Хладнокровный киллер.

Ветер пустыни развеивает мои волосы, а температура в тени под динозавром почти тридцать восемь градусов по Цельсию. Но моя кожа покрывается мурашками, пока под ней бежит холодная кровь.

Как и у рептилии, которая прячет нас в своей тени.

Мы все здесь хладнокровные.

Глава 30

Джеймс

Мы идем назад к «Хаммеру» в тишине, и мой мозг, переполненный деталями о девочках, гудит, будто ему есть что сказать. Воспоминания появляются и меркнут, и я прижимаю пальцы к вискам.

— Ты в порядке? — спрашивает Харпер, переплетая свои пальцы с моими. — Ты не очень хорошо выглядишь.

— В порядке, — отвечаю я, но это не так. Не уверен, что хоть кто-то из нас в порядке.

Саша в последний раз оглядывается через плечо на динозавра, прежде чем открыть заднюю дверь со стороны водителя и запрыгнуть внутрь.

— Пристегни ремень, ребенок.

Она делает, как ей велено, без комментариев. Ее прежняя грусть, несмотря на браваду под динозавром, превратилась в безнадежность.

Лучше пусть будет грустной, чем потеряет надежду.

Поэтому я хлопаю ее по ноге, пытаюсь изменить настроение, но она просто мотает головой.

— Это только хуже.

— Что хуже? — хрипит мое сухое горло.

— Знать, — отвечает она, все еще избегая моего взгляда. — У меня, по крайней мере, было во что верить.

Она смотрит прямо на меня, пока Харпер садится и закрывает за собой дверь.

— Ты можешь поверить в меня, ребенок. Я говорил тебе, что работаю над этим. Я собираюсь проследить за твоей безопасностью, — я оглядываюсь на Харпер, и она смотрит на нас. — Я прослежу за безопасностью вас обеих.

Саша отворачивается от меня всем телом. Я закрываю ее дверь и открываю свою, сажусь в машину, и как раз, когда закрываю дверь со своей стороны, слышу ее шепот:

— Я тебе не верю.

Протяжно выдыхаю, завожу двигатель, и прохладный воздух кондиционера сдувает ее слова. Я не отвечаю. Просто возвращаюсь назад на трассу и направляюсь в Лос-Анджелес, ожидая, пока воздух в машине станет прохладней.

Действия всегда говорят громче слов, а пока все, что я ей дал, были слова.

Когда Адмирал пригласил меня на шестой день рождения близнецов, я знал, зачем я там был. Чтобы мне дали номер. Наемный убийца был только что убит. Как? Потрясающий вопрос. Вопрос, о котором я до недавних пор не задумывался. Только сейчас это уже неважно. Слишком поздно, чтобы придавать этому значение. Двенадцать прошедших лет многое стерли. Кроме того, если бы тогда я знал то, что знаю сейчас, я был бы мертв.

Мне никогда не ввали. По крайней мере, мои родители. Они всегда были у меня на виду, когда я был маленьким.

«Ты ребенок Организации, Джеймс. Ты всегда будешь ребенком Организации».

Но быть честным и откровенным — разные вещи.

Я использую это все время ради своего блага. Я пытаюсь быть честным, когда могу, но никогда не бываю откровенным. И в этом большая разница.

На мгновение мне кажется, что их слова — о том, что я принадлежу Организации — были честными. Но упустить тот факт, что мои дети будут обменены на секретные услуги, а мою жену убьют, если она воспротивится — это очень далеко от откровенности. Можете называть меня как хотите — продажным, наивным, отступником — какая разница. Признаю, что временами во мне есть все эти качества. Но это потому, что люди, которые

были со мной честными, были далеко не откровенными.

Когда мне было шестнадцать, я смотрел, как мое обещание играет на пляже. Мне это очень даже нравилось. Я отказался от нее, так что у меня есть какая-то честь. Но я хотел ее, даже если отказывался признать это. Я хотел ее достаточно, чтобы выслушать, что Адмирал запланировал для нее. Я хотел ее достаточно, чтобы убивать по команде более десяти лет. Хотел ее достаточно, чтобы без промаха следовать за каждым приказом, который мне присылали. Хотел ее достаточно, чтобы убить своих братьев и собственного брата.

Даже когда забрали мою младшую сестру в первый год моей работы, как профессионал, я хотел оправдать ожидания Адмирала. Потому что я хотел Харпер. Может быть, тогда я еще не признавал этого, но я хотел удовлетворить его, хотел показать ему, чего стою.

И нахер все это, но я хочу то, что принадлежит мне. Правда, хочу. Последние двенадцать лет я жил обещанием того, что получу свое вознаграждение, когда все будет сделано и все будет сказано.

Мой мозг снова вспыхивает воспоминанием, и я втягиваю немного воздуха, когда покалывающая боль распространяется по лбу.

Но это было до того, как я получил сообщение.

Смешно, как одно текстовое сообщение может изменить вашу жизнь. Как несколько простых слов могут перевернуть все ваши планы с ног на голову, направить работу всей вашей жизни в новое русло и заставить вас делать то, на что вы даже не думали, что способны.

Хотя я способен на все. Теперь я это знаю. Я хладнокровно убил многих людей, чтобы понять, что значит быть способным на что-то.

Люди, которые предполагают, что я закрою глаза, когда ситуация слишком накалится, обычно заканчивают в гробу.

Я никогда не закрываю глаза.

Никогда не спотыкаюсь. Никогда не падаю. Никогда не получаю ударов.

Если я в игре, то играю всеми картами.

И хотя все, что я сделал с тех пор, как мы с Харпер праздновали наше «шестилетие» на пляже, было ради будущего, я знал, что теперь не смогу довести это до конца.

Сообщение, которое изменило мою жизнь, было о девочке.

И оно практически заставило меня смеяться. Потому что теперь, когда я оглядываюсь назад, каждый переломный момент в моей жизни касался девочки.

Эта девочка была той, о ком я забыл, и она все еще была здесь, на задворках моего разума. Изводила меня. Девочка была того же возраста, что и Харпер. Девочка, которую я любил задолго до того, как узнал о существовании Харпер.

Оно пришло в первый день, когда я был на пляже, похмеляясь. Прямо перед тем, как я узнал, что Харпер — это пропавший близнец, будто мне напоминали о конфликте лояльности. В сообщении говорилось: «Встреться со мной».

И все.

Я постоянно получаю такие сообщения. Постоянно нахожу телефоны, которые мне кто-то подбрасывает. Телефон в доме в Санди-Валли был не для Харпер. Он был для меня. Телефон в доме Мерка был не для Саши. Он был для меня. И тот, который я нашел лежащим на перилах балкона квартиры в прошлом марте — в тот день, когда я пришел посмотреть, подойдет ли мне квартира для съема, потому что я смирился со своим обязательным отпуском на пляже, также был для меня.

«Встретиться со мной» — это код наемных убийц, когда нам нужна помощь. Это означало найти ближайшую заправочную станцию, пойти туда и ждать.

Именно это я и сделал. Я ждал, ожидая увидеть одного из двух мужчин. Осталось лишь двое, кто знал, как найти меня. Мертвец, который вошел в дверь Stop-N-Go на Пляжном бульваре давно исчез с моего радара, поэтому у меня заняло целую минуту, чтобы перестать пялиться и смириться с тем, свидетелем чего я стал.

Он был человеком, который большую часть своей жизни провел на пляже, как и я. Его джинсы были старые и порванные. Рубашка была немного велика, спортивная и с выцветшим изображением гриба на ней. Он был в кедах. Держал свои руки вверх, будто сдавался, но он не сдавался. Он просто не хотел, чтобы я сразу же открыл огонь. Ему нужно было время.

Он получил его, потому что я был поражен.

— Хорошо выглядишь, — начал он.

— А ты выглядишь лучше, чем должен, — ответил я.

Он кивнул и потряс рукой в воздухе, чтобы я увидел.

— У меня кое-что есть для тебя, — он держал телефон. — Сообщение.

Какое бы сообщение у него ни было, это было не то, что я хотел услышать, но невольно я сказал:

— Какое сообщение?

— Взгляни, — он протянул телефон, и я потянулся за ним, думая, что он использует возможность, чтобы атаковать. Но он этого не сделал. Он передал мне телефон, и я взял его, не отводя от него взгляда. — Нажми «воспроизвести», Тет.

Я посмотрел вниз на телефон и прищурился, глядя на девушку, которая застыла на иконке видео с YouTube. Остановившийся кадр удерживал ее лицо, а ее широко распахнутые глаза были наполнены страхом.

Зеленые глаза.

Ее глаза были отражением моих. Волосы были такими же темными, как и мои. Черты ее лица напоминали фото моей матери, когда она была молода. Но на ее лице были синяки. Не первой свежести, что делало их еще более ужасными.

— Никола? — это был вопрос в моей голове. Отчаянный вопрос, когда я надеялся, что то, что я видел, было ненастоящим. Я нажал «воспроизвести», и ее голос зазвучал на пустой заправочной станции.

— Джеймс, — сказала она в камеру. Ее глаза были наполнены страхом. — Спаси меня. Прощу, — умоляла она в день снятия видео. — Пожалуйста, помоги мне.

Как можно отказать своей сестре, когда она возвращается из мертвых и просит тебя спасти ее?

Никак. Ты отвечаешь: «Чего бы мне это не стоило».

Потому что кровь гуще воды.

Эта кровь прилипает к твоим рукам, неважно, сколько времени ты проведешь в пустыне.

Эта проклятая кровь заставляет тебя делать многое. Совершать поступки, которые ты никогда не думал, что сделаешь. Как например, убить своего брата, чтобы спасти свою племянницу. Вещи, как например, продать свое будущее, чтобы спасти свою сестру.

Я искал кого-то, кто сможет спасти всю мою жизнь.

С того дня, когда подал руку смерти и отступил от своего грязного обещания.

С того самого дня, когда я решил, что проклят, и заберу их с собой в ад.

С того самого дня, когда я понял, что кровь, может, и гуще воды, но месть пускает глубокие корни.

В тот день я сделал свой выбор. Но это было лишь за несколько часов до того, как я встретил Харпер. Как я мог знать?

Теперь я помню. Я помню, что скрывалось за черным покрывалом отрицания. Я помню часы, когда пытался заставить себя забыть, чтобы избежать последствий.

Я помню грязную сделку, которую заключил со смертью.

И смерть скоро придет, чтобы пожать плоды.

Глава 31

Джеймс

— Мы уже там? — спрашивает Саша, пока я вытряхиваю Николу из своих мыслей.

— Почти, — рассеянно отвечаю я.

Николу не так легко выбросить из головы. Мой долг не маленький. Мой долг превращает будущее, которого я хочу, в невозможность.

Я смотрю в зеркало заднего вида и ловлю взгляд Саши, которая пялится на меня и произносит:

— Джеймс?

— Что? — отвечаю я, изучая ее лицо.

— Как думаешь, у нас есть время сходить сегодня на пляж?

Я киваю ей и смотрю на Харпер. Она спит. Или притворяется. Я не уверен.

— Ага, сегодня я рассчитываю встретить закат. Мы явно направляемся на пляж.

— Вечером? — визжит она. — А мы не можем пойти раньше?

— Посмотрим, Смурф. Сможешь увидеть океан из моего дома, но я хочу, чтобы ты осталась внутри. Сначала мне нужно заняться кое-какими делами.

Именно на этих словах плечи Харпер напрягаются.

— Харп, — произношу я, игриво ударяя ее по ноге. — Харпер? Ты проснулась? Мы вернулись.

Она выпрямляется и поворачивается ко мне. На ее лице медленно появляется улыбка, и она такая же фальшивая, как и ее сон. Она встревожена. Но она и должна быть. Этот план далек от идеального, особенно для нее. А теперь у меня еще и новый игрок на поле. Сраные провалы в памяти.

— Я собираюсь покинуть вас, так как мне нужно встретиться с парочкой друзей. — Она просто пялится на меня. — Ладно?

— Куда ты едешь? — наконец спрашивает она.

— Я пока не уверен. Я получил сообщение об этих пропавших файлах. Так что если я хочу получить их, мне нужно кое-что отправить.

— Отправить... куда?

Я заставляю себя улыбнуться.

— Не переживай об этом, Харпер. Все будет в порядке, малышка. Просто расслабься в моем укрытии на несколько часов. После того, как я вернусь, мы перекусим, а потом отправимся на пляж и проведем отличный вечер.

Она кивает, но я могу сказать, что она мне не верит.

— Эй, — произношу я, кладя руку на ее колено. Она начинает слегка подрагивать. Едва заметно, но это есть. — С тобой все в порядке. Мы в порядке, — акцентирую я. — Не переживай, все будет хорошо.

— Что мы делаем? — спрашивает она низким голосом.

— Мы собираемся в дом Джеймса, Харпер, — Саша подскакивает с заднего сидения. По крайней мере, она мне помогает. Теперь она полностью на моей стороне. Посмотрим, останется ли это так.

— Это мелкая работенка, Харпер. Не убийство. Я в отпуске, помнишь? Это не того рода работа, поэтому перестань волноваться.

Все из этого правда. Ничего не относится к работе, не совсем. Но пока я говорю честно, я не откровенен.

— Давай отправимся в Мексику, — произносит она с яркой надеждой в глазах. — Давай просто... сбежим в Мексику.

— Я хочу поехать в Мексику, Джеймс, — произносит Саша. — Я готова поехать куда угодно. Ребята, вы просто скажите. Я с вами.

— Харпер, — произношу я с любопытством. — Послушай меня. Мы в порядке. Мы не можем сбежать, и ты знаешь это. Ты не можешь сбежать, потому что они знают, где ты.

— Тогда почему я до сих пор с тобой? Почему мой отец не вернулся и не забрал меня?

— Потому что он знает, что со мной ты в безопасности.

— Нас подставляют, — вмешивается Саша с заднего сидения.

Я киваю ее изображению в зеркале заднего вида.

— Нас явно подставляют, Смурф. Но послушайте, девочки, просто, бл*дь, доверьтесь мне, ладно? — Изучаю лицо Харпер и не вижу убежденности, но после я поворачиваю голову к Саше, и она улыбается. Она со мной, и прямо сейчас это все, что мне нужно. Доверие Харпер было бы хорошей составляющей и сделало бы работу легче, но оно необязательно.

— Я просто не... — Харпер точно не на борту. Но я не уверен, переживает ли она на самом деле из-за того, что я упомянул файлы, или из-за чего-то еще. — Я не думаю, что тебе стоит делать эту работу, Джеймс. Я думаю, мы можем исчезнуть. Думаю, мы как-то можем ускользнуть.

Когда я смотрю на нее, ее глаза мечутся, словно у бешеной. Будто она отчаянно хочет убедить меня делать что угодно, только не работу.

— Малышка, расслабься. Почему ты так переживаешь? Здесь нет ничего серьезного.

— Но если нас подставляют, и мы все об этом знаем, тогда почему мы, бл*дь, продолжаем плясать под их дудку?

Я сворачиваю на Супериор-авеню, а после на Пасифик-Кост-Хайуэй, вливаясь в движение, чтобы выиграть время для ответа на ее вопрос.

— Смотри! — визжит Саша. — Это океан! — она открывает окно, и морской ветер наполняет «Хаммер». Я выключаю кондиционер и опускаю окно. Так приятно почувствовать свежий воздух после нескольких дней в пустыне.

— Мне плохо, — произносит Харпер. — Живот, Джеймс. Мне плохо.

Я снова потираю ее ногу.

— Расслабься, Харпер. Я говорил тебе, что забочусь обо всем. Ладно?

Она трясет головой.

— Остановись. Меня сейчас вырвет. Остановись!

Я заезжаю на стоянку ресторана и припарковываюсь в тени. Харпер открывает свою дверь и наклоняется вперед. Она ждет, сплевывает, но держится.

— Что не так, Харпер? — встревоженно спрашивает Саша.

Я смотрю на Сашу и указываю ей помолчать, приложив палец к губам.

— Харпер, — произношу я, потирая ее шею. — С тобой все в порядке. Да? Просто расслабься.

Она откидывается назад на свое сидение и стирает пот со лба.

— Я не хочу, чтобы ты делал эту работу, Джеймс. Не хочу возвращаться назад. Не хочу, чтобы ты оставлял меня одну. Я к этому не готова.

Боже, я чувствую себя чертовски виноватым.

— Ты не будешь одна, Харпер. Я тоже там буду. У меня есть пистолет на случай, если кто-то захочет перейти нам дорогу. Джеймс отдал мне свой Five-SeveN. Он убойный.

— Саша, — строго говорю я. — Не стреляй из этой штуковины здесь, ты меня поняла? Это округ Ориндж, а не пустыня.

— Я не дура, Джеймс, — произносит она, закатывая глаза, будто я ее отец, и мы разговариваем о комендантском часе, а не об убийстве людей. Чертовы девчонки. Они такие эмоциональные. Я просто к этому не привык. Я не работал так много с чертовыми девчонками.

— Харпер, — произношу я, чтобы привлечь ее внимание и отвлечь ее разум от переживаний. Я выхожу, обхожу машину, направляясь к ней, и беру ее лицо в свои руки.

— Просто, бл*дь, доверься мне. — Я смотрю в ее глаза. — Если ты поддашься, отпустишь все, что тебя тревожит, и позволишь мне разобраться со всем, я обещаю тебе — мы будем в порядке.

— А что если я не поддамся тебе, Джеймс? Что если я не могу поддаться тебе? Что тогда?

— Харпер, я здесь, несмотря ни на что. Тебе не нужно доверять мне, но все, что я делаю — для нас. Ты поняла? Вспомни, что я сказал. Если я скажу тебя пройти сквозь пламя?

— Значит, я огнестойкая, — отвечает он грустным голосом.

— Если я скажу тебя не уклоняться от пули?

— Значит, я пуленепробиваемая.

— А если я уйду? — Ее глаза наливаются слезами, но пальцами я вытираю слезы прежде, чем они скатятся по щекам. — Что случится, если я уйду, Харпер?

Она с трудом сглатывает и отрицательно качает головой.

— Я вернусь за тобой, Харп. Если я уйду, это только потому, что я вернусь за тобой.

Теперь ее слезы стекают струями, и не могу ничего сделать, чтобы поймать их.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

Я наклоняюсь к ней и шепчу на ухо.

— Я никогда не говорил, что собираюсь, безумная женщина. Это сценарий с названием «что если».

Она шмыгает носом.

— Ты не уйдешь.

Я трясую головой.

— Меня придется отрывать от тебя, Харп, — я улыбаюсь ей. — Им придется отрывать меня от тебя.

— Обещаешь?

— Обещаю, — это облегчает ее страх, и я чувствую, как она расслабляется в моих объятиях. — Примерно десять минут осталось до моего дома. Хочешь заценить?

— Я хочу! — отвечает Саша. Но я затыкаю ее, снова приложив палец к губам.

Я закрываю дверь Харпер и иду обратно к своей стороне, ловя подозрительный взгляд от Саша, когда прохожу мимо нее. Отлично, как только еще одна присоединилась ко мне на борт, вторая тут же начала подозревать. Эти девушки словно противоположные силы, способные видеть меня насквозь, но только по очереди.

— Ты ведь не уйдешь от меня, Джеймс, так ведь? — спрашивает Саша голосом на краю отчаяния.

Я опускаю очки и смотрю в зеркало заднего вида.

— Никогда, Смурф. Ты нужна мне больше, чем можешь себе представить, — я целюсь пальцем в ее отражение в зеркале, выстреливаю в нее понарошку, и она улыбается.

Глава 32

Харпер

Я не верю ему. Не верю ни единому его слову.

Я не огнестойкая.

Я не пуленепробиваемая.

И если он уйдет, я умру.

Умру.

Это будет мой конец, потому что ничего не кажется правильным. Мой желудок скручивается в узлы. Мозг вращается из-за различных сценариев. Мое тело сотрясает от страха. Если они получают те файлы, тогда что? Что случится со мной? А если они не получают, что мне тогда делать? Ничего из этого не имеет смысла. Где Ник? Он, как и Джеймс, сказал, что придет за мной. Но год почти истек. Я больше не могу это делать. Не могу жить вот так. И чем ближе мы к Пасифик-Кост-Хайуэй, тем хуже мне становится. Мой желудок переворачивается вверх дном. В один момент мне хочется все бросить, а в другой — я до отчаяния хочу остаться в игре.

В поле зрения слева появляется пирс, и Саша визжит от восторга. Она такая счастливая. Но не я. Я стону и прижимаю руку к своему животу.

— Джеймс, пожалуйста, просто развернись.

Но он даже не слышит меня из-за ветра и Саша. Кроме того, он не слушает. Мы проезжаем пирс и поворачиваем на Пятую улицу к моему дому. Маленький мексиканский ресторанчик набит людьми, потому что сейчас время ланча. Он сбавляет скорость и сворачивает на Уолнат, а потом поворачивает в первый поворот направо.

Моя аллея. Я хватаю его за предплечье.

— Я не хочу возвращаться в свой дом, Джеймс!

Он игнорирует меня и просто паркуется перед моим гаражом, а потом выбирается из машины.

Но он идет не к моему дому. Он подходит к гаражу через аллею, открывает панель управления и вводит код. Дверь гаража открывается, когда он садится назад в «Хаммер».

— Просто я здесь живу.

Он улыбается мне, и я чувствую, как во мне поднимается тревога.

— Ты все это время жил через дорогу от меня?

Он заезжает в гараж и глушит двигатель.

— Так легче тебя преследовать, моя дорогая.

— Ха, — произносит Саша с заднего сидения. — Джеймс, ты и в самом деле большой плохой волк. Он собирался сказать Мерку, что волки разодрали меня в прерии, если бы я не вела себя хорошо, Харпер. Лучше берегись.

— Ладно, хватит, — произносит Джеймс, открывая дверь. — Давайте пойдём внутрь, и я покажу вам дом прежде, чем уеду.

Оооу. Мой желудок делает ещё один переворот, и мне приходится проглотить рвоту. Не желая, я выбираюсь из машины и следую за ними мимо панели управления к внутренней двери. Джеймс набирает код, и дверь гаража закрывается, пока дверь в дом открывается. Внутри перед нами ступеньки, которые ведут на второй этаж. Мы с Сашей следуем за ним в яркую и просторную гостиную.

— Ты сможешь увидеть океан, — говорит Саша.

У него здесь, и правда, очень красивый вид. Всего квартал, но смотрит на Шестую улицу. Когда я следую за ними на балкон, я понимаю, что отсюда видно даже песок.

— Организация заплатила бы за такой вид.

Я не знаю, почему говорю это. Чтобы побыть сукой. Чтобы спрятать свое недоверие. Заставить его чувствовать вину за то, что я здесь. Или, может, из-за всего вышперечисленного.

И все же, что со мной происходит? Я понимаю, что он делает все, чтобы я начала ему доверять, но почему я должна? Он никогда не отрицал, что это его работа. Он отрицал некоторые особенности того, почему он здесь. Не ради моего убийства. Не ради убийства Ника. Помимо этого, он очень уклончив.

— Ты должна увидеть третий этаж, — Джеймс пятится назад, берет меня за руку и ведет к небольшим ступенькам в стороне гостиной.

— Я хочу увидеть третий этаж! — восторженно кричит Саша.

— Оставайся здесь, Смурф, — рычит Джеймс.

Я знаю, что он делает, но следую за ним по ступенькам. Он ведет меня мимо спальни и кабинета, и мы добираемся до конца коридора. Затем он открывает двойную дверь, ведет меня в хозяйскую спальню и машет, чтобы я зашла.

Дверь закрывается за мной, и его руки оказываются на моих бедрах, поднимая мою футболку и лаская грудь прямо перед тем, как я начинаю протестовать.

Я хочу протестовать.

Это ложь.

Я хочу трахнуть его. Хочу отсосать ему так жестко, чтобы он забыл обо всех этих файлах, и остался со мной в постели до конца дня. Но этого не случится, так что лучшее, на что я могу надеяться, это час грязного удовольствия.

Я падаю на колени и начинаю расстегивать его штаны, но он хватается меня за предплечье.

— Нет, Харпер. Это не то, зачем я привел тебя сюда.

— Что? — Он поднимает меня на ноги. Мое лицо пылает от смущения. — Что не так?

Он просто улыбается.

— Джеймс, пожалуйста, ты меня пугаешь.

И после он притягивает меня в объятия. Его рот блуждает по моей шее, и его горячего дыхания достаточно, чтобы спровоцировать покалывание в моем позвоночнике.

— Все в порядке. Абсолютно все. Я просто... просто не хочу, чтобы ты думала, что я здесь за этим. Я привел тебя сюда поговорить и все. Наедине, — и прежде, чем понимает мое смятение, быстро добавляет, — ничего плохого.

Я не уверена, что верю ему. Секс кажется теперь нашей новой нормальностью. Было очевидно, что он использует его, чтобы получить желаемое. Чтобы контролировать вещи и выбивать меня из равновесия, чтобы я была более податливой. Но разговор?

— Почему ты такая нервная? — говорит он, беря в руки мое лицо так, чтобы поглаживать его большими пальцами.

Я выпускаю долгий выдох.

— Я просто не уверена, что все, о чем мы говорим, звучит очень утешительно.

Он ведет меня на балкон, открывает раздвижную дверь, чтобы мы могли выйти на террасу. Воздух с океана тут же ударяет в меня. Сегодня ветрено, поэтому, хоть я и знаю, что это невозможно, но я чувствую океан на своей коже.

Я глубоко вдыхаю и понимаю, что Джеймс смотрит на меня. Я улыбаюсь более расслабленно от этих знакомых запахов и чувств.

— Что?

Он трясет головой и пялится в ответ.

— Ты красивая.

Красивая.

Такое просто слово.

Красивая.

Такое говорят дети.

И все равно оно несет в себе больше, чем «прекрасная» или «великолепная», или даже «сексуальная». Оно воплощает простоту, которая заставляет мое сердце кружиться под эхо его голоса в моей голове.

— Я бы хотела, чтобы нам снова было по «шесть».

Он кивает мне.

— Д, нова попытка. Я бы хотел, чтобы у нас была новая попытка. И знаешь, что бы я сделал по-другому?

По моему лицу внезапно начинают течь слезы. Я стираю их и сглатываю новую неизведанную эмоцию, чтобы ответить ему.

— Что?

Он сокращает дистанцию между нами одним шагом, но этот шаг меняет все перед моими глазами. После этого шага я начинаю принадлежать ему. И когда его руки обхватывают меня так, как они делали это множество раз, это тоже все меняет для меня.

— Почему ты плачешь? — мягко спрашивает он. — Разве ты не хочешь узнать, что бы я поменял?

Я немного улыбаюсь и вытираю лицо.

— Хочу. Я хочу знать. Прости. Мне просто внезапно стало грустно. Будто в этот момент что-то происходит неправильно.

— Эй, — произносит он, поднимая мой подбородок так, чтобы я смотрела на него. — Ничего неправильного не происходит, ладно? У меня все под контролем.

— Что все? — говорю я, пытаюсь остановить слезы. — Что нам нужно

контролировать? — Мое сердце бьется так сильно, что я могу потерять сознание. Я тянусь к стеклу, из которого сделаны перила на террасе, но Джеймс меня удерживает. Он ведет меня к шезлонгу, опускает и притягивает меня до тех пор, пока я не оказываюсь прижатой спиной к его груди.

— Ты настолько встревожена, Харп. Остановись. Я привел тебя сюда, чтобы рассказать о нашей новой попытке. Поэтому просто расслабься и наслаждайся моей историей.

Я глубоко вдыхаю, чтобы успокоиться. Понимаю, что слишком бурно реагирую, но это привычное состояние, и я не в силах его остановить.

— Мне нужны те таблетки, Джеймс, — говорю я больше себе, чем ему.

— Харпер, — строго произносит он. Строго настолько, что я слегка подпрыгиваю. — Я не хочу больше слышать об этих сраных таблетках. Я также не потерплю истерик. Ты не будешь их принимать, понимаешь меня?

— Не то чтобы я могла их принять. У меня их даже нет.

— Ты меня понимаешь?

— Да, — отвечаю я. Я поворачиваюсь, чтобы увидеть его лицо, на котором разливается истинная ярость. — Прости, это была шутка. Просто глупый случайный комментарий. И все.

— Он контролирует тебя этими таблетками, Харпер.

— Кто?

— Твой отец, кто же еще? Это он выписал их для тебя. Он тот, кто посадил тебя на них.

— Чтобы контролировать панические атаки. Но его даже поблизости нет, так что оставь это.

— Обещай мне...

— Я обещаю, Джеймс. Просто скажи, что бы ты изменил. — Я скрещиваю руки, злясь на изменение своего настроения. И его. Мы все сегодня на взводе.

— Прости, — говорит он, целуя меня в лоб. — Прости, я просто знаю, как тяжело снять тебя с них, так что я не хочу, чтобы ты вернулась назад к привычкам.

— Когда это у меня был хоть шанс?

— Ладно, хорошо. Ты готова?

Я поворачиваюсь так, что теперь лежу на боку на его груди, а после закрываю глаза и наслаждаюсь его запахом. Его сильные руки вокруг меня. Он ласково водит пальцами вверх и вниз по моим рукам. Но Джеймс молчит, поэтому говорю я:

— Я бы хотела, чтобы ты пришел увидеть меня в день, когда нам исполнилось «шесть», и согласился на предложение моего отца. — Я хохочу, когда смотрю на него. А затем останавливаюсь, потому что он хмурится на меня.

— Нет, Харпер. Я не мог сказать «да» на такое грязное предложение. Это было единственной хорошей вещью, которую я сделал в своей жизни. У тебя было счастливое детство, не правда ли?

— Да, — признаю я.

— Так что забрать его тогда означало бы разрушить тебя. То, кто ты сегодня, все те качества, которые я в тебе люблю, и хорошие, и плохие, все это из-за того, что мы двенадцать лет были порознь.

— Тогда как это может быть новой попыткой? — спрашиваю я, сбитая с толку. Сегодня все сбивает с толку.

— Это новая попытка, потому что я сделал бы это снова.

Мои слезы возвращаются. Он прижимается лицом к моей шее, когда крепче притягивает к себе.

— Я люблю тебя за то, кто ты. Я люблю тебя прямо сейчас, абсолютно все в тебе. Я хочу, чтобы ты осталась такой. Я не изменил бы ни единой вещи, Рыба-лев. Ни единой сраной вещи. Я люблю то, как мы встретились. Люблю тот дурацкий купальник, похожий на костюм балерины, который ты носила. Я люблю то, что ты пыталась зарыть меня лопаткой и ведерком, и похоронить меня в песке, как свой секрет...

— Ты знал?

— Нет, малышка. Я не знал, пока ты не сказала мне свое имя под пирсом. Мне понадобилось двенадцать лет, чтобы это выяснить, — он смеется. — Но я хочу, чтобы ты знала, что я думал о тебе каждую ночь. Где бы я ни находился в мире. Что бы я ни делал. И хоть даже мне и пришлось сказать твоему отцу «нет», мой ответ всегда был «да», — он поворачивает мою голову и нежно целует меня в губы. — Мой ответ всегда был «да». Ты — моя, Харпер. И всегда была моей. И если я скажу тебе пройти сквозь пламя?

— Значит, я огнестойкая, — шепчу я в ответ.

— Ты веришь мне?

Я отрицательно мотаю головой.

— Я не пуленепробиваемая. Я — сплошной унылый беспорядок.

— Ты — пуленепробиваемая. К тебе нельзя прикоснуться, малышка. Нельзя. Потому что я — твой щит. Это все, что тебе нужно знать. Просто... — он подталкивает меня, пока я не поворачиваюсь настолько, чтобы посмотреть в его глаза. — Просто доверься мне.

— Ты придешь за мной? — Он улыбается, и мое сердце крошится. — Ты уходишь, не так ли?

— Нет, — отвечает он слишком быстро. — Я не уйду. По крайней мере, не навсегда. Я собираюсь получить то, что должен, и я вернусь. А после мы отправимся смотреть на закат. Если мне суждено сделать что-то в последний раз, то я встречу с тобой закат.

И после его грудь содрогается от смеха. Я чувствую себя самым грустным человеком на земле, когда он подталкивает меня вперед, выскальзывает из-под меня и уходит делать свою работу.

Глава 33

Харпер

Несколько минут спустя двумя этажами ниже хлопает дверь. Еще через пару минут Саша появляется на террасе.

— Харпер? Ты в порядке?

— Ты ему веришь? — спрашиваю я ее, пока смотрю на Тихий океан. Боже правый, вид — неземной.

Саша издает неловкий смешок.

— Ну, большую часть времени он не очень милый. И по сравнению со мной, он убил многих людей. Поэтому я думаю, нет. Но...

Я смотрю на нее, а потом указываю на стул рядом с моим шезлонгом.

— Но что?

— Но, я считаю, что под всем этим он хороший. Ну... — она отступает и садится. —

Может, не хорошее. Но я думаю, он... очень сильно пытается, — она поднимает руки вверх. — Думаю, он хочет самого лучшего.

— Лучшего для кого?

— Для тебя, полагаю. Для него. Может, даже для меня, но в этом я не уверена. Но он лучше, чем Мерк. Не такой хороший, как Форд, но могло быть и хуже.

— Хмм. Я не знаю, может ли это «могло быть и хуже» заставить меня доверить ему свою жизнь.

— Почему ты вообще должна быть в опасности? Я не понимаю. Зачем ты всем понадобилась? Почему тебя просто не оставят в покое?

— Потому что когда я сбежала прошлым летом, я взяла кое-что важное.

— Типа... золото? — спрашивает она.

Я начинаю смеяться, но не для того, чтобы поглумиться над ее наивностью, а чтобы оценить ее. Прошло много времени с тех пор, когда я чувствовала такую наивность. Хоть люди и думали, что я — маленькая слабая девочка, но я не была слепой, чтобы не видеть, что происходит вокруг. Я просто держала все внутри. Вот, где начинались мои панические атаки. Вот, почему мое сердце бешено стучало. Вот, почему мне были нужны те таблетки. Они позволяли мне жить в фантазии, которую все видят в окружающем мире. Но внутри...

— Нет, не золото. Флешку с важной информацией.

— Оу, — произносит она. Но ее лицо кривится от замешательства. — На ней есть что-то, связанное с деньгами? Потому что папа говорит, что деньги заставляют людей делать плохие вещи. Ну... — она запинается, чтобы обдумать сказанное, — говорил...

Тот факт, что она смогла сказать это, не заплакав, заставляет плакать меня. Она — как и остальные дети Организации — обучена жить с плохим, обучена держать все внутри, или, по крайней мере, держать в себе, пока не отпустит. Она обучена заключать сделки.

— Нет, не с деньгами. С именами. Именами семей Организации, и то, сколько они заплатили Организации, чтобы быть теми, кто они есть. Это определяет то, кем они являются во внешнем мире.

— Оу, — снова произносит она. Но в этот раз она понимает. — Я знаю, что это неправильно. Вся эта чушь с детьми и обещаниями. Так делать — неправильно.

— Это очень неправильно. Но они делают не это, Саша. Если бы дело касалось всего лишь условных браков, ну, можно было обойтись публичными протестами, но мало кому будет дело до парочки девочек, которых отдают обеспеченным мужьям, когда им исполняется восемнадцать.

— Оу.

В этот раз мне становится понятно, что она предпочла бы не говорить об этом, но мои губы так и чешутся рассказать это кому-нибудь.

— Они контролируют все. Все самые большие правительства. Все ключевые инфраструктуры. Силовые компании. Воду. Фермеров. Армии, — я смотрю на нее. — Больницы и аэропорты. Медицину.

Она пытается проглотить свой вопрос, но он все равно слетает с ее губ.

— Имея этот контроль, они творят зло?

— Иногда. Они убили твоего отца. Джеймс говорит, что они убили и наших матерей. Это — плохо. Но я думаю, что самое плохое еще впереди.

— Впереди? — отдается эхом ее голос.

Я пристально смотрю на нее. Она такая сильная для своего маленького возраста. Она,

как я, только гораздо, гораздо лучше.

— Есть вещи похуже контроля, Саша. Они могли бы... — я протяжно вздыхаю. — С ним они могли бы изменить мир. И не в лучшую сторону.

Мы сидим молча несколько минут, а после я встаю и поворачиваюсь к ней.

— Мне нужно прогуляться по аллее, чтобы прикупить кое-что в свою квартиру. Хочешь пойти со мной?

— Мне стоит взять пистолет?

— Да, Саша, — спокойно отвечаю я, — тебе лучше взять пистолет.

Глава 34

Харпер

С того дня, как я встретила Джеймса под пирсом, ничего не происходило так, как я планировала. Например, моя квартира не перевернута вверх дном. Она выглядит такой, какой я ее и оставила. Конечно, здесь особо нечего переворачивать. Но дверная ручка выглядит в порядке, поэтому могу предположить, что люди, которые приходили сюда в поисках того, что я могла оставить после себя, были или тактичными... или их никогда не было.

Неохотно, но я признаю, что никого не было вообще.

И от этого немного больно. Потому что, какого хера? Мой отец весь год знал, где я, и даже не потрудился показаться? Это заставляет меня злиться. Или, может, от этого становится больно. Я не уверена. Но уверена, что не очень приятно сбегать на год, а его не может тронуть даже пропажа самой ценной вещи в его жизни.

Мне хочется кричать. Но Саша смотрит на меня странным взглядом, пока я стою посередине своей ничтожно маленькой комнатки.

— Что? — спрашиваю я ее.

— Почему мы здесь?

— Просто проверь ванную и кладовые, чтобы убедиться, что никто там не прячется.

Она вздергивает бровь, но идет делать то, что я попросила.

Я хватаю нож для масла и мини-отвертку с плоской головкой из столешницы со столовым серебром. После иду к стулу и переворачиваю его. Пол под ним неровный, местами слишком, так что к двум ножкам стула приклеены монеты по пять центов, чтобы он не шатался. Я отковыриваю их ножом и несу на кухню. Поворачиваю к свету, чтобы можно было лучше рассмотреть.

Одна монета настоящая.

Вторая — нет.

Ну, это неправда, потому что они обе настоящие. Но одна особенная.

— Что ты делаешь? — спрашивает Саша, когда выходит из ванной.

Я поднимаю особенную монету, а затем вставляю отвертку в желобок, который проходит по диаметру гладкой стороны монеты. Звучит едва слышный щелчок, когда две половинки монеты расходятся, и я поддеваю щель ногтем, чтобы расколоть ее.

Я улыбаюсь, когда содержимое оказывается перед моими глазами.

— Что это? — спрашивает Саша.

— То нечто важное, что я взяла, когда сбежала в прошлом году.

Джеймс лгал. Или он на самом деле говорил о других файлах. Потому что эти файлы прямо здесь. Это та самая карта microSD, которую Ник поместил на флешку и спрятал для меня в библиотеке Калифорнийского университета. Я знаю это, потому что он знал, что я не смогу считать карту, поэтому поместил маленькую красную точку в уголке этикетки, чтобы я могла ее найти.

Маленькая красная точка прямо там, где и должна быть.

Они так и не нашли ее.

Я выдыхаю с огромным облегчением.

— Эта вещица, Саша, — я поворачиваюсь, чтобы увидеть ее удивленное лицо, — содержит достаточно информации, что уничтожить всю Организацию.

— Как ты ее достала?

— Не я. Это Ник.

— А он умен, не так ли?

— Очень. Но он также на крючке. Ты знаешь, что это значит?

Она кивает. Она знает, потому что выросла с киллерами. Я выросла лишь с одним киллером, но его у меня отняли. Даже если мы не были вместе на его заданиях, он рассказывал мне о каждом. Рассказывал мне о каждой мелкой детали. Рассказывал о каждой слабости, которую он увидел в каждом человеке, с которым встретился на задании. На крючке означает, что на него объявлена охота. Значит, что он уже может быть мертвым.

Поэтому я и эта маленькая карточка могли быть последним шансом, который расставит все на свои места.

Ник никогда не упоминал Джеймса. Я не уверена, хорошо это или плохо. Если все наемники, кроме Джеймса, Ника и этого Мерка, мертвы — учитывая, что Джеймс ответственен за эти смерти, — а мой отец заставил меня убить всех тех людей на своем дне рождения в прошлом году, значит, Джеймса подставляют.

— Я могу спасти его, — говорю я Саше. — Я могу вытащить Джеймса из Организации и, скорее всего, тебя тоже.

— Как? — произносит Саша с невероятным фырканьем.

— Ты сможешь мне найти Ника, чтобы мы передали ему это. Если мне удастся найти Ника, значит, у нас все получится. У него есть план, Саша. Нам нужно найти Ника. И ты говорила, что он приходил к тебе. Много раз.

Черты ее лица ожесточаются.

— Я не скажу тебе то, что он мне сказал. Он велел не говорить тебе.

— Я его сестра! Кроме того, ты уже сказала мне, что он был здесь, какая разница?

Она мотает головой.

— Большая разница. Ты просто девчонка. Ты даже стрелять не умеешь. Или водить. Как мы туда доберемся? Нам нужно отдать это Джеймсу.

— Джеймс *на самом деле* мне нравится, Саша, но я не доверяю Джеймсу. Я не думаю, что он на нашей стороне. Пока. Я должна убедить его уехать. Я хочу убедить его уехать со мной. А он не сделает этого, пока Ник и я не закончим то, что начали. Джеймс все еще непредсказуемый, и он не на правильной стороне.

Она прищуривает глаза и достает пистолет. Он направлен прямо в мою грудь, когда она отходит на пару шагов.

— Ты ошибаешься. Я на его стороне, так что если ты — нет, то это ты не на правильной стороне.

Глава 35

Джеймс

Я наблюдаю за ней с крыши. Удивлен, что Саша вместе с Харпер. Но опять же — девчонки. Им все нужно делать в паре. Это включает походы в туалет и добычу краденной microSD карты.

Она единственная, у кого могут быть файлы. Другие варианты у меня закончились. Я с прошлого лета знал, что они у Харпер, когда Организация известила наемников после ее побега. Она была целью номер один. Не моей целью. Прошлым летом я был занят с Мерком. Прошлым летом я был занят Тони. Я даже отдаленно не был заинтересован в охоте на дочь Адмирала и добыче этих файлов.

Но Ник все изменил.

Ник нашел меня в Колорадо в прошлом марте после того, как я убил собственного брата. В секунду, когда я вылез из своего грузовика в аэропорту Берлингтона, чтобы Харрисон мог забрать меня назад в округ Ориндж после ликвидации Тони, он показался там. Он назвал меня Джеймсом. В его словах был смысл. Он создал это дело. Он сделал предложение. И мне даже не нужно было никого убивать.

Все, что мне нужно было сделать, это следить за тем, чтобы Харпер оставалась жива, пока они не сделают свой ход.

Уже тогда Адмирал собирался отправить меня в отпуск на пляж, так что все было подстроено. Никаких изменений не намечалось до начала лета, после чего он бы вышел на контакт с Мерком, который вышел бы на контакт со мной.

Мы завели секретаря, создали себе фальшивые имена адвокатов и договорились встретиться в июле.

Но на этой неделе что-то случилось.

Саша случилась.

Вот, когда я потерял контроль. Саша.

И то похищение. Харпер сказала, что сообщение, которое она нашла на телефоне в доме в пустыне, было от Ника, но оно было не от Ника. Наемник, которого убила Харпер, работал не на Ника.

Но единственная вещь, которая сейчас заботила мой мозг, — это файлы. Мне нужны эти файлы, чтобы заключить сделку. Сделку не с Ником. Или Мерком. Или Адмиралом.

Свою собственную сделку.

Карту можно спрятать практически во всем. Ее размеры едва ли больше ногтя. Я заранее обыскал ее квартиру. Каждый раз, когда она покидала ее, я обыскивал ее. Бл*дь, я искал абсолютно везде. Бесплезное занятие, потому что если кто-то хочет спрятать одну из таких microSD карт, это дерьмо будет спрятано, и хрен ты его найдешь. Они просто чертовски маленькие.

Добавьте еще тот факт, что файлы можно было перенести на бумагу, или флешку, или жесткий диск, и в этом проблема Организации. Черт, кто может с уверенностью сказать, что сотни копий этих файлов уже не разнесены повсюду? Кто может с уверенностью сказать, что Ник не скопировал на хрен всех их и не отослал куда-то.

Я не думаю, что он это сделал, в основном потому, что Ник сказал мне, что он не делал

этого, когда мы впервые работали вместе. Но также потому, что если кто-то доберется до них, он потеряет власть.

Это всегда был мой план. Я мог забыть его ненадолго, так как мой мозг был немного поврежден на последнем задании, но мой план всегда был таким. Я был здесь не ради Харпер. Я был здесь ради файлов. Неофициально. Конечно, Адмирал рассчитывал, что я буду присматривать за ней, стоит ему только поманить меня ею. И я уверен, что именно поэтому меня отправили на пляж. Я присматривал за ней из-за работы Ника, но теперь не Адмирал дергает за ниточки. Не в этот раз. И никогда больше не будет. Он подставил меня.

Во мне есть многое, но прощение — не для них.

Мое задание с Адмиралом началось в тот день, когда Харпер исполнилось шесть лет, и она игралась на пляже. *«Мы можем изменить мир, — сказал он. Мы можем сделать его лучшим местом, — обещал он. Ты можешь получить мою дочь, оставить позади жизнь убийцы».* Так звучала его сделка. Сделка, которую я заслужил. Она — моя. Неважно, что теперь случится, Харпер Тейт принадлежит мне.

Но единственное, на что он никогда не рассчитывал, это то, что я уйду. Тогда я отказался от его предложения не потому, что я хороший парень, а потому, что я — плохой. Я — киллер. Я был рожден, чтобы делать свою работу. И пока я полностью следую плану, чтобы получить свой приз, Харпер не сможет увидеть холодную кровь, которая бежит по моим венам.

Конечно, Адмиралу понадобилось десять лет, чтобы раскусить меня. Но в тот год, когда Харпер исполнилось шестнадцать, а мне не прислали билет на самолет, он меня заполучил. Она уже стала моей зависимостью тогда. Несмотря на то, как я клялся презирать ее дни рождения, он наконец-то понял, как меня мотивировать.

Его дочь и убийства.

Всех наемников нужно было ликвидировать, если он хотел реструктуризировать Организацию. И кто сможет лучше убить наемника Организации, если не наемник самой Организации изнутри? Я не врал Харпер. Ник... его просто никогда не было в моем списке. Мерк был, но я отпустил этого парня.

Очевидно, меня тоже никогда не было в его списке, но могу поставить на кон свою задницу — сейчас я явно в чьем-то списке. Может быть, в Сашином. И я даже, может, заслужил быть в ее списке. Потому что так это работает, правильно? У тебя есть кто-то, кто сделает за тебя всю грязную работу, а когда он закончит, тебе придется позаботиться лишь об одном свидетеле.

О нем самом.

Обо мне.

Я — последний наемник. И умру я последним.

Но Мерк до сих пор жив.

И Ник до сих пор жив.

И Саша до сих пор жива.

И Харпер до сих пор жива.

В живых остались не только мы. Вспомнить того похитителя вчера утром.

Приказ Адмирала убить наемников был не единственным моим заданием. У меня много заданий. Много профинансированных интересов. Много планов, которые не включают Организацию.

Мои глаза мечутся к аллее, пока мои девочки пересекают улицу, проходя мимо

граффити, нарисованного на гараже, который расположен напротив дома Харпер, я вижу моего мелкого соучастника — Смурфа.

Саша. Я помню то сообщение, которое получил о ее возвращении в марте. Оказывается, у Саши, и правда, есть маленький грязный секрет. Но ее тоже подставили, так что ее доверие полностью у меня в кармане. Потому что Саша Черлин была обещана Николасу Тейту, и именно поэтому он приезжал к ней последний год. Адмирал хотел ее смерти, но как и Мерк, Саша не из тех, кто просто ляжет и примет смерть. Адмирал выпустил ее в прерию Колорадо, чтобы удержать от Ника.

И хоть я не знаю точно, было ли ей сказано убить меня, когда я показался, но чувствую, что так и было. И она промахнулась, так что вместо этого умереть должна она.

Я наблюдаю, как девочки входят в ворота, которые ведут к заднему дворику Харпер. В подвале живет только она, так что она окажется внутри и достанет карточку через пару минут. Я собираюсь спуститься с крыши, чтобы перехватить ее по пути назад к моей квартире, когда мои глаза снова притягивает граффити.

Гриб.

Мой желудок переворачивается, и сердце издает один глухой удар, прежде чем разогнаться до бешеной скорости.

Гриб всегда несет сообщение. «*А теперь ты доволен*»? — говорит Гусеница на нем. Это цитата из «Алисы в стране чудес», написанной в стиле хиппи в 1965 году.

Я неистово осматриваю аллею, понимая, что опоздал, потому что я сижу на крыше в то время, когда он выходит из грузовика, припаркованного через несколько метров.

— Тет! — зовет он и смеется. — Тет, что-то не так? Ты выглядишь так, будто увидел призрака. Я надеялся на прием в стиле «Добро пожаловать с того света». Нет? Ты все еще выздоравливаешь? До сих пор *в отпуске*?

Я думаю... впервые в своей жизни... я не уверен, что мне делать. Поэтому начинаю с его номера.

— Один.

Он ударяет себя в голую грудь, загорелую от времени проведенного на пляже.

— Один, и единственный. До сих пор живой. До сих пор борюсь за свои убеждения. До сих пор... побеждаю, — он снова прыскает со смеху. — А ты хороший песик, Тет. Очень хороший песик. По щелчку пальцев бросаешь птичку к моим ногам.

Я сбит с толку.

Он останавливается подо мной на аллее.

— Что не так, Шесть? Не можешь припомнить нашу сделку? Это нормально, — произносит он, роясь в кармане в поисках телефона, затем машет им мне. — Я постоянно посылал тебе сообщения, дружище. Ты просто их не получал. Уж, извини.

— Я помню сделку, — рычу я. По крайней мере, я помню большую ее часть. — И сделка состояла в том, чтобы принести тебе карту. Так почему ты здесь?

— Ну, братец, извини меня за то, что я тебе не доверяю, но нам нужна новая сделка. Мне нужно кое-что из того, что принадлежит тебе. И это не маленькая девчушка, как и не дочь Адмирала, — он салютует, разворачивается на пятках и идет в направлении заднего двора Харпер.

Харпер

— Ты прикалываешься надо мной, да? — спрашиваю я Сашу, пока она продолжает отходить от меня, все еще удерживая пистолет на уровне моей груди. — Я на твоей стороне, Саша! Опустит пистолет.

— Да. — Голос из открытой двери пугает нас обеих, так что я поворачиваюсь. — Будь хорошей девочкой, Саша, и опусти пистолет. — Я смотрю назад на Сашу: она не опускает оружие, но больше не целится в меня. — Ты помнишь меня? — спрашивает ее мужчина. У него белые волосы, он загорелый и похож на серфера, которому я сделала предложение, чтобы заставить Джеймса меня ревновать, когда мы впервые встретились на прошлой неделе.

Саша кивает.

— Я знаю, кто ты. И если ты подойдешь ближе, я выстрелю.

— Оооооу, так малышка выросла.

Саша рычит на его покровительственный тон.

— Ну, — блондин подходит на два шага ко мне, но не сводит взгляда с Саши. Но после отрывает глаза от нее и пялится прямо на меня. — Харпер Тейт. Мы не имели удовольствия познакомиться. Я — номер Один. А ты, прости, что скажу, — он улыбается, и это самая зловещая улыбка, которую я когда-либо видела, — принадлежишь мне.

Я отшатываюсь от его слов.

— Я так не думаю.

— У нас была сделка.

— У нас не было сделки, — полуфыркаю я, чувствуя себя уверенной. Кто, черт возьми, этот парень?

— Не у тебя со мной. У Тета. У меня с *Тетом* была сделка.

Мой желудок переворачивается. Боль, скручивающая в узел мои внутренности, поглощает сердце. Я никогда не чувствовала эмоций такой силы, как сейчас. Это почти сбивает меня с ног — вот, как предательство ударяет по мне.

— И она включает эту маленькую вещицу в твоей руке.

Я смотрю на маленькую microSD карту, которая до сих пор зажата между моих пальцев. Мой билет на свободу. Эта карта и обещание, что Ник придет и заберет меня, были единственными вещами, ради которых я жила все эти годы. Мы собирались спасти всех. Мы снова собираемся сделать все правильно.

Я смотрю назад на мужчину, который назвался, как Один, и мотаю головой.

— Ты не можешь получить ее. Мне плевать, что он тебе обещал. Я не...

Он хватает меня за горло прежде, чем я могу закончить. Внутреннюю часть моего локтя сжимает невиданной силой. Я забываю все. Все! Мои руки вливаются в его предплечья, пытаются отцепить его пальцы, потом все перед глазами начинает темнеть. А после я слышу, как кричит Саша. Чувствую резкую боль от укола на внутренней стороне руки и... ничего.

Глава 37

Джеймс

— Один, — кричу я, пока тело Харпер обмякает в его руках. На ее шее виднеется

красная полоска, будто ее душили. — Если ты...

— Не подходи ближе, Тет. Она отключилась из-за удушья, но я также ввел ей кое-что. Это была большая доза. И ей нужен антидот.

Бл*дь.

— Я нахер убью тебя. Я нахер...

Он поднимает вверх карта microSD, и меня омывает волна поражения.

— Я уйду, так что ты можешь оставаться, — произносит он, опуская Харпер на пол. — Потому что я всегда хотел Николу, Тет. И прежде чем ты включишь режим старшего брата, тебе стоит знать, что это была ее идея, — он улыбается, и я перевариваю то, что он только что сказал.

Предательство просачивается в меня. Подстава проникает в каждую клеточку.

— Ты думаешь, я лгу? Я пришлю тебе доказательство, когда мы беспечно уедем подальше, — и после он кивает на Сашу. — Этот бесполезный ребенок вон там — твоя проблема. Адмирал дал тебе приказ, поэтому подумай над тем, что ты с ней сделаешь, чтобы вернуть его милость, пока он не узнал об этом саботаже.

Саша наставляет пистолет на него, но шок в ее глазах выдает беспомощность.

— Я уйду, и если у тебя есть мозги, ты найдешь «Налоксон» и спасешь жизнь дочери Адмирала, потому что Николу не нужно спасать, Тет. Она там, где хочет быть, — он ухмыляется. — Со мной.

— Она синее, Джеймс, — произносит Саша голосом, который не должен быть таким спокойным.

— Лучше сделай это, Тет. Она умрет через минуту, если не меньше.

Я мчусь назад через аллею в три раза быстрее обычного и врезаюсь в дверь, которая ведет на улицу. Я практически срываю ворота с петель и с силой ударяю о дверь гаража, когда ввожу код безопасности, чтобы открыть ее и взять аптечку первой необходимости в «Хаммере». Я вбиваю неправильный код, и загорается красная лампочка. Система замка проходит цикл необходимого выжидания, прежде чем я могу попытаться снова, и я заставляю себя вдохнуть глубже, пока в следующий раз мои трясущиеся пальцы набирают каждую цифру правильно. Дверь скользит вверх, я, падая на землю, прокатываюсь под ней, пока она поднимается. Открываю багажное отделение, а затем отсек, где должна быть аптечка.

Хватаю шприц с «Налоксоном» и на всех парах несусь обратно в квартиру Харпер. Когда я добираюсь туда, Саша сидит рядом с ней на коленях и трясет ее, выкрикивая ее имя снова и снова.

— Она мертва! Она мертва!

Нет. Я отталкиваю Сашу с пути и вонзаю шприц в Харпер, надавливая на шток. Проверяю ее пульс. Слабый. Очень-очень слабый. Я наклоняюсь к ее груди и задерживаю свое дыхание, чтобы услышать ее. Ничего.

Теперь Саша истерически кричит. Но мой мир замирает, и я вижу только Харп.

— Рыба-лев, — шепчу я ей на ухо, пока приподнимаю ее за шею, чтобы облегчить дыхание. — Рыба-лев, так легко ты отсюда не выберешься, — я зажимаю ей нос, накрываю ее губы своими и делаю искусственное дыхание.

Я толкаю воздух в нее. Размещаю руку на ее груди, неуверенный, работают ли ее легкие, но я делаю это снова и снова.

Саша плачет.

Харпер не дышит сама, но это нормально.

Я дышу за нее.

Это все, что я слышу. Мои легкие перекачивают в нее воздух, а затем ее собственные забирают его у меня. Это успокаивающий ритм, и он подбадривает меня. Проходит минута. Затем две. Ее сердце бьется, и это все, что имеет значение. Пока я дышу за нее, ее сердце будет биться. А пока оно бьется, она будет жить. Проходит три минуты, затем четыре. Пять.

Ее глаза распахиваются, и она делает долгий вдох, втягивая воздух. Харпер пытается сесть. «Налоксон» растворяет наркотик в рецепторах ее нервной системы, делая его неактивным.

Я обнимаю ее. Крепко. Саша ерзает на полу и ползет, чтобы тоже ее обнять. Крепко.

Харпер начинает плакать, и все мое тело холодеет. Моя кровь превращается в лед.

Я достану этого ублюдка.

Я *достану*. Этого. Ублюдка.

Я буду пытаться его всеми механизмами, о которых он даже не слышал. Сдеру с него кожу, слой за слоем, пока он будет кричать, умоляя о смерти. А он *будет* молить меня о ней.

У нас со смертью есть понимание. Сделка. Она получит их в конце, но я всегда буду добираться до них первым.

Глава 38

Джеймс

Я опускаю Харпер на заднее сидение «Хаммера» возле Саши. Они обе молчат, но они обе живы.

— Саша, следи за тем, чтобы она крепко не уснула, ладно? Тебе нужно проверять ее пульс, чтобы убедиться, что наркотик вышел из нее, и ей не нужна еще одна доза. Проверь ее каждые десять минут.

Я объясняю ей, как это делать, и отдаю свои наручные часы, чтобы она могла следить за временем. Затем даю ей шприц на случай, если Харпер понадобится больше антидота.

Когда Саша поднимает на меня глаза, в них собираются слезы.

— Прости. Мне стоило выстрелить в него. Я не знала, что делать! Это город. Это не одно и то же. Я не знала, что делать.

Харпер наклоняется через гребаную подставку между двумя задними сидениями и хватается ее руку.

— Не плачь, Саша. Я в порядке, ладно? Я в порядке.

Я толкаю Харпер назад на сидение, наклоняюсь к ним обеим, чтобы найти ремень безопасности, и пристегнуть ее.

— Просто не двигайся.

— Джеймс, тот парень сказал, что он послал тебя найти карту.

— Хватит, — я рычу на нее. Она ретируется, но мне плевать. — Не упоминай этого снова. Я позабочусь об этом, но я не собираюсь объяснять, что произошло, потому что я не уверен. Так что хватит, — я выпрямляюсь и стою у двери Саши. — Мы не говорим об этом. Никогда. Вы поняли?

Они просто смотрят на меня, и я думаю, это соглашение, так что принимаю его. Закрываю дверь Саши и открываю свою. Харпер на пассажирском сидении сзади, так что я

могу наблюдать за ней, пока еду. Она все еще сонная, и я надеюсь, что она немного вздремнет, пока мы едем в аэропорт. Я использую тишину, чтобы подумать обо всем.

Завожу «Хаммер» и сдаю назад, выезжая из гаража. Затем следую по аллее, чтобы выехать на Пляжный бульвар и направиться в Фуллертон.

Мои провалы в памяти становятся проблемой. Я отталкиваю их, как кратковременные или проходящие, но я не могу быть уверенным.

Не хватает слишком многих вещей.

Я мог упускать слишком много деталей.

Я мог заключить больше сделок.

Недалеко от 22-ой улицы есть супермаркет «Уомарт», так что я паркуюсь и проверяю девочек. Саша не спит, ее глаза, словно огромные сферы, пока она ждет моих объяснений.

Харпер спит.

— Оставайся здесь и следи за временем, ребенок, и если кто-то подойдет, чтобы навредить тебе или Харпер, пристрели этих ублюдков.

Она сглатывает и кивает.

Я захожу внутрь. Покупаю телефон одноразового пользования, книгу о вампирах и парочку журналов со знаменитостями, какую-то дрянную еду и что-то попить. Мы останемся на парковке, пока этот телефон не зарядится настолько, чтобы я мог сделать звонок.

Я беру все это в «Хаммер», завожу двигатель, чтобы воткнуть зарядку в разъем, и мы... ждем.

Саша читает книгу о вампирах вслух, пока Харпер выходит из своего постнаркотического дрема, и когда значок батареи на экране светится полной зарядкой и наконец-то становится зеленым, я выхожу из машины и звоню.

— Харрисон, — произношу я с облегчением, когда он поднимает трубку после второго гудка. — Ты получил его?

— Дерьмо, чувак, ты, бл*дь, рехнулся? Посылать меня аж в Колумбию за этим?!

— Так ты забрал его?

Он прыскает со смеху.

— Забрал. И я выставлю тебе огромный счет и от себя, и от Роберто.

Я улыбаюсь, а затем оглядываюсь на «Хаммер», из которого Саша наблюдает за мной.

— Хорошо, — отвечаю я, поворачиваясь к ней спиной, — потому что это то, что мне нужно.

Глава 39

Харпер

— Где мы?

— В гавани, Харп. Ты проголодалась?

— Сколько времени?

— Полвосьмого.

— Где мы? — я сбита с толку. — Мы на пляже?

— Да, на пляже. Чтобы поесть. Я знаю, что ты голодна, — он расстегивает мой ремень безопасности и хватается за руку. Не грубо, но крепко.

— Мне нехорошо.

— Я знаю, малышка. Но это нормально. Ты будешь в порядке.

— Где Саша?

— Я здесь, — произносит она. Я смотрю через плечо и вижу ее. На ее лице лишь хмурость. Я улыбаюсь ей, но она не делает этого в ответ.

— Почему на тебе спасательный жилет?

Что-то не так.

— Я не понимаю. Мы будем есть на лодке? — И, конечно, когда осматриваюсь вокруг, я вижу воду. Мы всегда были на такой воде?

— Это наркотик, Харп. Он до сих пор в тебе. Мне пришлось дать тебе еще две дозы антидота.

Он помогает мне спуститься с «Хаммера», и я впервые замечаю, какой он огромный. Мои ноги не работают надлежащим образом, голова в тумане, и все тело горит. Я осматриваюсь вокруг.

— Здесь разные судна.

— В гавани проходят соревнования яхт.

— В какой гавани?

— Ньюпорт. Ты готова? — Джеймс улыбается мне. Я улыбаюсь в ответ. — Мы пойдем сюда, ладно?

Но по какой-то причине слово «Ньюпорт» кричит мне об опасности. Я никогда здесь не была, но я слышала о нем. Где? Почему? Почему я слышала его? Я шевелю мозгами, пока Джеймс ведет меня по пристани и останавливается возле лодки. Он помогает мне забраться внутрь, и должна признать, мне нравится путешествие.

— Мы посмотрим сегодня закат?

— Могу поспорить, малышка.

Меня раздражают его ответы и теперь, когда я выхожу из своего наркотического ступора, ничего из этого не имеет смысла. Джеймс не становится за штурвал. Он смотрит на меня и Сашу, которая сидит возле носа лодки перед капитаном. Это маленькая лодка. Здесь всего четыре места, так что мы полностью ее заполняем.

Из-за соревнований мы едем очень медленно. В заливе, наверное, около сотни яхт, и все как на подбор. Мы виляем между ними, и во мне начинает подниматься смятение.

Боже, я соскучилась по судну. Я улыбаюсь, а потом слегка посмеиваюсь, когда мы набираем скорость, и на меня брызгает соленая вода. Я открываю глаза и замечаю огромную яхту, которая стоит на якоре возле противоположного берега.

— Куда мы снова направляемся?

Но как только слова слетают с моих губ, я понимаю, почему это место показалось мне знакомым.

Мегаяхты.

Мегаяхты могут становиться на якорь, если у них есть разрешение.

Я смотрю на Джеймса, и он тут же переводит взгляд на меня. Он удерживает мои запястья, будто читает понимание на моем лице, и сжимает их еще крепче.

— Не борись со мной, Харпер. Я не буду с этим мириться, — его лицо серьезно, словно он — ангел смерти.

Я встаю, и он встает вслед за мной. Я верчу головой, осматриваясь. И вот она. Очень тяжело пропустить яхту длиной почти в шестьдесят семь метров.

— Ты продал меня.

Я не кричу и не впадаю в истерику. Это слетает с моих губ, как констатация факта. Будто что-то неизбежное. Будто я всегда знала, что для него это всегда было заданием.

Мы снова замедляемся, и капитан пытается вилять между яхтами, чтобы попасть в открытый гараж яхты. Это «Разгар лета». Моя любимая. Та, которую я покинула прошлым летом. Та, где я совершила свое преступление. Мой отец ждет. Он даже улыбается, а затем хмурится. Я прослеживаю направление его взгляда: он останавливается на Саше. Она игнорирует все. Меня, Джеймса, взгляды моего отца, которыми он стреляет в нее. Место, где она сидит, находится на носу лодки, поэтому она наклоняется вперед. Я смотрю назад на отца, и вижу, что он кивает в моем направлении.

Но он кивает не мне. А Джеймсу.

Когда я смотрю назад на Джеймса, он достает пистолет. К нему прикручен большой глушитель. Он наставляет его на Сашу, когда она встает, собираясь улыбнуться и помахать мне.

Джеймс стреляет ей в грудь. Пух из ее жилета летит вверх, а после ее тело падает за борт.

Все, что я слышу, это мой крик, а затем меня вытаскивают из лодки. Четверо мужчин держат меня за конечности. Мне не позволено даже идти — меня несут. Я извиваюсь, пинаю локтем в шею одного из придурков, и он ослабевает свою хватку. Я освобождаю свои ноги, но тут же Джеймс появляется прямо передо мной. Я отрываю обе ноги от земли и ударяю ими в его грудь. Он пятится назад, выпуская весь воздух. Но ни на секунду не отрывает от меня взгляда.

Его глаза говорят что-то, но это не то, что я хочу услышать.

— Ты — предатель! — выплевываю я в него. — Ты — предатель! — визжу я на этот раз.

Он не говорит ничего. Мой отец подходит к нему и похлопывает по спине.

— Хорошая работа, Джеймс. А карта? Ты нашел ее?

Джеймс трясет головой.

— Нет, сэр. Но я знаю, где она. Это следующее место, куда я отправляюсь.

Он с трудом отводит свой взгляд от меня. Охранники снова хватают меня за руки и ноги, и некоторые слова просто теряются в тумане.

Но после я слышу.

— Десять дней, — произносит он. — Я приведу вашего сына и принесу карту через десять дней.

Он смотрит прямо на меня и опускает свои солнцезащитные очки.

И это последний раз, когда я вижу Джеймса Финичи до того, как меня затаскивают на яхту.

Глава 40

Саша

Не позволяйте никому говорить, что быть подстреленным — пара пустяков. Я посмотрю на тебя, Джеймс Финичи.

Конечно, он не здесь. Так что я просто мелю чушь в своей голове.

Я содрогаюсь, когда Харрисон опытно подводит лодку назад к берегу. Мой обычный

пуленепробиваемый жилет, сделанный в Колумбии наркоторгашами для детей, исчез. Керамические вставные панели и несколько слоев кевлара, запиханные под какую-то ткань с диснеевским принтом, не самое лучшее приспособление для плавания. Мне пришлось скинуть с себя эту штуковину, когда я ударилась о воду, иначе бы я сразу пошла ко дну. Так что сейчас мне весьма холодно.

— Ты в порядке, ребенок? — спрашивает Харрисон.

— По мне видно, будто я в порядке? — отвечаю я.

Он пожимает плечами.

— Могла выглядеть и хуже, я полагаю.

— Я замерзаю. Долго еще?

— Ну, мы в плавании, и наш двигатель здесь — ветер. У нас есть мотор, и могли бы сорваться, будто удираем от чего-то, но лучше действовать осторожно.

Он прав. Мы зашли далеко. Меня подстрелили. Харпер вернулась на богатую яхту и исчезла с радара. А Джеймс, вероятно, по пути на свою встречу.

— Значит, будем действовать осторожно, — вздыхаю я.

Нам требуется еще полчаса, чтобы добраться до берега, но теперь солнце садится, гонки окончены и залив пустеет. Я все еще могу увидеть яхту Харпер. Ее очень тяжело пропустить: эта штуковина огромная, как многоквартирное здание, и я должна признать, я рада, что там она.

Я рада, что там кто угодно, только не я.

Мы подплываем к берегу. Харрисон пришвартовывает лодку и указывает на арендованную машину на стоянке.

— Залезай внутрь. Твой пистолет под пассажирским сидением спереди.

Я делаю как велено. Какой у меня выбор?

Жду примерно десять минут, прежде чем Харрисон возвращается. Он улыбается мне, когда заводит машину, и мы срываемся с места. Дорога назад в аэропорт Фуллертон занимает почти час. На бульваре Харбор произошла авария. Но когда мы добираемся, и я вижу Джеймса, который курит, прислонившись к стене здания, моя грусть улетучивается.

О, Джеймс. Ты такой непредсказуемый.

Я выбираюсь наружу, как только машина останавливается, и иду к нему. Я прилагаю все усилия, чтобы не пуститься бегом, но признаю, что последние несколько ярдов я не сдерживаюсь. Я обнимаю его за талию и начинаю плакать.

— Прости меня, Смурф. Смотри, я принес тебе динозавра в знак извинения за то, что стрелял в тебя.

Я шмыгаю носом и вытираю глаза, когда отстраняюсь.

— Я плачу не поэтому.

— Это больно? — спрашивает он, опускаясь на колени передо мной, чтобы посмотреть мне в глаза.

Я киваю. Зачем лгать?

— Больно, — хнычу я. — Чувство такое, будто кто-то огрел меня бейсбольной битой.

Харрисон свистит.

— Бл*дь, да поехали уже!

Джеймс подхватывает меня на руки и несет к самолету.

— Бл*дь, ребенок. Мне на самом деле жаль, что тебе пришлось быть частью этого. Мне жаль. И Харпер никогда не простит меня. Даже если я все сделаю правильно. Но я сказал

Нику, что присмотрю за тем, чтобы она осталась жива, а это единственный способ сделать это, пока мы занимаемся делом. Никто не сможет добраться до нее на яхте.

Он ставит меня на трап и берет за руку, пока мы поднимаемся вверх.

— Она простит, Джеймс. Она простит тебя. Знаешь, откуда я знаю?

— Откуда? — спрашивает он, когда мы входим в самолет, и занимаем наши места друг напротив друга.

— Потому что я поняла, что ты был прав. Форд, как ты.

Он давится смешком.

— Ага, мы оба — киллеры. Я рад, что ты наконец-то поняла это.

— Нет, — отвечаю я. — Это не то, что я имею в виду. Я имею в виду, что *ты* прямо как Форд.

Он наклоняет голову в сторону и смотрит на меня, будто забавляясь.

— Хороший, — отвечаю я со вздохом. Хотя даже он и пытается отрицать это. Он пытается притвориться, что слова ничего не значат для него. Но я знаю, что значат.

Он — киллер. Он — засранец. И он — один из опаснейших парней на планете. Но теперь он мой партнер. И мы собираемся надрать серьезные задницы и спасти мир.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

FN Five-seveN — самозарядный пистолет, разработанный и производимый бельгийской фирмой Fabrique Nationale of Herstal. Название представляет собой комбинацию: с одной стороны Five-seveN — это «5–7» (5,7 — калибр оружия), а с другой первая и последняя буква названия, пишущиеся заглавными — это аббревиатура фирмы Fabrique Nationale.

[

←2

]

Налоксон — антагонист опиоидных рецепторов, применяется как антидот при передозировках опиоидов.

[

←3

]

Варолиев мост или мост — отдел головного мозга, является вместе с мозжечком частью заднего мозга.

[

←4

]

Мохаве — пустыня на юго-западе Соединённых Штатов Америки, занимает значительную часть южной Калифорнии, юго-запад Юты, юг Невады и северо-запад Аризоны; площадь — свыше 35 000 км².)

[

←5

]

Боб Фетт — незначительный персонаж фантастической киносаги «Звёздные войны», охотник за головами.

[

←6

]

Сонора — песчано-каменистая пустыня в Северной Америке, расположенная в районе американо-мексиканской границы на территории американских штатов Аризона и Калифорния, и мексиканских штатов Нижняя Калифорния и Сонора, к северу от Калифорнийского залива.

[

←7

]

Джесси Вудсон Джеймс — американский преступник XIX века, известный сподвижникам под прозвищем «Дингус». Нередко в литературе Джесси Джеймс изображается, как своего рода Робин Гуд Дикого Запада, грабивший богатых в пользу бедных.

[

←8

]

Глок — австрийский пистолет, разработанный фирмой Glock для нужд австрийской армии.

[

←9

]

Священный Обруч — религиозный объект североамериканских индейцев, состоящий из креста, вписанного в круг.